

КАЗАХСТАН - СПЕКТР
аналитические исследования

КАЗАХСТАН – 2030

Учредитель: Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан

**Шеф
редактор:** Е. К. Ертысбаев,
Директор Института

**Исполнительный
редактор:** С. М. Акимбеков

**Технический
редактор:** Е. Н. Урсул

**Адрес
редакции:** Республика Казахстан, 480000,
Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04
Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kaziss.alma-ata.su

Журнал зарегистрирован Национальным агентством
по делам печати и массовой информации Республики
Казахстан 8 сентября 1997 г.

Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмировании и других
формах копирования статей ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не
совпадать с точкой зрения авторов статей.

© казахстан - спектр

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тажин М. М.
Тараков Л. Ю.
Касенов У. Т.
Сыроежкин К. Л.
Султангалиева А. К.

КАЗАХСТАН - СПЕКТР

№ 2 (4), 1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КАЗАХСТАН

- Чеботарев А. Е.* Оппозиция как социально-политический институт и ее роль в политической жизни казахстанского общества3
- Ким О. Г.* Мультикультурализм: мировой опыт и Казахстан18
- Василенко В. Н.* Основы национальной безопасности и устойчивого развития Казахстана: стратегия, приоритеты и механизмы обеспечения41

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Лаумулин М. Т.* Китайско-центральноазиатские отношения: геополитика и безопасность (взгляд с Запада)64
- Шорохова С. А.* Тайвань: прошлое, настоящее и будущее96

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Кадырбаев А. Ш.* Казахстан в "восточной политике" России XVIII - начала XX веков110

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Султангалиева А.К.* Проблемы ислама в Центральной Азии: общее и особенное126
- Айткалиев Р. А.* Политические технологии переходного периода141

РЕЦЕНЗИИ157

SUMMARY 159

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 161

KAZAKHSTAN-SPECTRUM
N 2 (4), 1998
CONTENTS

KAZAKHSTAN

<i>Chebotarev A. E.</i>	Opposition as a Socio-Political Institution and its role in Political Life of Kazakhstan Society 3
<i>Kim O. G.</i>	Multi-Culturalism: World experience and Kazakhstan18
<i>Vasilenko V. N.</i>	The National Security and Sustainable Development of Kazakhstan: Strategy, Priority and Mechanizm of Provision41

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Laumulin M. T.</i>	China-Central Asian Relations: Geopolitic and Security (Review from the West)64
<i>Shorohova S. A.</i>	Taiwan: Past, Present and Future96

HISTORICAL PAGES

<i>Kadyrbaev A. Sh.</i>	Kazakhstan in "the East Politics" of Russia of XVIII-XX Centures110
-------------------------	---

DISCUSS CLUB

<i>Sultangalieva A. K.</i>	The Problems of Islam in Central Asia: Common and Specific Features126
<i>Aitkaliev R. A.</i>	Political Technologies of Transition Period141

REVIEW	157
SUMMARY	159
ABOUT THE AUTHORS	161

КАЗАХСТАН

ОППОЗИЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ И ЕЕ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Чеботарев А. Е.

В период перехода Республики Казахстан от тоталитаризма к демократии, когда в государстве узаконена деятельность разнообразных по идеологическому составу политических партий и общественных движений, институт политической оппозиции становится неотъемлемой частью реального демократического процесса.

Оппозиция, являясь объективной закономерностью политического процесса, существовала и существует всегда при любом политическом режиме как проявление несогласия со стороны различных социальных групп и слоев, представляющих их интересы общественно-политических организаций и отдельных индивидов политикой правящей элиты в той или иной сфере жизни социума. Само присутствие оппозиции указывает на допущение властями тех или иных ошибок в реализации своего политического курса, являясь одновременно эффективным стимулом для их исправления. Правильно воспринятые представителями власти критика и предложения оппозиции помогают решать наиболее актуальные общественные проблемы, совершенствовать систему государственного управления.

1. Оппозиция: понятие, условия существования и проявления в политике

Само понятие "оппозиция" происходит от латинского слова *oppositio* - противопоставление. Нужно отметить, что в современной отечественной политической науке нет однозначного определения оппозиции. Она, в частности, понимается как: 1) способ противопоставления одних политических взглядов, идей, действий другим политическим взглядам и действиям¹; 2) организованная группа, противостоящая по оценкам, программе и политике правящей элите². Очевидно, что в первом случае оппозиция представлена как некая упорядоченная система конкретных действий, а во втором - в качестве определенной организации. Иначе говоря, с одной стороны, оппозиция есть комплекс действий, связанных с противопоставлением одних политических ценностей другим, а, с другой - она представляет собой организованную группу, непосредственно осуществляющую эти действия.

Наличие оппозиции в политической жизни общества определяется целым рядом объективных и субъективных факторов. В первую очередь здесь надо выделить социальную неоднородность человеческого общества. Любое общество, хотя и является единым, целостным организмом, разделено на различные социальные общности: классы, социальные слои и группы, семейно-клановые общины, трудовые коллективы и т.д. Данное деление, в свою очередь, обусловлено такими материально-экономическими факторами, как общественное разделение труда, различное отношение людей к средствам производства, распределению произведенного продукта и его потреблению.

По мере развития производственных отношений социальная неоднородность подкрепляется социальной стратификацией, которая представляет собой структурированную систему социального неравенства. В этой системе социальные группы и отдельные индивиды распределены по званиям, рангам и т.п. в соответствии с занимаемым в обществе социальным статусом³. Иначе говоря, понятие "социальная стратификация" выражает вертикальное расслоение общества, при котором социальные слои, группы и отдельные индивиды выстраиваются в социальном пространстве в иерархическом порядке по принципу "выше-ниже" в соответствии с тем или иным критерием неравенства.

Социальная неоднородность и социальная стратификация логически приводят к дифференциации интересов и потребностей групп и отдельных членов общества. То есть, каждая из социальных групп имеет собственные интересы, реализация которых является самой основой ее существования. Причем интересы одной социальной группы отличаются от интересов других социальных групп и слоев, что, с другой стороны, не исключает наличия каких-либо общих интересов.

Различие же социальных интересов приводит к их столкновению, поскольку реализация интересов одних социальных групп может противоречить интересам других. Столкновение интересов и выступает важным источником социальной активности людей, их противостояния друг другу. Оппозиционные настроения и действия возникают в условиях, когда доминирующие в обществе классы и группы при реализации своих интересов серьезно ущемляют интересы других социальных групп, ограничивают их возможности по удовлетворению должным образом своих интересов. Так, зарождавшееся в рамках феодальных отношений буржуазное сословие выступало оппозицией по отношению к феодальным порядкам и поддерживающему их абсолютизму, ограничивающих развитие капиталистического способа производства как наиболее благоприятного состояния для реализации интересов буржуазии.

Поскольку единственной силой в обществе, способной поддерживать баланс социальных интересов либо изменить общественный порядок в пользу интересов тех или иных классов и групп, является политическая власть, то происходит интеграция всех коренных интересов классов и социальных групп в политический интерес⁴. Конкретным же содержанием политического интереса является в той или иной степени осознанное выражение потребностей социальных групп в определенной политике и политических структурах как инструментах их реализации. Отсюда следует, что главным содержанием политического интереса выступает необходимость завоевания политической власти с последующим ее использованием в интересах определенных социальных групп.

Данное же обстоятельство свидетельствует теперь уже о дифференциации политических интересов. В этом случае одни классы и социальные группы, в первую очередь экономически, а, следовательно, и политически господствующие, стремятся монопольно удерживать политическую (государственную) власть, поскольку это отвечает их интересам, другие же, пытаясь реализовать собственные экономические и политические интересы, решительно выступают за передел власти в свою пользу.

Таким образом, расхождение социальных и политических интересов неминуемо порождает политическое соперничество, основанное на ведении борьбы за политическую (государственную) власть между участниками политического процесса, чьи интересы и противостоят друг другу. При этом одни из них, как уже отмечалось выше, стараются удержать власть и поэтому всецело поддерживают проводимый властвующей элитой политический курс, выступают за неизменность существующего общественно-политического порядка. Другие же участники политического процесса осуществляют деятельность, направленную на решительное отрицание официального государственного курса и бойкотирование различных мероприятий правительства. Именно они и олицетворяют собой политическую оппозицию.

Что касается субъективных факторов, обуславливающих существование политической оппозиции, то они главным образом связаны с психологической мотивацией отдельных личностей, которые можно определить как стремление к свободе и стремление к власти.

Стремление человека к свободе является одной из ведущих социальных потребностей. Нужно отметить, что это стремление осознается не сразу, но, тем не менее, проявляется даже бессознательно. Свобода воспринимается как возможность индивида реализовать себя, раскрыть свой личностный потенциал. Последний может быть большим или малым, но если человек не испытывает внешних ограничений в его реализации, то он чувствует себя свободным. Таким образом, свобода при всем ее величии как социального феномена

есть не самоценность, а возможность человека быть самим собой⁵. Поэтому, любое ограничение свободы личности вызывает с ее стороны естественное противодействие. Если же данные ограничения непосредственно исходят от политической (государственной) власти или санкционированы ею, то у людей проявляется оппозиционность, выраженная в тех или иных действиях, именно по отношению к политической власти.

Побудительным мотивом идущей в оппозицию личности может также выступать ее неудовлетворенная потребность во власти. При этом для одних людей власть является психологическим удовольствием, желанием постоянно руководить кем-либо. Политическую власть такие люди рассматривают как наивысший уровень самовыражения, позволяющий наиболее полно удовлетворить их потребности во власти. Стремление к власти и особенно обладание ею также способны выполнять функцию субъективной компенсации физической или духовной неполноценности индивидов. Для большинства же других людей власть сама по себе не является ценностью, но служит источником получения различного рода благ: высокого дохода, социального престижа, выгодных связей, всевозможных привилегий и т.д. Несмотря на такое различие мотивов, обе категории их носителей отстаивают свое право на власть, как правило, одинаковым образом. Движущей силой стремления к власти может также выступать и ее утрата. Иными словами, занимаясь деятельностью, направленной на смену существующего политического режима и на взятие власти в свои руки, многие оппозиционно настроенные личности тем самым просто удовлетворяют свои потребности.

Необходимо также отметить и факторы, стимулирующие деятельность оппозиции, вызывающие активизацию ее действий. К ним относятся обстоятельства, вызванные не закономерными условиями эволюции общества в целом, а проявляющиеся на конкретном этапе его развития и связанные, как правило, с деятельностью органов власти. Одним из таких факторов является подавление оппозиции. Власть, запрещающая любое проявление оппозиции и инакомыслия, жестоко преследующая возможных оппонентов, своими действиями только усиливает социальный протест, который при стечении определенных обстоятельств может перейти в открытое противоборство с властью.

Другим, не менее важным обстоятельством активизации политической оппозиции является утрата легитимности власти. Любая власть опирается на легитимность, то есть признание и поддержку осуществляемой ею политики со стороны широких слоев общества. Но поскольку власть осуществляют конкретные люди, имеющие собственные потребности и интересы, то наряду с ведением общих дел и реализацией общенациональных интересов они, так или

иначе, преследуют и собственные цели, которые порой вступают в противоречие с общественными интересами. Все это приводит к росту несоответствия целей правящей элиты и массовых представлений о справедливом правлении и, как следствие, к делегитимации власти.

Напрямую с этим фактором связана и неспособность правящей элиты осуществлять свою власть. Особенно отчетливо это проявляется в периоды всевозможных общественных потрясений: экономических кризисов, социальных и межнациональных конфликтов и т.д., когда власть не может реально контролировать общественно-политическую ситуацию в стране. Неспособность власти решать актуальные общественные проблемы приводит к углублению кризисных процессов в экономике и социальной сфере. Как результат - рост недовольства большинства населения деятельностью правительства и интенсификация деятельности оппозиции, которая выдвигает себя в качестве альтернативной элиты в надежде увеличить число своих сторонников и завоевать дополнительные голоса избирателей.

2. Формы и виды оппозиции

Будучи довольно сложным явлением, институт политической оппозиции неоднороден и выражен в разнообразных формах и видах. Нужно отметить, что отечественная политология сводит оппозицию главным образом к парламентской и внутрипартийной⁶, что является существенным ограничением в ее классификации. Изучение всевозможных противостоящих друг другу политических сил на всех этапах истории человечества позволяет более детально определить формы и типологию политической оппозиции.

Прежде всего, можно выделить следующие основные формы оппозиции:

1) индивидуальная оппозиция - представлена отдельными лицами, которые, выражая свою оппозиционность, действуют самостоятельно, не состоя, как правило, в каких-либо организациях, и сильно выделяются своей индивидуальностью. Деятельность таких лиц обычно сводится к идейно-теоретическому оппонированию с властями, острой критике, отрицанию и иногда осмеянию социально-политических устоев общества. В качестве примера можно привести еретиков средневековья (Джон Уиклиф, Ян Гус и др.), различных вольнодумствующих просветителей, философов, литераторов эпохи Возрождения и Нового времени (Томас Кампанелла, Вольтер, Монтескье, Н.Чернышевский и др.), советских диссидентов (А.Сахаров, В. Буковский и др.) и ряд других личностей;

2) институционально-организационная оппозиция - включает различные тайные общества, вооруженные формирования, политические партии, общественно-политические движения и организации, а также всевозможные их блоки и коалиции;

3) парламентская оппозиция - представленная депутатскими группами и фракциями оппозиционных общественно-политических организаций в парламенте. Известны также случаи, когда в оппозиционном состоянии к носителям верховной власти в государстве находился весь парламент. В качестве примера можно привести выступление английского парламента против короля Карла I в 1640 г. или Верховного Совета Российской Федерации против президента Б.Ельцина в октябре 1993 г.;

4) народная оппозиция - представляет собой противостояние широких слоев населения государственной власти. Как правило, такая оппозиция является самоорганизованной и выражается в стихийно проводимых представителями тех или иных слоев населения акциях протеста против определенных аспектов проводимой правящей элитой политики. К подобным акциям протеста можно отнести митинги, демонстрации, политические стачки, забастовки, бунты, мятежи, восстания и т.п.

Политическая оппозиция может быть квалифицирована по следующим критериям:

1. По степени признания существующего общественно-политического строя:

а) системная - признающая основы общественно-политического строя, но выражающая несогласие с методами и средствами, применяемыми правящей элитой в осуществлении государственной политики;

б) антисистемная - полностью отрицающая существующую систему политических, экономических, социальных и духовных ценностей и выступающая за ее коренное изменение;

2. По характеру отношения к политике властей:

а) лояльная - находящаяся в постоянной готовности к соглашению с властями и оказанию им поддержки;

б) умеренная - отстаивающая свои позиции не всегда решительно. Отличительной чертой такой оппозиции является то, что она не отказывается от соглашений с властями, но готова в любой момент возобновить свою оппозиционную деятельность, если власти не пойдут ей на встречу по тем или иным вопросам;

в) конструктивная - жестко критикующая государственную политику и предлагающая альтернативные варианты ее осуществления;

г) непримиримая - абсолютно отвергающая проводимый государственный курс и занимающая довольно конфронтационную позицию по отношению к политике правящей элиты;

3. По преследуемым целям:

а) непосредственно политическая - ставящая своей основной целью завоевание государственной власти. Деятельность такой оппозиции направлена на поиски путей достижения власти и связана с использованием всевозможных средств и методов давления на правящую элиту через парламентариев, СМИ и т.д.;

б) гражданская - состоящая из организаций гражданской активности - массовых, экологических, социальных, правозащитных, миротворческих и пр. движений, которые не ставят перед собой непосредственно политических целей, но вынуждены в процессе осуществления своей деятельности вступать в той или иной мере в отношения с политическими структурами. Их оппозиционность по отношению к правящей элите проявляется в том, что основным предназначением данных объединений является защита интересов человека и общества от посягательств со стороны государства. Они как бы призваны сдерживать, а кое-где и ограничивать государственный экспансионизм в гражданском обществе;

4. По характеру проявления оппозиционности:

а) конструктивная - сочетающая критику политики властей с формулированием своих содержательных деловых предложений по ее улучшению;

б) деструктивная - неспособная к разработке альтернативных вариантов общественного развития, склонная к перманентной критике властей и к осуществлению действий, дестабилизирующих общественно-политическую ситуацию;

5. По занимаемой идейно-политической позиции:

а) правая - выступающая против политики правительства, направленной на существенные изменения общественного уклада. К "правым" относятся в основном выразители консервативных и реакционных, фашистских ценностей;

б) левая - выступающая за кардинальное преобразование общественно-политического строя и использование при этом в случае необходимости радикальных методов. Как правило, к "левым" причисляют носителей социалистической и коммунистической идеологии;

в) центристская - поддерживающая государственный курс в целом, но выступающая против тех или иных действий правительства, которые, по ее мнению, склоняют его политику "вправо" или "влево";

6. По степени принадлежности к правящей элите:

а) внутриэлитная - состоящая из представителей власти, несогласных с теми или иными решениями государственного руководства. В пример сюда можно привести внутрипартийную оппозицию, существующую в 20-х - начале 30-х гг. в СССР - троцкисты, зиновьевцы, правые уклонисты и др.;

б) внеэлитная - не входящая в систему государственной власти;

7. По масштабности осуществления деятельности:

а) общенациональная - действующая в пределах всего государства и стремящаяся к обладанию верховной (центральной) власти;

б) региональная - осуществляющая свою деятельность на уровне определенных регионов и отстаивающая чисто региональные интересы. В отдельных случаях деятельность региональной оппозиции

может носить национально-освободительный либо сепаратистский характер, если регион является территорией компактного проживания национальных меньшинств, чьи интересы так или иначе ущемлены центральной властью;

8. По степени возможности существования:

а) легальная - действующая гласно и открыто в соответствии с действующим законодательством, предоставляющим такую возможность;

б) нелегальная - действующая в "подполье" ввиду запрещения деятельности любой оппозиции, что характерно для тоталитарных и авторитарных режимов, либо из-за осуществления антигосударственных, противозаконных действий независимо от характера политического режима;

в) полулегальная - формально не запрещенная и действующая открыто, но лишенная ряда важных прав, предоставляемых законодательством страны, либо находящаяся под запретом, но фактически не преследуемая властями и имеющая в силу этого возможность осуществлять свою деятельность открыто. В качестве примера в первом случае можно привести Коммунистическую партию США, которой в некоторых штатах отказано в регистрации для участия в президентских выборах, во втором - Компартию Бразилии в период военной диктатуры в 1979-1986 гг.⁷

3. Оппозиция в условиях различных политических режимов

Существование и деятельность политической оппозиции во многом зависит от характера существующего в данном государстве политического режима. Он определяет статус оппозиции в данном обществе и форму отношения между ней и правящей элитой.

В условиях тоталитарного режима, имевшего место в фашистской Италии, гитлеровской Германии, СССР, социалистических странах Восточной Европы и продолжающего существовать в Китае, Северной Корее и на Кубе, ни о каком существовании оппозиции не могло быть и речи. Установление монополии на власть тоталитарными партиями сопровождалось комплексом мер, в числе которых был и запрет оппозиции. Тоталитарный режим пытается насаждать социальную однородность путем стирания каких-либо социально-классовых различий. Поэтому, любая оппозиция просто считалась невозможной, а любое ее проявление расценивалось как антиобщественная и антигосударственная деятельность.

В то же время при отсутствии узаконенных каналов выхода наружу социальных противоречий, которые, несмотря на проведение всевозможных социальных экспериментов продолжали существовать, закономерно возникали неофициальные, незаконные каналы. В частности, появились так называемые "диссиденты", в том числе и

внутри самих правящих партий, что было прямым выражением назревших в обществе противоречий. Правящие же партии несколько не стремились искать согласие и компромисс с инакомыслящими. В отношении таких людей система выработала комплекс всевозможных ограничений и пресечений. Однако, как показала практика, отсутствие в тоталитарном обществе каналов вывода на поверхность общественной жизни назревающих противоречий и их трансформации в импульсы конструктивной работы по совершенствованию политического строя привело в конечном счете к загниванию и краху самой системы.

В условиях авторитарного режима оппозиция либо запрещается совсем и любое ее проявление преследуется по репрессивным законам диктатуры, либо она ставится в такие условия, в которых не может нормально функционировать и фактически не является полноценным субъектом политической жизни общества. В некоторых случаях, когда правящая элита стремится хоть как-то замаскировать сущность режима путем проведения фальсифицированных выборов и создания марионеточного парламента, она пытается создать видимость легальной оппозиции путем учреждения сверху искусственной "двухпартийной" системы. В такой системе одной из партий заранее уготована роль правящей, а другая должна выполнять функции лояльной оппозиции. Так, например, в Бразилии после установления военной диктатуры в марте 1964 г. были упразднены 14 политических партий, вместо которых в ноябре 1965 г. были учреждены две новые: правящая - Национальный союз обновления (АРЕНА), куда вошли правые и реакционные элементы, и псевдооппозиционная - Бразильское демократическое движение, основу которого составили умеренные представители распущенных либеральных и социал-демократических партий⁸.

Несмотря на различия тоталитарного и авторитарного режимов, одинаковым в них является напряженность в отношениях между властями и оппозицией. Естественно, что, не имея легального статуса в условиях насилия и произвола, которые несет любая диктатура, оппозиции ничего не остается как противостоять власти, используя самые что ни на есть радикальные способы своего политического волеизъявления. К таким способам можно отнести ведение антиправительственной агитационно-пропагандистской работы, проведение различных митингов, пикетов, забастовок, организацию восстаний и мятежей, осуществление террора по отношению к представителям власти и ведение военно-партизанской борьбы с режимом.

Совсем иная ситуация наблюдается в странах, избравших единственно приемлемым для них способом общественно-политического существования демократию. В политической жизни развитых стран Западной Европы и Америки одной из доминирующих

является идея "лояльной оппозиции"⁹. Согласно ей все стороны в демократическом обществе разделяют приверженность его основным ценностям. Политические соперники должны терпимо относиться друг к другу и признавать, что каждый из них играет законную и важную роль. Основные же правила общества должны способствовать терпимости и гражданскому духу общественных дебатов.

После окончания выборов проигравшие должны принять решение избирателей. Если правящая партия проигрывает, она мирным путем передает власть. Кто бы не выиграл, обе стороны дают согласие сотрудничать при решении общих социальных проблем. При этом проигравшие, которые теперь уходят в оппозицию, знают, что они не будут преследоваться, а могут полноправно продолжать участвовать в политической жизни. Когда приходит время следующих выборов, оппозиционные партии вновь имеют возможность бороться за власть. Они лояльны не по отношению к специфическим политическим курсам правительства, но к основам демократии и фундаментальной законности государства.

Классическим образцом "лояльной оппозиции" признается оппозиция в Великобритании, представленная одной из двух основных партий - Консервативной и Лейбористской - в период нахождения у власти одной из них. Являющаяся в силу устоявшихся традиций английского бипартизма второй по численности депутатских мандатов в палате общин, одна из этих партий признается "официальной оппозицией". В обязанности правительства входит выслушать и рассмотреть возражения и предложения оппозиции. Поскольку "официальная оппозиция" всегда готова принять власть от правительственного большинства, то лидер оппозиции в парламенте формирует из членов своей партийной фракции "теневой кабинет", соответствующий по своему составу действующему кабинету министров. Примечательно, что лидер "официальной оппозиции" получает как таковой заработную плату из государственного бюджета¹⁰.

Подобное отношение к оппозиции, характеризующееся привлечением ее представителей к управлению делами общества и государства по инициативе правительства, наблюдается и в других странах. Так, например, на Ямайке предусматривается, что в верхней палате парламента из 21 члена 9 назначает лидер оппозиции. В Бразилии, по конституции 1988 г., лидер оппозиции является обязательным членом Совета республики при президенте¹¹.

В то же время, несмотря на такое отношение к оппозиции, нельзя не отметить и тот факт, что несколько по-иному оно складывается к "неофициальным" - левым и, в первую очередь, коммунистическим партиям. До сих пор реакционные круги США, Франции, Германии и некоторых других развитых капиталистических стран, занимающие видное положение в политико-властной системе, продолжают организовывать гонения на представителей этих партий, добиваются

полного запрета или значительных ограничений их деятельности. Так, например, в США одно время согласно закону Смита (1940 г.), закону Маккарена-Вуда (1950 г.) члены компартии не допускались к работе в государственных органах, в школах в качестве учителей и почтовых учреждениях. В ФРГ в 1956 г. коммунистическая партия была признана решением Конституционного суда антиконституционной и запрещена. Со временем под давлением рабочего класса и других прогрессивных сил общества господствующий класс был вынужден пойти на определенные уступки и ослабить гонения на коммунистов и их союзников. Однако, политика репрессий по отношению к ним отнюдь не была заменена политикой терпимости¹². Данное обстоятельство является следствием закономерного противоречия буржуазной демократии, лавирующей между интересами продолжающегося оставаться экономически господствующим класса капиталистов, с одной стороны, и многослойного общества, с другой стороны.

4. Политическая оппозиция в Республике Казахстан

Свое развитие институт политической оппозиции получил и в Казахстане. Если обратиться к рассмотренной выше типологии, то: 1) наиболее ярким примером индивидуальной оппозиции в республике является доктор исторических наук Нурболат Масанов; 2) институционально-организационная оппозиция включает оппозиционные общественно-политические организации, а также всевозможные их блоки и коалиции: Коммунистическая и Социалистическая партии, движения "Азамат", "Лад", "Азат", Координационный совет общественных объединений "Республика", Народный фронт Казахстана и др.; 3) парламентская оппозиция: в Верховном Совете РК 12 созыва - группа "Демократический Казахстан"; в ВС РК 13 созыва - группа "Прогресс", фракции Соцпартии, партии Народный Конгресс Казахстана, "Правовое развитие Казахстана", "Профсоюзы Казахстана"; в действующем парламенте определенную оппозиционность выражают группы "Устойчивое развитие" и "Аул"; 4) народная оппозиция в последнее время выразилась в социальных волнениях горняков Кентау и Жанатаса.

Лояльными по отношению к властям являются, например, Народный Конгресс Казахстана, Республиканская партия Казахстана, Федерация профсоюзов Казахстана. Умеренную позицию занимают Конфедерация свободных профсоюзов Казахстана и Республиканское общественное славянское движение "Лад". К категории конструктивной оппозиции прежде всего относятся Социалистическая партия Казахстана периода 1992-1995 гг. и в определенной мере общественное объединение

“Правовое развитие Казахстана”. Что касается непримиримой оппозиции, то сюда можно включить Коммунистическую партию Казахстана, Рабочее движение, ВКП(б).

Следует отметить, что подобная типология казахстанской оппозиции является в определенной мере условной. В действительности же, наблюдается некое пограничное состояние в деятельности тех или иных оппозиционных организаций и особенно отдельных лиц, когда одни и те же субъекты оппозиции могут сочетать в себе сразу несколько характерных для того или иного вида оппозиции моментов. При этом многие из них руководствуются соображениями политической конъюнктуры, меняя свою позицию в зависимости от сложившейся политической ситуации.

Нужно отметить, что институт политической оппозиции существует и функционирует в республике не только в силу объективных причин, обусловленных протеканием политических процессов, но и согласно действующему законодательству. В частности, статья 5 Конституции Республики Казахстан предусматривает, что в республике признаются идеологическое и политическое многообразие. Именно это положение Основного закона страны и является правовой основой политического бытия оппозиции, легализует ее присутствие на политической арене. В то же время, оно требует своего дополнения в виде специальных законов, причем не просто регулирующих деятельность оппозиции, а оформляющих в правовом плане ее роль и статус в социально-политической системе и предоставляющих ей определенные права для ее функционирования в качестве полноценного субъекта политической жизни общества. И хотя в настоящее время в республике действуют принятые в 1996 г. законы “Об общественных объединениях” и “О политических партиях”, последние практически не способствуют подлинной легализации оппозиции.

Во-первых, законодательство о политических партиях совершенно не рассматривает государственный аспект их деятельности, отражающий особенности участия партий в управлении государством. Оно также не предоставляет политическим партиям особых прав, присущих только им, что приводит к фактическому размыванию партий среди других общественных объединений. Во-вторых, на практике данные законы работают лишь в случаях использования государством своих механизмов контроля над деятельностью общественно-политических организаций, особенно в плане применения всевозможных ограничений этой деятельности, и меньше всего - в отношении реализации данными организациями своих прав.

Другой, не менее важной проблемой развития института политической оппозиции в Казахстане является то, что отношения между действующими силами оппозиции и правящей элитой являются довольно сложными. С одной стороны, власти признают необходимость существования оппозиции в обществе. В частности, в

своей работе “Идейная консолидация общества - как условие прогресса Казахстана” Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев подчеркивает, что “...мы должны воспитывать в обществе терпимость к взглядам политических оппонентов. В целом, оппозиция - явление нормальное, и даже полезное”¹³.

Однако, с другой стороны, власти не стремятся создать необходимые условия и действующие механизмы для подлинной включенности оппозиции в управление делами общества и государства. Более того, они зачастую игнорируют конструктивные предложения ее представителей по вопросам социально-экономического и политического преобразования республики. Иначе говоря, правящая элита, не отрицая возможности присутствия института политической оппозиции в целом на политической арене республики, в то же время не может найти общего языка с действующими на сегодняшний день оппозиционными партиями и движениями. Данная проблема усугубляется тем, что действующая оппозиция, не имеющая практически никаких каналов выражения своих интересов, в условиях тяжелой социально-политической ситуации заметно радикализуется.

По мнению ряда экспертов в области политологии и конституционного права, подлинная оппозиция как легальный институт плюралистического общества складывается лишь с формированием парламентаризма, являющегося одним из основных принципов организации политико-властной системы общества. Иными словами, политическая оппозиция реально институтируется тогда, когда центр борьбы за власть и ее перераспределение находится в парламенте, а взаимоотношения между властью и оппозицией регулируются конституцией, законами о выборах, партиях и т.д.

Несмотря на то, что в Казахстане создан и действует двухпалатный парламент, парламентаризм в целом остается пока еще очень неразвитым. Это обусловлено следующими факторами. Во-первых, построенная по мажоритарному принципу избирательная система исключает прямое участие политических партий в предвыборной борьбе, которая носит исключительно персонифицированный характер. Данное обстоятельство вкупе с такими моментами, как безвозвратный избирательный взнос солидных размеров, беспрепятственное наблюдение от общественных организаций и т.п., не способствуют проведению кандидатов от оппозиционной партии в законодательный орган. Отсутствие же слоя профессиональных политиков, представляющих те или иные партии, отражается на парламентской деятельности в сторону снижения ее эффективности.

Во-вторых, действующий парламент, в силу своих конституционных полномочий, не может должным образом влиять на кадровую, финансовую и прочую политику правительства. Поэтому, существование в нем оппозиции просто бессмысленно. В-третьих, в отличие от развитых зарубежных стран, где правительства

формируются парламентским большинством, представляющим те или иные партийные фракции, в Казахстане формирование правительства осуществляется Президентом на персональной основе по собственному усмотрению или предложению Премьер-Министра.

В целом же, проблема взаимоотношений между властью и оппозицией заключается в отсутствии четко определенной и строго установленной политики государства по отношению к общественно-политическим организациям. В результате этого всевозможные механизмы вмешательства государства в их деятельность, ограничения и запреты этой деятельности стали по сути дела произвольным образованием в интересах сложившейся в определенный момент времени политической конъюнктуры. Другой особенностью является то, что, идя на диалог с умеренно-конструктивной частью оппозиции, властвующая элита игнорирует ее непримиримое крыло. Хотя, с другой стороны, нормальному взаимодействию между ними мешают откровенно радикальные действия и лозунги некоторых оппозиционных организаций, нередко противоречащие действующему законодательству.

Так или иначе, но оппозиция в Казахстане продолжает действовать. Очевидно, что по мере приближения даты парламентских и президентских выборов она существенно активизирует свою деятельность, связанную с подготовкой к ним. Уже сегодня выявляются возможные претенденты на участие в выборах в качестве кандидатов от тех или иных общественно-политических организаций. Состоявшееся же в начале текущего года объединение некоторых оппозиционных партий и движений в Народный фронт Казахстана (НФК) в определенной мере придало им большую решительность для участия в борьбе за власть. Хотя, учитывая безуспешные попытки подобных объединений в прошлом, несостоявшиеся в силу идейно-политической неоднородности оппозиционных сил, амбиций их лидеров и нерешительности их действий, можно говорить о том, что и НФК не застрахован от распада. Таким образом, институт политической оппозиции занимает место в политической системе Казахстана.

И государству, и оппозиционно настроенным объединениям предстоит сделать как в отдельности, так и совместно, очень многое для того, чтобы оппозиция превратилась в полноценного участника политической жизни казахстанского общества. Как бы то ни было, и власть, и оппозиция в той или иной мере ответственны за протекание политического процесса и связанных с ним последствий. Поэтому, только достижение между ними реального консенсуса, основанного на принципах партнерства, взаимоуважения, взаимопонимания, учета мнений друг друга и согласованности своих решений и действий,

будет способствовать сохранению социально-политической стабильности и ускорению построения в Казахстане демократического правового государства.

¹ Политология. Краткий энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Коротец И. Ростов-на-Дону, 1997. С. 330-331.

² Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий / Под ред. Белова Г., Пугачева В. М. 1993. С. 92.

³ Политическая социология / Под ред. Г.Сотова. Ростов-на-Дону, 1997. С. 620.

⁴ Андреев С. Политические интересы и политические отношения // Социально-политические науки. № 6. 1991. С.44.

⁵ Андреев С. Политические движения и политические процессы // Социально-политические науки. № 8. 1991. С.45.

⁶ Политология. Краткий энциклопедический словарь-справочник / Под ред. И.Коротец. Ростов-на-Дону, 1997. С. 330-331.

⁷ Евдокимов В. Партии в политической системе буржуазного общества. Свердловск, 1990. С.64.

⁸ Евдокимов В. Партии в политической системе буржуазного общества. Свердловск, 1990. С. 66.

⁹ Что такое демократия? Информационное агентство США, 1991. С. 17.

¹⁰ Евдокимов В. Партии в политической системе буржуазного общества. Свердловск, 1990. С. 125-126.

¹¹ Чиркин В. Основы государственной власти. М., 1996. С. 100.

¹² Марченко М. Политические теории и политическая практика в развитых капиталистических странах. М., 1992.

¹³ Н.А. Назарбаев. Пять лет независимости. Алматы, 1996. С. 202.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: МИРОВОЙ ОПЫТ И КАЗАХСТАН

Ким О. Г.

Этническое, расовое, а значит, культурное многообразие мира старо, как само человечество. Однако, только за последние менее чем 30 лет мультикультурализм безоговорочно признали не только политики и ученые, но и самые широкие круги обычных людей сперва во всех западных странах развитых демократий, а затем и повсюду в мире. Без внимания мультикультурализм остается пока что только на территории бывшего Советского Союза. И этому есть свои причины. Тем не менее мультикультурализм не становится от этого менее актуальной проблемой для стран, образовавшихся в пределах границ бывшего СССР и, безусловно, для Казахстана, поскольку мультикультурализм непосредственно связан с безопасностью любого государства.

В последней трети XX века на планете произошло "открытие заново" самих себя этнических и культурных сообществ на фоне конца "холодной войны", крушения биполярного мирового порядка. Осознание этническими и культурными сообществами самих себя в качестве уникальных сущностей, что само по себе может быть расценено как несомненно положительный факт истории развития человечества, в то же самое время стало базой для возникновения острых конфликтов в достаточно большом количестве стран мира, которые фактически разрушили некоторые государства. Примеры тому - Босния, Руанда, конфликт Индии и Пакистана, Бангладеш, Маршалловы острова, Микронезия, Намибия, Афганистан и др. Высокий уровень напряженности в сфере мультикультурализма в Китае (Тибет, проблемы уйгур, дунган, корейцев и др.). Существуют серьезные проблемы в сфере взаимоотношений национальных и этнических меньшинств во Франции, Германии, Японии, Корее, Канаде. Обостряются временами расовые проблемы в США.

Последнее репрезентирует далеко не полный перечень стран, где проблемы мультикультурализма требуют постоянного внимания со стороны государства. Однако и этого перечня достаточно для возможного начала процесса, который, как известно, в ядерной физике носит название "неуправляемая цепная реакция распада", т.е. реальна перспектива распада существования человечества в планетарном масштабе.

Эту картину дополняет историческая ситуация в странах бывшего СССР. Пока нет серьезных научных исследований о состоянии и процессах мультикультурализма в странах бывшего СССР. Но факты говорят сами за себя - Чечня, ситуация в странах Прибалтики, потенциальные и реальные очаги напряженности в России (Закавказье, проблемы казачества, малых народов), Таджикистане, изменение статуса исторически сложившихся этнических групп и т.д.

К громадному сожалению, современное материальное и техническое состояние информационной базы казахстанской гуманитарной науки и наук об обществе, невладение подавляющим большинством казахстанских ученых названных специальностей иностранными языками, невнимание государства к проблемам мультикультурализма обусловили то, что комплекс проблем мультикультурализма абсолютно неизвестен в Республике Казахстан. В Казахстане нет официально признаваемых очагов напряженности в сфере межкультурных взаимоотношений. Но, согласно древнему постулату медицины, болезнь легче предупредить, чем лечить ее обострения. А для предупреждения возможных "болезней" знания и опыт международного сообщества в области мультикультурализма так же необходимы и важны для Казахстана, как и информация об этом феномене.

Поэтому двуединой целью настоящей статьи является информирование о феномене мультикультурализма и постановка его ключевых, по мнению автора, проблем в Казахстане.

Понятие "мультикультурализм"

Мультикультурализм (от латинского multi - много, разнообразный и cultura) - понятие, обозначающее множественность и разнообразие культур в их существовании и взаимодействии друг с другом. Поскольку в данном случае одно понятие стремится охватить чрезвычайно большой в количественном и качественном отношениях круг явлений, было бы неверным говорить об устойчивых значениях данного понятия в его истории. Речь, скорее всего, должна идти о различных употреблениях или измерениях этого понятия на фоне конкретных историко-культурных этнических сообществ.

Есть три главных взаимосвязанных, но тем не менее различных варианта измерений или употребления понятия "мультикультурализм" и его определения "мультикультурный", которые сосуществуют на уровнях массового сознания, теоретических исследований и разработки и принятия политических решений.

Во-первых, это - демографо-дескриптивное употребление понятия "мультикультурализм". В этом случае его определение "мультикультурный" применяется для ссылки на существование этнически или расово различающихся сегментов населения конкретного сообщества или государства. Оно представляет собой чаще всего обыденный взгляд на восприятие того, что такие различия

имеют первичную социально значимую важность в силу самих существующих культурных различий. Хотя и сами культурные различия могут быть связаны с формами дифференциации социальной структуры данного сообщества. Точное и строгое этническое группирование, которое существует в каком-либо государстве, важность этничности для социального соучастия в институтах общества, а также процессы, посредством которых этническая дифференциация создается и управляется, могут значительно отличаться друг от друга в различных конкретных государствах. Это же наблюдается и в истории существования мультикультурных государств.

Во-вторых, программно-политическое употребление понятия "мультикультурализм". Оно концентрируется на специфических типах программ и политических инициатив, предназначенных для реагирования на результаты процессов в сфере межкультурных отношений и управления этническим многообразием. В достаточно длительной предыстории данного измерения понятия "мультикультурализм" случилось так, что впервые само понятие "мультикультурализм" стало употребляться после его рекомендации и представления в Докладе Королевской комиссии по билингвизму и бикультурализму в 1965 году. Названный Доклад рекомендовал, чтобы понятие "мультикультурализм" заменило бы собой термин "бикультурная политика". Последний своим содержанием имел Устав британской и французской групп населения, вокруг которых на протяжении веков была организована вся политика канадского сообщества за сохранение этнического многообразия. Именно с этого времени данное употребление понятия "мультикультурализм" быстро распространилось, включив в себя 1-е и 3-е употребления.

В-третьих, идеологически-нормативное употребление понятия "мультикультурализм". Оно порождает наибольший уровень дискуссий, поскольку устанавливает своего рода лозунг и модель для политического действия, основанного на социологическом (в широком значении этого понятия) теоретизировании и культуролого-философской рефлексии на предмет определения места всех культурно различающихся сущностей в современном обществе.

С точки зрения данного употребления, мультикультурализм состоит в признании особого непреходящего значения существования этнического многообразия и необходимости гарантии прав индивидуумов в поддержании и сохранении их родной культуры, которое должно идти рука об руку с пользованием в полном объеме правами и строгом следовании тем конституционным нормам и принципам, а также принятии и разделении тех ценностей, которые в целом, установлены в данном обществе.

Из этих трех употреблений или измерений понятия "мультикультурализм" становится понятным, что мультикультурализм есть прежде всего демократическая политика государства, ответственная за овладение культурным и социальным многообразием в конкретном типе государства. Такая политика включает в себя определенный комплекс привилегий и ограничений, и она вырабатывается конкретным государством с учетом своей собственной истории и конкретных сложившихся условий.

В этом смысле мультикультурализм является своего рода систематическим и всеобъемлющим ответом государства на запросы культурно-этнического многообразия, с её образовательной, лингвистической, религиозной, экономической, социальной, и специфическими институциональными компонентами.

Следовательно, мультикультурализм выступает как поиск демократической общественной политики, отвечающей культурно-этническому многообразию в определенных странах с целью баланса интересов разнообразных культурно-этнических общностей.

В то же самое время мультикультурализм выступает и как теоретический анализ решений практики существования разнообразных культурно-этнических общностей, направленный на выработку общих принципов их сосуществования и баланса интересов в повседневной и политической жизни.

Поэтому было бы наивным ожидать некоего однообразия теоретических решений проблем мультикультурализма или найти одну единственно верную методологическую основу наподобие той, которая предлагалась в марксизме для решения абсолютно всех проблем. Образцы этнических отношений, а также степень, в которой они были связаны с конфликтами на межэтнической почве, варьировались в чрезвычайно большом диапазоне терминов и теоретических схем и концепций и т.п., пытавшихся объяснить феномен мультикультурализма и появление межэтнических конфликтов.

Краткая предыстория понятия "мультикультурализм"

Первый фокус я бы условно определил как "негативный". Подобное определение обосновывается тем, что он заостряет внимание прежде всего, и главным образом на негативных аспектах межэтнических и расовых взаимоотношений.

Данный фокус объединяет совокупность образов мышления, которые восходят к трем, получившим наибольшее распространение и влияние в XIX-XX веках в силу целого ряда обстоятельств теориям, объясняющим общественное развитие. Это теории Э. Дюркгейма, М. Вебера и К. Маркса.

Несмотря на все кажущиеся отличия в содержаниях этих трех доктрин, в случае с изучением этнических и расовых (культурных) противоречий, названные теории, несомненно, объединяет одно: стремление доказать, что присущее XIX веку появление современного индустриального типа общества заставило этнические группы утратить свою неповторимую выразительность в жизнях конкретных индивидуумов. По всей линии кровного родства и других статусно определенных форм социальной дифференциации этничность была заменена: идеологией, понимаемой как религия (Э.Дюркгейм); социальным положением индивида в страте (М.Вебер); классом как руководящей силой созидания социальной организации общества (К.Маркс). Согласно этим теориям, этничность и расовые различия являются анахронизмами, ограничивающими переход в развитии человечества на стадии доиндустриального или традиционного обществ.

Данная ортодоксальность была разделена и применена на практике XX века всем известными теперь политиками и "реформаторами" общества, теми, кто возвел веру в то, что ассимиляция этнических меньшинств уже произошла или находится в самом своем апогее.

Если говорить более точно, то влияние ортодоксии Дюркгейма-Вебера-Маркса стало в XX веке глобальным. Здесь достаточно указать, что мировая культурная гомогенизация, типизированная в понятиях "глобальная" или "всемирная деревня", предсказывалась как ускорение и катализатор этого варианта развития человечества. Даже в таких индустриально развитых странах, как Австралия, Канада и США, социумы которых, как известно, сформировались фактически на основе колоссальных потоков иммигрантов, ассимиляция рассматривалась как фатальный процесс.

Здесь достаточно указать, что разрешение межэтнических (межрасовых, межкультурных) противоречий (конфликтов) в обществе авторы ранее названных ортодоксий видят только в насилии: "самоубийство индивида" у Э. Дюркгейма, "смерть" и "подавление" у М. Вебера, "социальная революция" у К. Маркса.

В рамках первого фокуса находятся также и другие многочисленные исследования последних 40-50 лет нашего столетия, полагающие, что появление межкультурных конфликтов объясняется и инициируется контекстуальными факторами и институциональными мотивами, исходящими из империалистической политики экспансии и колонизации, в противовес трудовой и переселенческой иммиграции¹. Согласно этим исследователям, мирное сосуществование различных культур весьма хрупко и крайне проблематично, а иногда даже вообще невозможно.

Второй фокус подхода к проблемам мультикультурализма в виде квинтэссенции может быть выражен словами французского просветителя XVII века Ш.Монтескье: "Я с необходимостью - человек..., и я - француз только по счастливой, выпавшей мне случайности"².

Очевидно, что он исходит из постулата о примате общечеловеческих ценностей, о самоценности любой национальной культуры, предполагает сохранение и всемерное развитие многообразия культур в мире.

Более или менее четкое оформление второго фокуса интереса к проблемам мультикультурализма произошло в последние менее чем 30 лет. Отчасти такой малый временной отрезок объясняет неизученность феномена мультикультурализма в рамках советской и постсоветской русскоязычной гуманитарной науки.

Постоянный рост международного признания важности этнокультурного многообразия мира с необходимостью предполагает постоянную потребность обращения к нему действующих политиков и их программ, а, значит, и ученых. С этим связаны современные теория и практика мультикультурализма.

В центре внимания неопределенного множества теорий о мультикультурализме³ находятся **теоретико-политические модели мультикультурных государств**.

В то время как все человечество имеет целью предупреждение конфликтов, возникающих на этнокультурной основе и дестабилизирующих политическую обстановку в отдельных государствах и в целом во всем мире, а также стремится создать теоретико-политические модели, которые были бы приемлемыми для разрешения такого рода конфликтов, имеют место и диаметрально противоположные подходы в реализации названных целей и стремлений. К ним следует, например, отнести исследования Р. Баубока⁴.

Существуют три основных теоретико-политических модели мультикультурных государств, которые наиболее широко обсуждаются среди ученых и политиков⁵. Безусловно, следует иметь в виду, что приведенные ниже теоретико-политические модели мультикультурных государств - абстрактные, идеальные типы конструкций, которые синтезированы на основе определенных идеологических и нормативно-правовых положений, заимствованных из практики различных стран, где имеются уже сложившиеся взаимоотношения между этно-культурными группами населения.

Ряд таких идеальных конструкций всегда может быть дотроен или изменен под углом зрения тех целей, которые ставит перед собой тот или иной исследователь проблем мультикультурализма. В этом смысле такие идеальные конструкции мультикультурного государства не подходят ни к одной из существующих в настоящее время стран.

Действительно, типы мультикультурных взаимоотношений и средства и способы управления ими, предлагаемые этими теоретико-политическими конструкциями, не учитывают всего многообразия и особенностей каждого конкретного государства. Кроме того, возникает вполне обоснованный вопрос: кто и каким образом должен рекомендовать и затем внедрять в практику какого-либо государства названные идеальные теоретические построения?

Но обратной стороной этого же вопроса является другая: какова реальная польза от использования теоретико-политических моделей мультикультурных государств?

Конечно, невозможно подсчитать в каком-либо измерении или дать строгое и точное заключение о фактических результатах использования теоретико-политических моделей мультикультурных государств. Но когда общество находится в состоянии жесткого этнокультурного стресса и напряженного ожидания плодотворных результатов от реализации более тесного взаимодействия между идеолого-правовым и программно-политическим уровнями политики, между механизмом выработки и процессом реализации этих позитивных решений, что подразумевает в конечном счете установление стабильного и бесконфликтного социального бытия в сфере мультикультурализма, тогда теоретико-политические модели мультикультурных государств могут сыграть важную роль в прогнозировании и совершенствовании политики любой страны.

Первой крайней позицией в ряду теоретико-политических моделей мультикультурных государств выступает ассимиляционная модель, которая подразумевает, что этнические меньшинства должны быть полностью растворены обществом. Государство в данном случае целиком и полностью контролирует процесс преобразований этнического меньшинства, в ходе которого представители последнего утрачивают свои собственные отличительные черты: язык, культуру, национальную психологию, другие национальные свойства, - и исчезают в национальном этнокультурном большинстве данного государства.

Эта модель практически не оставляет места для ослабления напряженности по вопросам языка, культуры, прав национального меньшинства и для двустороннего согласованного разрешения конфликтов, возникающих с сфере мультикультурализма. Роль государства в данном случае ограничена, так как ассимиляция меньшинства полагается только как ответственность одного человека. Также отсутствуют и такие обязательства государства, как необходимость создания правовых, образовательных институтов, органов здравоохранения, социальной защиты и обеспечения для национально-культурного меньшинства, хотя могут быть предписаны и некоторые социальные структуры, связанные с выполнением задач сепаратизма в обществе.

Второй, крайней позицией в ряду теоретико-политических моделей мультикультурных государств считается политика, основанная на принципе дифференцированного развития. Согласно данной модели, межкультурных конфликтов можно избежать посредством исключения или минимизирования контактов между этническими меньшинствами.

В рамках данной модели существует еще более максималистская точка зрения, в соответствии с которой этнические меньшинства вообще должны быть "выключены" или должна проводиться "этническая чистка".

Тем не менее, наиболее общей считается позиция, полагающая, что государственная политика должна существенным образом ограничивать участие этнического меньшинства в общем контексте бытия данного общества.

Во всех вышеназванных случаях государство не требует какого-либо приобщения представителей национальных меньшинств к деятельности в его социальных институтах. Однако в отличие от ассимиляционной модели, дифференциальная модель иногда допускает привлечение различного вида спонсоров, которые вкладывают свои собственные средства в развитие параллельных государственным институтам, или разрешает удовлетворение культурных, образовательных или здравоохранительных мер, которые не исходят от соответствующих государственных институтов.

Третья теоретико-политическая модель мультикультурных государств принимает потенции и законность экзистенции национально-культурных меньшинств. Согласно ей, отдельные представители и группы последних могут без каких-либо ограничений включаться в общество, не утрачивая при этом ни своей самобытности, ни подвергаясь правовой дискриминации.

Процесс полноправного участия национально-культурного меньшинства в жизни данного общества - ключ к удалению конфликтов на этнической почве. Но для достижения этой цели институты государства обязаны интенсивно преобразоваться таким образом, чтобы обеспечить действительное выполнение прав для людей из иной этнокультурной среды.

В таком случае государство играет самую активную роль в спонсировании изменений своих институтов, которое даже предполагает коренную реконструкцию их, а также помощь параллельным негосударственным структурам. Последние интегрируются в общество в качестве его имманентной части в отличие от маргинального статуса аналогичных образований, который предлагаются дифференциальной моделью.

Из краткого рассмотрения вышеприведенных теоретико-политических моделей мультикультурных государств следует, что мультикультурализм как их абстрактная квинтэссенция подтверждает прежде всего законность и потребность равенства всех этнических групп в выражении их разнообразных культур.

Нет никаких сомнений в том, что каждая из рассмотренных моделей того, как государство управляет и организует свою собственную политику, отвечающую запросам мультикультурного многообразия, является абстракцией и имеет очень мало общего с политическими нормами и программами какого-либо государства.

Эта абстракция отличается и от реальных идеолого-правовых установок определенной страны, имеющих моральную и этическую силу.

Как таковые, они образуют всего лишь, так сказать, шаблоны в помощь политическому действию, основанному на глубоких знаниях о хрупкой природе этничности и приемлемости путей, на которых общество могло бы поступать так или иначе в области проблем мультикультурализма.

Но в то же самое время следует подчеркнуть особо: постоянно растущий объем знаний об этносах несет в себе как бы заряд критической массы, которая способна взорвать любую из приведенных ранее моделей. С другой стороны, он не дает раз и навсегда застыть в своих убеждениях и взглядах на круг рассматриваемых здесь проблем никому, будь это политик, ученый, приверженец или просто человек с улицы.

К практической реализации третьей модели наиболее близко подошла ООН, поскольку наиболее существенные и жизненные моменты её реализуются в совокупности инструментов этой международной организации по культурному, языковому и религиозному разнообразию. **С этим связано управление процессами мультикультурализма в современном мире.**

Поскольку проблемы мультикультурализма по своей сущности являются международными, характер их решения требует глобального подхода, а их финансовая подоплека не под силу ни одному отдельно взятому государству мира, то координацией работы по всему кругу вопросов, связанных с мультикультурализмом занимается ООН. А, точнее, одна из самых последних программ ООН - МОСТ (Management of Social Transformations) ЮНЕСКО.

Программа МОСТ разработана ЮНЕСКО в 1994 году с целью содействия распространению международных сравнительных исследований в области социальных наук или наук об обществе. МОСТ - ЮНЕСКО в первую очередь акцентирует свое внимание на поддержке широкомасштабных и длительных по времени автономных исследованиях по культуре с целью предоставления результатов по ним в государственные органы конкретных стран, занимающихся

выработкой и исполнением решений по управлению социальными процессами в обществе. Отсюда, долгосрочной и непреходящей целью МОСТ - ЮНЕСКО является установление устойчивых связей между научным и политическими кругами государств, которое бы, с одной стороны, способствовало повышению роли социальных наук в управлении обществом и, с другой стороны, способствовало совершенствованию выработки и исполнения политических решений по управлению обществом.

В этой связи здесь необходимо упомянуть еще одну концептуальную программу ООН, которая стремится установить приоритеты устойчивого развития в современном мире (Sustainable Development)⁶.

Программа МОСТ-ЮНЕСКО работает в трех приоритетных направлениях.

Направление 1. Мультикультурализм и мультиэтнические общества.

Направление 2. Города как арены ускоренных социальных преобразований.

Направление 3. Мониторинг и управление на местном и региональном уровнях экономическими, технологическими и экономическими преобразованиями в обществе.

В рамках программы МОСТ - ЮНЕСКО с 1994 года разрабатывается несколько глобальных проектов, среди которых следующие:

- новые миграции и рост этнокультурного многообразия в азиатско-тихоокеанском регионе;
- исследование и мониторинг этничности и конфликтов в постсоветских государствах;
- мультикультурные и мультиэтнические сообщества: терминологическое и концептуальное прояснение;
- сравнительные исследования, мониторинг и оценка этнических конфликтов и социокультурных изменений в Африке;
- политики мультикультурализма и формы гражданства в городах Европы.

Однако ООН не только вкладывает средства в изучение проблем мультикультурализма, но и пытается активно влиять на ситуацию в сфере мультикультурализма в мире посредством своих собственных средств. Эти средства ООН составляют систему по предотвращению дискриминации, соблюдению прав национальных и этнических меньшинств и некоренных народов⁷.

Средства ООН по предотвращению дискриминации, соблюдению прав национальных и этнических меньшинств и некоренных народов (По состоянию на 31. 05. 1996).

1. Всеобщая декларация прав человека.
2. Международный договор об экономических, социальных и культурных правах.
3. Международный договор о гражданских и политических правах.

4. Необязательный протокол к Международному договору о гражданских и политических правах.

5. Венская декларация и Программа действий.

6. Декларация ООН об исключении всех форм расовой дискриминации.

7. Международный договор об исключении всех форм расовой дискриминации.

8. Договор о предупреждении и наказании за преступления по геноциду.

9. Международный договор о поражении в правах и наказании за преступления апартеида.

10. Международный договор против апартеида в спорте.

11. Дискриминация в области занятости и нанимаемости; Договор против дискриминации в образовании.

12. Протокол, устанавливающий согласительные процедуры и Комиссия доброй воли. Ответственная за поиск урегулирования любых споров, которые могут возникнуть между государственными партиями по Договору против дискриминации в образовании.

13. Договор о равной оплате за труд.

14. Декларация об исключении всех форм нетерпимости и дискриминации, основанных на религии или вере.

15. Декларация о расе и расовой предвзятости.

16. Декларация о фундаментальных принципах, касающихся вклада масс-медиа в укрепление мира и международного взаимопонимания, в соблюдение прав человека и в противостоянии расизму, апартеиду и подстрекательству к войне.

17. Декларация о принципах международного культурного сотрудничества.

18. Декларация по правам личности, принадлежащей в национальному или этническому, религиозному и языковому меньшинству.

19. Рамки договора по защите национальных меньшинств.

20. Договор (№169) в отношении туземных и племенных народов в независимых государствах.

21. Проект договора и правах некоренных народов.

22. Декларация прав человека как личности, кто не является коренной в стране проживания.

23. Международный договор по защите прав всех рабочих-мигрантов и членов их семей.

24. Декларация об исключении дискриминации женщин.

25. Договор по исключению дискриминации женщин.

26. Декларация по исключению насилия против женщин.

27. Декларация о правах личности с задержками в умственном развитии.

28. Принципы по защите умственно отсталых личностей и совершенств.

29. Конвенция прав ребенка.

Накопленный опыт и анализ практики мультикультурализма за последние 30 лет показывают наличие общих точек пересечения интересов всех этнических меньшинств. Они состоят в следующем.

Некоторые политические принципы функционирования мультикультурализма.

Язык этнических меньшинств:

- свобода использования языка;

- изучение этнического языка и его использование как средства общения в школах;

- существование радио, телевидения и печатных масс-медиа на этническом языке;

- использование этнического языка в других институциональных сферах государства, включая здравоохранение, сферу социального обеспечения и юриспруденции;

- подготовка и наличие переводчиков и обеспечение информацией при переводе на язык этнического меньшинства.

Национальный язык:

- допуск к обучению на национальном языке для детей и взрослых;

Религия:

- свобода выбора культа и возможности отправления религиозных ритуалов и практики;

- наличие институтов государства, совместимых с религиозной доктриной, например, в области права, образования;

Правовой статус:

- положение резидентов-неграждан данного государства;

- доступ к принятию национальности страны постоянного проживания;

- возможность принятия двойной национальности;

- наличие специального статуса для групп этнического меньшинства;

- свобода ассоциации среди членов этнической группы и право образовывать собственные социальные организации;

- свобода культурного выражения;

Образование:

- равенство образовательных стандартов;

- учебные планы, включающие опыт и перспективы для студентов этнических меньшинств.

Занятость:

- прием на работу без дискриминации;

- признание имеющихся квалификаций и трудового опыта;

- допуск к обучению и переподготовке.

Здравоохранение и социальное обеспечение:

- допуск к информации об управлении системами здравоохранения и социального обеспечения;

- обеспечение этими услугами способом, учитывающим этнический характер этнического меньшинства.

Жилье:

- допуск к приобретению жилья без дискриминации.

Национальная идентичность:

- место этнического меньшинства в национальной идентичности.

Политическое представительство:

- вовлечение групп национальных меньшинств в осуществление политики;

- возможность для этнического меньшинства нести ответственность за принятие решений в масштабах, адекватных его участию в них.

С деятельностью ООН в сфере мультикультурализма тесно переплетается современная практика мультикультурализма. Среди стран, принявших мультикультурализм в качестве государственной политики, находятся Австралия, Канада и Швеция.

Канада была первым из этих государств, официально принявшим политику мультикультурализма в 1971 году. Это случилось после уже упоминавшегося здесь Доклада Королевской комиссии по билингвизму и бикультурализму в 1965 году.

Главным в этой политике стало признание и юридическое оформление равноправия, социального партнерства и национального единства всех этнических групп населения канадского общества⁸.

В частности, с 1982 года существует Устав прав и свобод, который недвусмысленно осуждает дискриминацию на расовом, национальном или этническом признакам, цвету кожи или религии. Однако в то же самое время он не предоставляет специфических гарантий по сохранению и развитию чьих-либо языков и культур предков, отмечая, что Устав должен пониматься в духе согласия со всем канадским мультикультурным наследием.

Закон о мультикультурализме 1988 года дополнил упомянутый Устав двумя серьезными дополнениями, содержание которых звучит примерно следующим образом:

1. Все члены канадского общества свободны в своем праве сохранять и разделять их культурное наследие; их культуры и языки их предков должны быть защищены и использованы.

2. Все федеральные институты обязаны способствовать осуществлению политики, программ и практики, которые подтверждают, что все канадцы любого происхождения имеют равные возможности для приобретения рабочего места и допуска в названные

институты. Названная политика, программа и практика должны способствовать пониманию всеми и уважению со стороны всех разнообразных членов канадского общества.

В 1994 году Ежегодный отчет по выполнению Закона о мультикультурализме определил три главные области правительственной деятельности⁹. К ним были отнесены: необходимость исключения расизма и дискриминации; разрешение круга проблем, выходящих за пределы одной этнокультурной общности; поддержка справедливого распределения валового национального дохода.

Австралия, как и Канада, считает себя нацией иммигрантов. В отличие от Канады, в Австралии не было другой этнической группы, способной конкурировать с англо-кельтской группой населения. Тем не менее принятие в 1978 году модели мультикультурализма на государственном уровне было предопределено осознанием неэффективности модели ассимиляции. Такое осознание было во многом предопределено бурным (в политическом и социальном смысле) рождением движения за этнические права, вобравшим в себя неанглоязычных иммигрантов бэкграунда, объединившихся с рабочими англо-кельтского происхождения. Цементирующим основанием для закрепления столь неординарного союза стал одинаковый круг проблем, а именно: повседневные бытовые ущемления прав, которые испытывали представители австралийского бэкграунда, и отсутствие социальных льгот со стороны государства для англо-кельтских выходцев в области социальной защиты и обеспечения, образования, здравоохранения и социального обслуживания.

В 1972 году выборы социалистически ориентированного правительства привели к увеличению диспропорций и значительным сдвигам в области социальной политики внутри австралийского общества. Но такое положение дел продолжало оставаться вплоть до прихода в 1978 году к власти консервативного правительства, принявшего мультикультурализм в качестве официальной государственной политики.

В первой своей фазе эта политика была направлена на разрешение нужд вновь прибывших неанглоязычных иммигрантов посредством обеспечения соответствующих государственных регулирующих структур, соответствующих им по лингвистическому и культурному признакам. Одновременно с этим было определено, что культурная поддержка национальных меньшинств, особенно в отношении языка, должна стать приоритетной. Так же, как и в Канаде государственная политика вобрала в себя постепенное смещение фокуса с культурологических аспектов на правовые (неравенство и социальная несправедливость) и последующее рассмотрение взаимоотношений между этническими сообществами и исключение расизма.

В отличие от Канады, которая с самого начала принятия мультикультурализма пошла по пути усиления правовой основы этой политики, Австралийская политика мультикультурализма не выражалась в явном виде в каком-либо Законе или Акте (Уставе). В 1989 году была опубликована Национальная повестка дня о мультикультурализме в Австралии. Этим самым были ясно определены ее последующие приложения, касающиеся не только иммигрантов, но и всех австралийцев, включая аборигенов и население островов Торреса.

Национальная повестка дня о мультикультурализме и ее недавнее дополнение определяют три главных правовых измерения для всех австралийцев.

Во-первых, это - право на культурную идентичность. Во-вторых, - право на социальную справедливость. В-третьих, - право на экономическую востребованность, что в условиях Австралии подразумевает плодотворное экономическое развитие, позволяющее реализовывать всем и каждому свой талант и умения.

В 1995 году был опубликован специальный отчет федерального правительства, зафиксировавший достигнутые изменения в осуществлении Национальной повестки дня о мультикультурализме за 6 лет.

Среди них заслуживают особого внимания пункты, по которым достигнут заметный прогресс.

Например, увеличение числа представителей этнокультурных меньшинств в государственных институтах, занимающихся разработкой политики, в судебных и других юридических органах, органах полиции, вооруженных силах, органах высшего государственного управления и союзных территорий, масс-медиа;

- признание зарубежной профессиональной квалификации;
- создание равных возможностей для обучения английскому языку и применению родного языка;

- разработка новых правовых и административных инициатив, направленных на реализацию ключевых положений Национальной повестки дня о мультикультурализме.

В Швеции появление мультикультурализма как политики отличалось от опыта и Австралии и Канады. В противоположность им, осознание собственностью национально-культурной идентичности в Швеции не базировалось на рассмотрении себя как нации иммигрантов. Однако именно после окончания Второй мировой войны в Швеции оказалась первая волна беженцев, а также рабочих финнов. Последние оказались в Швеции на вполне легальной основе, которую создал для них Скандинавский рынок труда после 1954 года. Как и повсюду в Европе, потребности растущей экономики удовлетворялись

за счет экстенсивной трудовой эмиграции, то есть, использованием наемных рабочих по контракту главным образом из стран средиземноморского региона и, в частности, Югославии.

Хотя рост трудовой миграции в Швецию был прекращен после известных событий самого начала 70-х годов, Швеция продолжала принимать значительное число беженцев и тех, кто искал убежища, в том числе - политического. До начала 70-х годов в Швеции оказалось очень большое количество финнов, выходцев и бывшей Югославии, Канады, Ирана, Турции, Австралии.

Так, в 1993 году Швеция приняла почти 59 тысяч иммигрантов, из которых почти две трети были беженцы, а одна треть въехала в страну на основании воссоединения семей. Свыше половины из приведенного числа составили представители нескандинавских стран, 40% - других неевропейских стран¹⁰.

Солидное дополнение к числу иммигрантов составили ищущие убежища, чья численность достигла апогея в 1992 году (84 тысячи человек). После чего шведским правительством были приняты активные меры по визовому и административному ограничению на въезд в страну. Из их числа львиную долю составили индивидуалы-представители экс-Югославии, затем по численности шли выходцы из Африки, Азии и других неевропейских стран, которые внесли новые источники культурного многообразия в состав населения Швеции.

Однако в отличие от Канады и Австралии общий процент иностранного населения в Швеции составил около 869 тысяч человек или 9,9% от общего числа населения страны, тогда как в Канаде этот процент составил 16,2, а в Австралии - 23,2.

Совершенно уникальную роль в переходе Швеции от ранее существовавшей политики ассимиляции к политике мультикультурализма сыграло финское меньшинство. Их свободный, ничем не ограниченный доступ в страну, возможность ввоза своей семьи, включая детей, гарантированные Скандинавским культурным договором права на образование, стали серьезным основанием для требований ими более существенных культурных и политических прав.

Но если кто-то имеет такие права, то это создает прецедент для выдвижения сходных требований другими иммигрантскими группами. Так и случилось в Швеции, когда ряд этнокультурных групп, чьи семьи находились вместе с ними стране, организовал защиту своих собственных прав. Все это тесно сплелось со сложностями ассимиляционной политики и кризисом социальной системы обеспечения страны в тот момент времени.

Принятая Швецией в 1975 году политика мультикультурализма, подразумевает три ключевых принципа, цели которых согласно Хаммару¹¹, заключаются в следующем.

Принцип равенства подразумевает непрерывные усилия по предоставлению иммигрантам одинаковых с основным населением жизненных стандартов.

Принцип свободы выбора подразумевает, что общественные инициативы со стороны государства должны укреплять убеждения членов этнических и языковых меньшинств, прибывших в страну, в подлинной свободе их выбора между собственной культурной идентичностью и принятием шведской культурной идентичности.

Принцип партнерства (сотрудничества) всех этнокультурных групп населения подразумевает, что различные группы иммигрантов и группы национальных меньшинств, с одной стороны, и материнское население страны, с другой стороны, получают пользу от совместной работы.

Нельзя сказать, что ситуация с мультикультурализмом в названных странах беспроблемна. Например, в Швеции в наши дни эта политика проходит очередной экзамен на прочность и жизнеспособность, поскольку большие потоки иммигрантов и беженцев создали дополнительные трудности для государства в проведении налоговых сборов, возродили проявления расизма и ксенофобии. В этой связи в 1994 году правительство страны специально заменило ранее созданную парламентскую комиссию по делам беженцев и иммигрантов на две других. При этом первая создана для анализа сложившегося положения дел беженцев и иммигрантов, а вторая - для отчета в первой половине 1996 года по проблемам интеграции.

В Австралии и Канаде политики мультикультурализма существуют всего лишь немногим более 20 последних лет. В Швеции - примерно столько же. В ней чаще всего говорят о мультикультурализме как о "интеграции", которая выполняет роль положительной оппозиции по отношению к "ассимиляции". Однако гораздо более важным для всего человечества видится не терминологическое определение их опыта, а их положительный накопленный по разрешению проблем мультикультурализма.

Несмотря на все свои конкретные и бесконечно разнообразные отличия друг от друга политик мультикультурализма в Австралии, Канаде и Швеции, они имеют очень много сходных черт, рассмотрение которых выходит за пределы данной статьи.

Тем не менее здесь достаточно будет подчеркнуть: политики мультикультурализма в этих странах во многом стали результатом государственной стратегии, учитывающей экстенсивный рост населения в части иммигрантов и беженцев. Последнее, в свою очередь, вызвало необходимость изменений местного населения.

Самой главной чертой мультикультурализма как общей для них политической модели является лидирующая и руководящая роль государства и правительственных институтов в проведении этой политики. Однако, если такая политика становится более настойчивой,

она требует безусловного вовлечения и частных организации и институтов общества. Последнее становится более заметным при кризисах государственного бюджета.

И все же главным тестом политики мультикультурализма на прочность и приемлемость является ее принятие большинством из всех кругов населения в данных трех странах¹².

Так, в Канаде, согласно опросу, проведенному правительственными службами, почти 61% населения высказался в поддержку проводимой политики сосуществования этнокультурных групп. Исследования общественного мнения независимыми организациями зафиксировали процент поддержки, весьма близкий к названному. В Австралии и Швеции опрос правительственными и независимыми службами населения показал примерно такой же процент, поддерживающих названную политику¹³.

Даже в таком сокращенном виде приведенные ранее данные предоставляют аргументированные основания для формулирования некоторых ключевых пунктов для будущего сравнительного анализа процессов и состояния мультикультурализма в Казахстане.

Мультикультурализм в Казахстане

Последние 50 лет характеризуются поистине драматическими изменениями на планете, оказавшими громадное влияние на процессы и состояние мультикультурализма. К ним относятся:

- глобальный мировой кризис;
- появление новых государств в результате распада колониальной системы в мире;
- появление новых государств в результате распада мировой системы коммунизма на территории бывшего СССР и Восточной Европы;
- окончание "холодной войны";
- кризис государства "потребления и всеобщего благоденствия";
- экономическая и культурная глобализация;
- интенсивный, иногда не поддающийся никакому описанию, рост всех форм международных движений населения, в т.ч. политических и в смысле перемещений по планете.

Очевидно, что глобальный мировой кризис, появление новых государств в результате распада колониальной системы в мире не успели оказать на нашу страну существенного влияния, хотя по мере возрастания степени интегрированности её в общемировой контекст их воздействие заметно уже не только для профессионала-исследователя.

В этой связи достаточно назвать Интернет, интенсивные инновации с области телекоммуникаций, всевозрастающий рост легкости, скорости и доступности для населения Республики Казахстан международных путешествий, массовый обмен студентами и туристами.

Тогда как кризис государства имеет совершенно иное содержание и форму, чем в других странах мира, исключая бывшие социалистические страны.

В то же самое время рост всех форм международных движений населения являет собой абсолютно новый для бывших стран социализма феномен. К ним относятся иммиграция (отъезд 2/3 этнических немцев, большого числа русских, русскоязычных в Россию и другие страны, въезд большого числа китайцев, уйгур); реиммиграция (возвращение на родину этнических казахов, немцев и представителей других народов, ранее покинувших Казахстан); рост числа международных движений населения (по классификации ООН, "официальных беженцев" из Таджикистана, Пакистана, Афганистана, и "неофициальных беженцев", т.е. тех, кто находится в поисках только крыши над головой и перемещается без каких-либо документов, по русскоязычной классификации, "бомжей").

Рост всех форм международных движений людей весьма заметен на фоне не очень многочисленного для такой обширной территории населения Казахстана. Экономические, социально-политические последствия и денежные эквиваленты этих изменений неизвестны.

Окончание "холодной войны" и распад возглавляемой Советским Союзом мировой коммунистической системы логически и практически связаны со следующим элементом политической нестабильности, потенциально вызывающим к жизни появление этнических конфликтов или конфликтов, возникающих на основе межкультурных противоречий.

Теперь уже нет двух супердержав, имевших фактически одинаковые политические интересы в мире, которые прежде всего касались контроля или управления буквально всех сторон жизни вассальных государств. Поэтому в образовавшийся политический вакуум активно вторглись новые политические лидеры и группировки, которые преследуют свои собственные корыстные цели во власти и осуществляют их крайне насильственными и неразборчивыми средствами.

Наглядное свидетельство тому - Карабах, Чечня, прибалтийские страны.

Менее заметны, чем политические, изменения, связанные с появлением независимых государств и новых политических режимов, трансформации в специфических целях и идеологиях, которыми руководствуются правительственные политики и те люди, кто имеет влияние на подготовку и принятие ответственных политических решений. Падение коммунистического режима в СССР и последующее введение экономики свободного рынка снизили возможности новых правительств-преемников в принятии и исполнении политики по исправлению существующего неравенства и привилегий среди этнокультурных групп.

Свободный рынок для бывших социалистических стран стал чем-то вроде нового Бога, к которому обращаются во многих публикациях и официально-государственных документах, полагая, что он способен решить почти все новые, т.е. ранее неизвестные тут социальные проблемы.

Однако, как свидетельствует мировой опыт, логика свободного движения труда, товаров, услуг и капитала противоречит протекционизму и желаниям тех лиц, кто в государстве отвечает за защиту его собственных границ от нелегального проникновения иностранных труда, товаров, услуг и капитала.

Подобным же образом противоречат друг другу регионализация (стремление к политической независимости и суверенитету отдельных частей какого-либо государства) и рост этнонациональных международных движений¹⁴.

Все это порождает иной, чем ранее круг проблем.

Опорными конструкциями казахстанской модели мультикультурализма стали не непосредственно народы, а национально-культурные центры (НКЦ) или ассоциации по национальному признаку, образованные, главным образом, начиная с 1990 года. НКЦ в СССР на закате горбачевской "перестройки" есть реализация ленинской идеи о справедливом решении вопроса о самоопределении нации при социализме.

Ленинская теория национального вопроса показала свои возможности на практике. В свою очередь, идея НКЦ была заимствована из теоретических построений известной мировой сионистской лиги "Бундт".

Казахстанские НКЦ зарегистрированы в качестве самостоятельных юридических лиц. До появления в 1996 году Закона РК "Об общественных объединениях" они занимались также и коммерцией, если последнее фиксировалось в их уставах.

Деятельность НКЦ осуществляется на общественных началах, т.е. не имеет конкретной правовой основы. В то же самое время результаты проведенных ими мероприятий оцениваются как политические, например, "демонстрация единства народов Казахстана". НКЦ не пользуются финансовой поддержкой государства. Единственная значительная денежная субсидия им - это сумма, эквивалентная примерно 120 тыс. долларам США, выделенная из бюджета государства для проведения мероприятий 1997 года, объявленного "Годом межнационального согласия народов Казахстана". По данным Министерства финансов РК, около 60% этой суммы было выделено этническим немцам на проведение мероприятий в рамках названного года.

НКЦ играют роль по сценарию официальной власти. Так, на их базе в 1993 году по инициативе Президента РК создан консультативный и совещательный орган при нем - Ассамблея народов Казахстана (АНК),

которая в период роспуска Верховного Совета страны как нелегитимного, выдвинула инициативу о проведении внеочередного референдума о продлении полномочий Президента до 2000 года.

Согласно выступлениям представителей Ассамблеи в масс-медиа и по телевидению¹⁶, “выдающимся вкладом АНК в реализации её программных установок” стало введение квот для абитуриентов, поступающих в ВУЗы на внеконкурсной основе, из числа национальных меньшинств.

По этим же источникам, сама ситуация с месторасположением АНК в системе структур государственных институтов становится все более неясной. Отмечается, что после вывода Ассамблеи из состава аппарата администрации Президента РК возможности её влиять на какие-либо события и осуществлять свои решения значительно сузились и замедлились. В настоящее время АНК передается во ведение Министерства информации и общественного согласия РК.

Характер взаимоотношений внутри самой Ассамблеи объективно демонстрируют телепрограммы. Например, представитель одного НКЦ говорит, отвечая на вопрос журналиста, ведущего передачу, про представителей другого: “Зачем им школы на родном языке? Ведь их всего-то 5 или 6 тысяч... Да они и сами не просят об этом...”

Политико-правовой статус НКЦ и АНК невнятен. Каковы социальные, политические, экономические, правовые и другие основания их прав представлять интересы народа? Если они представляют данный этнос (нацию), то выражают его интересы в целом или какой-то части? Каким образом, без адекватных финансовых возможностей реализуются уставные положения о “возрождении национальных культур, языков, обычаев, традиций” и т.д.? Что есть финансовые источники, питающие деятельность НКЦ и АНК? Нет никаких данных о том, все ли представители национальных диаспор, ради удовлетворения потребностей которых создавались НКЦ и АНК, знают и участвуют в их деятельности? Если Конституция государства гарантирует всем участникам мультикультурного процесса равные права, тогда каковы цели и смысл деятельности названных общественных организаций?

Перечень подобного рода вопросов можно продолжать бесконечно.

Тем не менее в Казахстане Конституция РК, Законы РК “О культуре” (24.12.96), “Об охране здоровья граждан в РК” (19.05.97), “О языках” (11.07.97), “О миграции населения” (13.12.97) дают определенные правовые основы для некоторых сегментов сферы мультикультурных отношений.

С октября 1995 года по март 1997 года существовал Государственный комитет РК по национальной политике.

Исследователь, пожелавший собрать материал, столкнется с тем, что, согласно последнему Закону РК “О государственной тайне”, обобщенная информация, под которую подпадают и данные о

мультикультурализме, является закрытой. Этот факт дополняет перманентное в течение последних 6 лет реформирование органов Государственной статистики и других государственных институтов, призванных заниматься этим вопросом. Но, согласно уже упомянутому Закону, многие сведения в них также являются информацией под грифом “ДСП”.

Программа МОСТ-ЮНЕСКО до сих пор не развернулась в стране. Например, до 1997 года Вице-Премьер Правительства РК был одновременно Председателем Национальной Комиссии по делам ЮНЕСКО. Органы государственного управления, на которых возлагались обязанности поддержания постоянных контактов с международными организациями, в том числе и с ООН, в настоящее время фактически упразднены. Хотя Совет по устойчивому развитию создан при Кабинете министров РК.

Отнюдь не все документы, составляющие международные стандарты прав человека или инструменты ООН, ратифицированы РК. Например, Конвенция прав ребенка ратифицирована в 1994 году. Очевидно, что массы рядовых граждан страны вообще ничего не знают о них.

Мониторинг процессов и состояния мультикультурализма отсутствует. В этой связи важно, например, знать этнокультурную ситуацию и возможные её варианты развития в сфере бизнеса, там, где, по признанию многих, “делаются” уже достаточно большие деньги.

Таким образом, мультикультурализм в Казахстане продолжает оставаться в большой степени “terra incognita”.

Тем не менее факты свидетельствуют: сохранились прежние государственно-институциональные установки на сохранение интеграции и бесконфликтного существования в сфере мультикультурализма при неразвитости её демократической структуры, а рычаги управления ею трансформировались в лично-административные, которые действуют только “по вертикали”.

Однако изменения в экономике уже породили предпосылки для этнической конкуренции.

Трансформации современного мультикультурализма создали серьезный вызов современному государству и обществу, которые находятся в трудном поиске оптимальных вариантов управления культурно-этническим разнообразием без применения насилия, конфликтов и войн, ради возможной пользы для всех участников этого процесса.

Мультикультурализм не существует как один-единственный и абсолютно истинный путь, программа или стратегия. Он живет в очень небольшом числе стран в виде определенной политической модели. Но никто не может, да и не собирается навязывать мультикультурализм никому другому. Равным образом, имеют право на бытие любые теоретико-философские точки зрения на данный феномен.

Возможно, в будущем найдут более "простой" и вместе с тем более "совершенный" вариант решения проблем мультикультурализма. Но сегодня в мире и Казахстане как его органической части и члене ООН альтернативой ему может быть только превращение и без того хрупкого порядка в беспредел.

¹ См., например, Banton M. Race relations. - London, 1967; Blalock H. Towards a theory of Minority - Group Relations. - New-York, 1967; Richmond A. Global Apartheid: Refugees, Racism and the New World Order. - Toronto, 1994.

² Montesquieu C.S. de. Mes Pensees. Paris, 1949. P. 10.

³ См.: наиболее известные из них: Banton M. Race relations. London, 1967; Baubock R. The Integration of Immigrants. Strasbourg, 1995; Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, 1994; Furnivall J.S. Netherlands India: A Study of Plural Economy. Cambridge, 1939; Furnivall J.S. Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands. London, 1948; Schermerhorn R. Comparative Ethnic Relations: A Framework for Theory and Research. New-York, 1970 и др.

⁴ См.: Baubock R. The Integration of Immigrants. Strasbourg: Council of Europe. 1995.

⁵ Подробная и обширная библиография работ по этой проблематике представлена в Multiculturalism: A Policy Response to Diversity. 1995. MOST UNESCO; Furnivall J.S. Netherlands India: A Study of Plural Economy. Cambridge, 1939; Furnivall J.S. Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands. London, 1948; Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, 1994 и др.

⁶ См.: UNDP: World Report on Human Development. 1994.

⁷ См.: Human Rights: Major International Instruments. UNESCO, 1996, as at 31 May 1996.

⁸ См.: Dorais J-L., Foster L. & Stockley D. Multiculturalism and Integration. Melbourne, 1994.

⁹ См.: Canada, 1993-1994. P. 5

¹⁰ См.: OECD, 1995. P. 119

¹¹ См.: Hammar T. European Immigration Policy. Cambridge, 1985.

¹² Holton R. & Lanphier M. "Public opinion, Immigration and Refugees" in Immigration and Refugees Policy: Australia and Canada Compared, Melbourne, 1994. vol. 29. № 2.

¹³ Goot M. "Multiculturalism, Monoculturalists and the many in between..." Australian and New Zealand Journal of Sociology, 1993. vol. 29. № 2.

¹⁴ См.: труды, где подробно исследуется данный круг проблем и ведется дискуссия по ним: McLellan J. & Richmond A. "Multiculturalism in Crisis: A Post-Modern Perspective" Ethnic and Racial Studies. 1994. vol. 17. № 4; Richmond A. Global Apartheid: Refugees, Racism and the New World Order. Toronto. 1994 и др.

¹⁵ Передачи на каналах "Хабар", "Акшам", "Тан", публикации в газете "Казахстанская правда".

ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА: СТРАТЕГИЯ, ПРИОРИТЕТЫ И МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Василенко В.Н.

Резкое снижение в Казахстане за 1990-1997 гг. индекса человеческого развития (с 0,798 до 0,660) и уровня ожидаемой продолжительности жизни населения (почти на 5 лет) заставляет искать новые подходы к оценке стратегически неотложных проблем обеспечения национальной безопасности страны как фундамента государственности в условиях реформ. По общему социально-экономическому состоянию среди 174 государств мирового сообщества она за это время опустилась с 64 на 93 место, по валовому внутреннему продукту (ВВП) на душу населения - на 129 место и приближается к критической группе наименее развитых и подвергнутых экологическому обнищанию стран планеты¹.

В 1996 г. остановилось падение ВВП, но продолжается присущая фазам политических, экономических и структурных реформ инерция социальных ухудшений в стратегически важнейших сферах общества с молодой государственностью - сокращается количество обучающихся, снижается доступ населения к системе здравоохранения, во многих регионах страны происходит экологическое обнищание населения (Приаралье, Азгир, аулы и села в регионах сырьевого природопользования, старопромышленные города и индустриальные центры).

Эти острые кризисные тенденции диктуют необходимость адекватных стратегических оценок социальных результатов реформ, правильного выбора и актуализации критериев измерения их качества и тем более направлений государственного планирования, управления и контроля за исполнением принятых решений в условиях переходного периода. То есть тех проблем, которые определяют потенциал укрепления государственности Казахстана как субъекта мирового рынка. Проблема эта многоаспектная, и у нас фокус анализа направляется на комплекс аспектов экологической безопасности страны, где сходятся все социально и экономически наиболее острые, политически неотложные вопросы с точки зрения приоритетов глобальной и национальной безопасности молодого государства как суверена и субъекта природопользования в системе мирового сообщества, выделенные в стратегии "Казахстан - 2030".

1. Основы государственности и приоритеты безопасности общества

По классификации ООН в перечне основных угроз безопасности человека в государстве принята такая структура национальной безопасности²:

- экономическая безопасность,
- продовольственная безопасность,
- безопасность для здоровья,
- экологическая безопасность,
- личная безопасность,
- общественная безопасность,
- политическая безопасность.

Эти угрозы безопасности выражают прямую естественно-историческую и генетическую связь, взаимозависимость и взаимообусловленность трех фундаментальных факторов, определяющих потенциал безопасности населения и устойчивого развития любой страны природопользования - связь экологии, экономики и здоровья поколений населения как социальной и гражданской основы государственности. Эти три проблемы в общесоциальном и тем более политологическом анализе состояния общества и прогнозе направлений реформ в природопользовании нужно рассматривать комплексно и одновременно, потому что в теснейшей причинно-следственной связи здоровья людей и экономики с экологией заложены жизнестойкость и устойчивость экономического и человеческого развития любой страны как цивилизационно-культурной части мирового сообщества. На эту связь указывает смена стратегических приоритетов в структуре безопасности и нарастание экологических проблем индустрии природопользования в национальных, региональных и глобальных масштабах. Драматическая история и судьба Казахстана во второй половине XX века только подтверждает это. Естественно-исторический парадокс Казахстана (как и других стран Центральной Азии) заключается в том, что с социальными и экологическими последствиями индустриализации природопользования столкнулась такая страна, которая имела, как и все кочевые цивилизации, экологически адаптированные уклад хозяйства, экономику, культуры, этику и психологию, помогавшие выживать кочевникам в экологически и климатически экстремальных, наиболее уязвимых условиях Евразийского континента в биосфере планеты.

Ноосферный анализ экологических проблем человечества в глобальных, региональных и национальных масштабах показывает, что они возникли только потому, что традиционная политическая экономия, макро- и микроэкономика рынка, реальная экономика объектов, отраслей и регионов природопользования не учитывают экологические ограничения адекватно экологическому состоянию

биосферы страны на карте планеты и в системе мирохозяйственных связей. Чтобы исправить ситуацию, на Всемирной конференции ООН принята Рио-де-Жанейрская декларация об окружающей среде и развитии (Рио-92), в которой впервые на политическом уровне признана связь охраны окружающей среды (экологической безопасности индустрии природопользования для поколений) с развитием общества. Эта связь становится особенно очевидной, если на качественное состояние жизни ее людей и экономики страны смотреть экологически не обезличенно, а как на экологического субъекта мирового сообщества государств-природопользователей в биосфере Земли. В принципах Рио-92 политиками признано, что без учета экологических требований населения в мирохозяйственных отношениях стран, тем более в регионах и государствах с сырьевой монокультурой природопользования, не добиться устойчивого экономического и человеческого развития общества. Но это глобальное признание должно стать реально действующим стратегическим принципом и приоритетами повседневной политики экономических, юридических, социальных и иных отношений в государствах природопользования в конкретных условиях развития, тем более в процессах фундаментальных трансформаций и вхождения в рынок. И соблюдение этих принципов национальной и экологической безопасности должно стать измерителями реформ и стратегическим условием перехода к устойчивому развитию стран переходного периода.

В соответствии с принципами Декларации ООН Рио-92 основными стратегическими объектами национальной безопасности и устойчивого развития (НБ и УР) Казахстана как суверена и субъекта государственности являются:

- природа страны с исторически унаследованными экологическим состоянием территории в регионе биосферы Земли, естественными производительными силами и ресурсами (с географически и экологически определенными характеристиками) земель, вод, недр, особенностями пространства, климата, ландшафтов и биоразнообразия и других факторов жизнеобеспечения, жизнедеятельности и устойчивого развития общества;

- состояние народонаселения (ИЧР и экологическая безопасность поколений) страны природопользования со сложившимся укладом, уровнем жизни и социально-экономического развития, потенциала репродуктивного здоровья настоящих и будущих поколений;

- состояние основных секторов экономики хозяйства (уровень ВВП и экологической безопасности объектов), сложившейся отраслевой и территориальной системы размещения и развития производительных сил и уровня воздействия технологии (индустрии) природопользования на окружающую среду.

Выделенные выше приоритеты экологических угроз национальной государственности и требований устойчивого развития в обществах переходного периода должны учитываться на трех основных уровнях национальной безопасности страны как субъекта Мирового сообщества:

- безопасности граждан (основных естественных и социальных природопользователей) - настоящих и будущих поколений населения (она оценивается уровнем ИЧР, защищенностью гражданских и экологических прав и развитостью ответственности/обязанностей), субъектов реформ и рынка повседневных потребностей общества;

- безопасности общества (совокупного природопользователя) - его исторически основных социальных структур, институтов и групп, экономических и иных субъектов (она оценивается уровнем ВВП страны и на душу населения и соблюдением фундаментальных экологических требований) при создании материальных и культурных основ развития страны и тенденций развития рынка потребностей и использования природных ресурсов;

- безопасности структур государства (территориального политического суверена и субъекта национального природопользования в Мировом сообществе) - функциональная развитость институтов власти и управления в системе охраны окружающей Среды на объектах, в отраслях и регионах природопользования общества и состоянии демократических основ и структур общества³.

Чтобы преодолеть стереотипы экологически обезличенного отношения к территории государства страны и ее стратегических политико-экономических субъектов, нужно учитывать экологический статус страны природопользования в соответствии с ее географическим местом в регионе биосферы и исторически сложившейся индустрией и экономикой природопользования. Все основные политические, правовые, институциональные, экономические и иные аспекты этой проблемы глобальной, региональной и национальной безопасности стран мирового сообщества природопользователей и принципы их перехода к устойчивому развитию учтены и признаны в названной выше декларации ООН Рио-92, в приоритетах Повестки дня на XXI век и экологических конвенциях⁴. Они стратегически актуальны для переживающего глубокий экологический, социальный, экономический и структурный кризис природопользования Казахстана. Но не стали стратегически обязательными в реальной политической и правовой, экономической и социальной практике отношений и реформ. В чем это выражается?

Здоровье людей на 50-80 % (разброс процентов показывает разные методики подсчета статистических оценок) определяется системой жизнеобеспечения и экологическими факторами страны - качеством жизни (состояние жилья, питания, воды, воздуха), уровнем развития науки (тем более экологии), образования (экологического)

здоровоохранения. По оценкам экспертов, сегодня в Казахстане экологический ущерб превышает 20% валового национального продукта. И сегодня некорректно говорить о безопасности государства, если не обеспечиваются естественные и экономические основы безопасности его граждан и всей системы общественных отношений в базовых отраслях - в индустрии (в том числе в отраслях земле-, водо-, недро-, лесо-, воздухо- и иного) природопользования. Потому что экологический аспект национальной безопасности все больше приобретает общечеловеческое, гражданское, социально-экономическое - то есть стратегически неотложное политическое значение. В аграрно-индустриальном Казахстане во второй половине XX века экологические проблемы приобрели глобальную и региональную остроту и неотложность для политических решений. В выделенных выше структурах стратегических объектов и субъектов государственности и уровнях безопасностей видно, что экологическая безопасность общества зависит от того, насколько экологические требования учитываются в политике, правовом инструменте, экономическом механизме и технологии природопользования.

Эти требования Декларации ООН Рио-92 в мировоззренческом, социально-политическом плане и в порядке постановки проблемы учтены в принятой Советом Безопасности концепции экологической безопасности Казахстана и в основных природоохранных актах страны, но проблема еще очень далека от практического разрешения. Об этом можно будет говорить только тогда, когда национальный уровень экоинвестиций в ВВП общества и на душу населения будет поднят до минимально обязательного - 3-4%. Но сложность проблем многократно возрастает в связи с тем, что решать ее приходится в условиях глубоких политических, правовых, экономических и социальных реформ общества. Поэтому экологические императивы Рио должны стать стратегическим принципом государственной политики, повседневной юридической нормой отношений субъектов природопользования (граждан, хозсубъектов, структур власти и управления), тем более профессиональным правилом, обязательным для соблюдения государственными чиновниками страны на любом уровне и всех рангов. В противном случае их служебные действия по отношению к поколениям граждан страны природопользования нельзя считать ни стратегическими, государственными и профессиональными.

2. Экологическая рента - плата природопользователя за будущее

Принятие на уровне ООН декларации Рио-92 и концепции экологической безопасности Казахстана означает, что естественно-историческую и материальную основу политической и экономической независимости государства, фундамент национальной и экологической

безопасности и устойчивого экономического и человеческого развития определяет экологический статус страны природопользования, который должен учитываться в системе социально-политических приоритетов и отношений между структурами государства, ключевыми секторами общества и населением регионов. Тем более - в политике стратегического планирования, государственного управления и контроля. Структура приоритетов национальной безопасности в стратегии "Казахстан - 2030" совпадает с мировыми критериями измерения безопасности человека. Потому учет экологического состояния этих объектов в процессе обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития (НБ и УР) принципиально необходим для стран переходного периода, особенно при определении адекватного статусу государства, короткого (неотложного) перечня выделенных в послании Президента "Казахстан-2030" приоритетов и стратегических целей, "систем стратегического планирования и стратегического контроля, подотчетности и ответственности"⁵, которые имеют особое значение в политике охраны окружающей Среды и тем более в государственной региональной и отраслевой экономике природопользования страны.

Для обеспечения глобальной и национальной экологической безопасности страны и учета в политике стран и мирового сообщества приоритетов устойчивого социально-экономического развития человечества природопользователей должна соблюдаться такая иерархия и должны учитываться такие приоритеты безопасности субъектов государственности (в международных и внутренних отношениях):

- экологическая безопасность настоящих и будущих поколений страны природопользования (уровень экологической ренты);
- безопасность здоровья населения (коэффициент глобального бремени болезней);
- продовольственная безопасность (качество питания);
- экономическая безопасность (ВВП и устойчивое развитие) субъектов рынка;
- личная безопасность граждан страны;
- общественная безопасность государства;
- информационная безопасность общества;
- политическая безопасность общества;
- военная (оборонная) безопасность страны.

В соответствии с такой постановкой проблемы в стратегическую (основную) систему субъектов и институтов, заинтересованных в обеспечении национальной (и экологической) безопасности Казахстана входят следующие основные стороны социально-политических субъектов и подчиненных их целям устойчивого развития политико-экономических, политико-правовых, социально-экономических и иных отношений охраны окружающей Среды и природопользования

граждане общества (уровень ИЧР поколений, исторически устойчивое социально-экономическое и материально-культурное развитие общества) - институты власти и управления (развитость и эволюция демократии, политико-экономическое, политико-правовое, институциональное и организационное обеспечение устойчивого развития национальной территории) - хозяйствующие субъекты собственности (уровень ВВП, создание основ устойчивого экономического и человеческого развития).

Выделенные выше иерархической колонкой (жирным курсивом) факторы безопасностей субъектов общества в его структуре составляют в сумме индекс человеческого развития (ИЧР) поколений страны, которое может быть исторически устойчивым только с учетом экологических требований природопользования населения в географически конкретном регионе биосферы. В политико-правовом и политико-экономическом смысле каждое государство в геопространстве мирового сообщества является экотехнополисом объектов (природа - население - уклад хозяйства), субъектов и институтов (институты власти - граждане - субъекты собственности) страны природопользования в биосфере планеты.

В обществах переходного периода названные субъекты и институты государства являются объектами и субъектами реформ. То есть все страны СНГ переживают двойную реформу: переход к рынку и - к экологически ориентированному (устойчивому) развитию. Вторую реформу - стратегически и исторически более неотложную - пока все откладывают до лучших времен, обрекая страну на экологическое обнищание. Но в экологии природопользования лучшие времена - в прошлом, потому что всякое отложенное политиками решение оборачивается усугублением вызванных экологическими причинами социальных проблем населения. А вчера невыплаченный на охрану окружающей среды тенге оборачивается сегодня необходимостью расходувать на порядок больше на ликвидацию последствий и реабилитацию пострадавших. Рассмотрим функционально-статусную роль и место каждого субъекта реформ в системе обеспечения национальной безопасности и устойчивого экономического и человеческого развития страны природопользования с молодой государственностью⁶.

1) Граждане общества (настоящие и будущие поколения населения страны природопользования) - это стратегически основные и универсальные субъекты общего и специального природопользования государства. В общесоциальных, политических, политико-правовых и социально-экономических отношениях общества они - единственные и основные источники государственной власти и налогоплательщики страны. Потому в стране должны оцениваться не только уровень ВВП на душу населения и ИЧР, но и адекватная экологическому состоянию страны безопасность поколений населения - доступность

к чистой воде (Казахстан имеет самую низкую в СНГ естественную обеспеченность водными ресурсами, и его население, особенно в пустынных и степных регионах, испытывает постоянный дефицит качественной питьевой воды), продуктам питания и другим средствам жизнеобеспечения, эффективность государственной и общественной охраны окружающей Среды. С этим прямо связаны система общественного здравоохранения, развитие структур экологического информирования, образования и воспитания. И экологическая активность населения должна учитываться властью при принятии управленческих решений. Потому что она показывает естественную озабоченность населения о выживании поколений народа и выявляет не учитываемые политиками и рынком наиболее социально и политически неотложные проблемы безопасности и устойчивого развития страны природопользования;

2) Институты власти и управления охраной окружающей Среды и природопользованием страны (с точки зрения принципов Рио-92 и экологической безопасности населения) в системе государственности страны природопользования как суверена и субъекта мирового сообщества должны занять свое фундаментальное и стратегически незаменимое (адекватное экологическому статусу и состоянию страны в биосфере) место - служение народу, укрепление и развитие основ государственности и обеспечение институциональных структур безопасности и устойчивого развития общества. Им вменяется ранее вообще не учитываемая в политической стратегии государства как суверена и субъекта мирового сообщества особая функция - сохранение на исторической территории страны природопользования естественных основ государственности, национальной безопасности и обеспечения устойчивого экономического и человеческого развития поколений общества.

Потому в плане неотложных (стратегически обязательных) действий всех структур власти, и тем более правительства, должны оцениваться развитость законодательных, исполнительных, судебных и общественных институтов, уровень разработанности и исполняемости актов, степень ответственности субъектов государственности за состояние охраны окружающей Среды, социальная и экологическая эффективность применения правовых инструментов и экономического механизма природопользования. Накануне XXI века и в условиях глобализации проблем национальной безопасности государство сильно не числом чиновников и военных на душу населения (бремя налогов), а стратегической адекватностью реформ целям устойчивого развития, социальным качеством исполнения законов и эффективностью природопользования.

Нужно подчеркнуть, что до принятия ООН декларации Рио-92 экологическая функция институтов власти и управления политически и юридически не всеми признавалась, практически отсутствовала или

была развита очень слабо - по крайней мере неадекватно экологическому состоянию страны природопользования. Кроме того, государственно-политическое принятие экологических принципов Рио-92 позволяет снимать давно уже поднимаемую учеными проблему экологической обезличенности экономических отношений общества и оценки территорий страны природопользования как суверенов и субъектов мирового сообщества в едином экологическом пространстве биосферы планеты. В самом деле, биосфера Земли у человечества и всех стран одна, но природно-климатические и иные особенности и богатства природных ресурсов на планете (тем более условия их добычи и разработки) у всех разные. То есть глобальное осознание человечеством научного факта - территории стран природопользования как государственные образования существуют и развиваются в экологическом пространстве-времени биосферы - должно быть закреплено в конституционно и политически обязательных, юридически неотвратимых, экономически оправданных, социально и этически привлекательных нормах отношений субъектов общества. Тем более должны учитываться на рынке повседневных интересов и потребностей населения. Проведенная уже более пяти раз (за шесть лет) реорганизация министерства экологии и природных ресурсов так и не подняла его государственный статус до уровня, способного обеспечить действительную экологическую безопасность в стране объектов, отраслей и регионов природопользования. Потому что на фоне организационных и кадровых перемен экологические платежи остаются на опасно низком для населения страны уровне, а вредные воздействия выбросов - высокими (они близки к 50 тоннам на душу населения по Казахстану и свыше 20 тонн в Акмолинской области) (См. таблицу 1);

3) Хозяйствующие субъекты собственности - политически и юридически основные экономические природопользователи страны. Они используют богатства природы как извечный капитал, средство получения выгоды и извлечения прибыли на рынке интересов и потребностей общества. Вспомним классическую, но экологически обезличенную формулу политической экономии (А. Смит, У. Петти, К. Маркс): земля - труд - капитал. Ее никто не отменял и сегодня - рынком потребностей капитал прибыли выжимается из природы и труда человека. Но с точки зрения будущих судеб поколений капитал - это не цель, а средство достижения процветания и устойчивого развития общества. Экологический кризис политической экономии говорит о том, что до принятия экологических принципов ООН Рио-92 политическая, отраслевая, объектная, региональная и иные экономики (как и хозяйственные отношения общества) практически не учитывали официально признанных экологических ограничений на природные ресурсы. Человечество философски, научно, эстетически и этически осознало, что живет в биосфере. Но должно признать

экологический императив природопользования политически, юридически и экономически - за безопасность поколений страны и мировое сообщество государств должны платить экоренту во имя будущего. То есть и капитал-загрязнитель и труд-загрязнитель должны платить те обязательные 3-4% национальной экологической ренты с четкой дифференциацией уровня экономической и юридической ответственности в отраслях и регионах природопользования. Без этого не достичь в биосфере Земли общего и национального устойчивого развития настоящих и будущих поколений стран и человечества.

Таблица 1

Расходы на охрану окр. среды в Казахстане: общие, на душу населения, на 1 кв. км. территории*

Годы	Площадь тмс. кв. км.	1993 население тмс. чел. (тнг. на чел./кв. км.)		1995 население тмс. чел. (тнг. на чел./кв. км.)	
		1993	1995	1993	1995
Республика Казахстан (тмс. тенге всего)	2720	16985,7 372599,5 21,9137	16679 11746,7 704,3/4318,4		
Акмолинская	92,1	880 23,8/150,3	845 435,3/3996,7		
Актюбинская	298,7	758,4 23,4/59,4	752,8 1587/4000,6		
Алматинская	104,8	961,4 4,7/42,8	963,1 89,5822,5		
Атырауская	113,5	458,9 50,7/202,8	459,6 639,9/2596,5		
Восточно-Казахстанская	97,3	957,2 34,0/334,6	939,5 2269,5/21913,6		
Жамбылская	144,2	1056,9 6,1/44,4	1039,6 521,6/3360,8		
Жезказганская	313,4	494,9 76,5/120,5	484,4 2366,8/3658,3		
Западно-Казахстанская	151,2	669,3 19,0/84,0	669,8 448,3/1986,1		
Карагандинская	117,9	1326,7 37,2/415,9	1270,1 1050,8/11319,7		
Кзыл-Ординская	228,1	598,4 1,8/4,0	674,7 48,0/142,0		
Кокшетауская	78,1	676,4 5,2/45,1	657,0 303,2/2550,6		
Костанайская	114,5	1988,7 24,9/237,1	1155,3 349,7/3523,4		
Мангистауская	165,1	346,4 49,9/104,7	324,4 1514,1/2975,1		
Павлодарская	127,5	973,1 72,8/553,8	943,6 2159,3/15980,4		
Северно-Казахстанская	44,3	621,8 6,0/84,2	600,9 156,4/2102,9		
Семирпатлинская	179,6	844,2 5,1/24,1	811,0 138,4/624,7		
Талды-Корганская	118,5	741,4 3,0/11,9	721,5 94,3/360,7		
Торгайская	111,9	313,3 1,6/4,6	305,9 108,2/295,8		
Южно-Казахстанская	116,3	1941,3 12,5/203,1	1987,7 240,5/4110,0		
г. Алматы	0,3	1197 16,3/67041	1172,4 338,7/1325,3		

* Подсчитано по: Текущие затраты на охрану природы. Госкомитет РК по статистике и анализу за 1993 и 1995 гг., Алматы, 1993, 1995.

То есть законы политической экономии нужно соединять на уровне экотехнополиса страны с законами социальной, политической, правовой и экономической экологии. И это можно сделать только через учет экологической ренты в политических актах, правовых инструментах и экономическом механизме природопользования общества. Собственно в этом заключается мировоззренческая (концептуальная), социально-политическая, политико-экономическая, политико-правовая и иные формы эволюции биосферы природопользования цивилизации в ноосферу устойчивого развития поколений человечества. Количественно возрастающие и качественно расширяющиеся потребности населения, истощающие рынки основных естественных ресурсов, породили экологически и социально тупиковую идеологию экономического роста страны на основе безудержной эксплуатации собственных богатств и ресурсов природопользования. То есть традиционное паразитирование на богатствах природы равно паразитированию на здоровье и благополучии будущих поколений. Экологическая рента страны природопользования и индекс человеческого развития поколений общества генетически взаимосвязаны - как экология человека и здоровье поколений человечества в биосфере планеты.

Принятие политиками государств мира принципов Рио-92 есть мировоззренческое признание необходимости перехода хозяйствующих субъектов от философии и политэкономии стихийного и экологически тупикового экономического роста - к ноосферным принципам устойчивого развития. Но эти мировоззренческие и концептуально новые подходы должны постепенно утверждаться в практике макро- и микроэкономических отношений, в политике и стратегии национального, регионального и локального развития отраслей и объектов природопользования. Потому должны оцениваться не только уровень ВВП юридических и физических лиц страны, эффективность использования права на землю, воду, недра и иные ресурсы, но и строгость (обязательность соблюдения норм экологической безопасности) выполнения природоохранных актов, неотложность оздоровления производства и регионов. Без этого в условиях переходного периода не достичь устойчивого экономического и социального развития поколений страны природопользования.

Современные реформы в области охраны окружающей Среды, обеспечения экологической (национальной) безопасности, определяемые принципами Рио-92, диктуют четкое распределение ответственности между субъектами и институтами государственности за переход к устойчивому экономическому и человеческому развитию настоящих и будущих поколений страны природопользования в условиях вхождения в рынок, утверждения собственного экологического статуса и приоритетной защиты национальных интересов в системе стран Морского сообщества и на глобальном рынке природных ресурсов.

Проблема эта для молодых государств новая, комплексная и многоаспектная и требует нетривиальных, стратегически верных, адекватных и последовательных решений.

Но в стратегической программе действий (СПД) правительства Республики Казахстан на 1998-2000 годы не учитываются принципиальные положения фундаментальных концепций, принятых Советом Безопасности в 1996 г.⁷, - экологической безопасности Казахстана (КЭБ) и формирования государственной идентичности (КФГИ) страны. В КЭБ республика оценивается экологически уязвимой страной, и экологическая безопасность включается в стратегически фундаментальные компоненты национальной безопасности, важнейшие аспекты защиты интересов и приоритетов страны в международных интеграционных процессах. Но в программе правительства с начала реформ преобладает традиционный остаточный подход к застаревшей экологической проблеме. Это подтверждается и практикой остаточного финансирования сферы. Средние расходы на охрану окружающей Среды составляют менее 0,5% валового внутреннего продукта - в полтора-два раза меньше чем были до начала реформ и на два-три порядка ниже, чем в большинстве стран, сумевших в природопользовании преодолеть экологический кризис. (Сравните таблицы 1 и 2).

Таблица 2
Расходы на экологию в год: Казахстан и страны Европы*

Страна	Население (млн.)	Площадь (кв. км.)	Всего (млн. \$ США)	На душу (\$ США)	На кв. км (\$ США)
Болгария	9,00	111,386	33,70	3,74	302,55
Республика Чехия	10,30	708,806	1100,00	107,00	14000,00
Венгрия	10,30	92,960	252,10	24,50	2712,00
Польша	38,40	312,958	889,00	23,15	2841,00
Словацкая Республика	5,30	48,983	173,60	32,75	3544,00
Эстония	1,40	45,300	14,20	10,14	313,46
Литва	2,40	64,500	1,20	0,50	18,60
Казахстан	16,90	2720,000	3,30	0,20	1,21

* Стаблбайн С., Липсиц Ю. Ноосфера, 1996, 1, с. 330.

Сложившаяся к началу реформ и существующая сегодня структура и объем экоинвестиций далеко неадекватны требованиям обеспечения экологической и национальной безопасности населения, особенно кризисных зон и регионов природопользования Казахстана. Эта проблема остро актуальная для устойчивого развития всех объектов и отраслей - сельского хозяйства (продовольственная безопасность), промышленности, энергетики, транспорта, архитектуры и строительства, коммунально-бытовой сферы и других экономических секторов общества. Долголетний дефицит экологических инвестиций привел к тому, что в зонах разведки, добычи, обогащения и иных переделов вещества и получения продукции в экологическом пространстве Казахстана возникли кризисные биогеохимические провинции вредных загрязнений с городами и поселениями, окруженные аграрными поясами; во многих городах и большинстве сел ощущается дефицит чистой воды; в стране не развита система экологического информирования, образования, просвещения и воспитания.

Качество жизни и здоровье населения - интегратор социально-экономического и социально-экологического состояния общества и эффективности (по ИЧР) сложившейся в стране политики и экономики природопользования. Но до настоящего времени в республике не произведена интегральная оценка ущерба, нанесенного экономике страны и здоровью населения загрязнением окружающей среды. По отдельным оценкам он превышает 10 миллиардов долларов. Потери только от эрозии целинных земель приближаются к 2 млрд. долларов. При господствующей политике, экономике и технологии природопользования в регионах интенсивной разработки природных ресурсов углубляются процессы экологического обнищания, в стране разрушаются естественные основы национальной безопасности и устойчивого экономического и человеческого развития общества.

Нужно учитывать и другой аспект проблемы, выделенный в структуре и иерархии приоритетов национальной безопасности - информационные основы экологической безопасности. То есть речь идет о состоянии в стране уровня экологического информирования, образования, просвещения и воспитания. Хотя эта стратегически актуальная для устойчивого развития страны проблема поставлена в концепции экологической безопасности, в законах об охране окружающей Среды и экологической экспертизе, но ее решение находится в зародковом состоянии - в Казахстане нет надежной государственной системы экологического информирования населения о вредных выбросах во все Среды жизни, не действует система доступа населения к принятию управленческих решений, не налажена полномасштабная, охватывающая все уровни школ система экологического образования кадров и воспитания населения. Крайне редко проводится (учитывается) общественная экологическая экспертиза объектов

природопользования. Даже вызывающих острую озабоченность населения. Достаточно назвать до сих пор закрытые от общественности концепцию развития ядерной энергетики, планы строительства атомных электростанций, экологическое состояние космодрома Байконур. Тем более проекты освоения шельфа Каспия, в которых экологическая проблема замалчивается или становится предметом политических спекуляций. А неотложные для общества вопросы экологического образования держатся в основном на плечах энтузиастов. Даже в стратегии "Экология и природные ресурсы Казахстана" эта комплексная государственная проблема сведена к урезанным фрагментам школьного и вузовского просвещения. И не получают адекватной поддержки даже уже признанные общественностью образовательные проекты, когда в экологическом всеобуче нуждаются все природопользователи. И особенно кадры всех структур принятия политических решений, управления и бизнеса. Потому что прежде всего от них зависит исполнение принятых в стране экологических актов и принципов концепции экологической безопасности страны. Без этого не решить проблемы национальной безопасности и не перейти на стратегию устойчивого развития страны природопользования.

Это только часть стратегически актуальных приоритетов политики, экономики и права природопользования Казахстана, которые должны учитываться в государственном планировании, управлении и контроле. Они диктуются естественно-историческими, техногенными и иными факторами экологической уязвимости экосистем природопользования Казахстана в Евразийском регионе биосферы планеты.

3. Приоритеты экологизации политики природопользования и стратегия устойчивого развития страны

На специальной сессии генассамблеи ООН (23-27 июня, 1997 г. Нью-Йорк) Президент Казахстана поставил вопрос о необходимости создания кадастра глобальных экологических проблем. В таких кадастрах особенно остро нуждаются экологически наиболее уязвимые сырьевые страны природопользования. Все больше экспертов признают, что XXI век будет веком резкого обострения энергетических и прямо связанных с ними геополитических, социальных, геоэкономических и геоэкологических проблем стран монокультурного природопользования. Можно прогнозировать обострение проблем и противостояния между развитыми Севером и Западом и богатыми ресурсами, но экономически бедными, технологически отсталыми и институционально слабыми странами Юга и Востока. Казахстан, становясь евразийским эпицентром добычи энергосырья, может превратиться в конфликтогенное пространство высокого риска и перекресток глобальных политических, национальных и региональных последствий экологических издержек. А при неадекватном экологическому состоянию страны

учете природоохранных требований на рынке сырья, то и в евразийскую арену конфликтов мировых энергопотребителей. То есть если при освоении углеводородного сырья Прикаспия не будет учитываться экологическая рента стран и региона природопользования, то это внутриконтинентальное море и прилегающие к нему страны Евразии ожидает такая глобальная экологическая катастрофа, которая по своим последствиям для цивилизации будет несопоставимой с пережившими до сих пор человеческой цивилизацией в биосфере Земли.

Глобализация экономических, информационных, политических, транспортных и иных процессов на мировом рынке природных ресурсов только подчеркивает стратегическую (фундаментальную и неотложную) роль экологической безопасности Казахстана и экологической ответственности за эту проблему стран-партнеров в Евразийском пространстве. Потому экологический фактор должен стать приоритетным в определении стратегии интеграции государств на основе сглаживания противоречий и взаимовыгодного согласования интересов для общего устойчивого развития. Кстати, эти проблемы заложены в проект Евразийского союза и делают его непреходяще актуальным в действительной интеграции ради совместного устойчивого развития различных государств региона и Каспийского бассейна.

В стратегии политики национальной безопасности нельзя не учитывать, что на региональных и глобальном рынках природных ресурсов в экологическом пространстве региона биосферы планеты (и в Евразии) идет и углубляется экологическая война стран развитых - с развивающимися. И особенно жесткая - с транзитными странами природопользования, переживающими критический переходный период. От них - отличное и дешевое сырье, к ним - отходы, грязные и вчерашние технологии, второ- и третьесортные товары. Казахстан - с его нефтью и другими ресурсами - постепенно превращается в евразийский полигон экологически опасного политического, экономического и технологического соперничества (нового глобального передела рынка природных ресурсов) развитых стран так называемого "золотого миллиарда" с остальным миром. Потенциал минерального сырья в недрах Казахстана (литосфера - фундамент природопользования страны в биосфере) приближается к 10 триллионам долларов - добывается свыше 300 видов полезных ископаемых, сосредоточены глобальные запасы хромитовых руд (около 30% мировых), марганца и урана (25%), свинца (19%, на страну приходится более половины опаснейших техногенных свинцовых провинций бывшего СССР), меди и железа (по 10%). При средней добыче и переработке на душу населения в год до 50 тонн сырья (в Европе на порядок меньше), до 97-98% его отходов попадают в окружающую среду как вредные загрязнители биосферы страны.

Интересы национальной безопасности требуют: нужно рассчитать стратегически обязательный минимум отчислений на обеспечение экологически безопасных разработки ресурсов и оборота товара на

национальном и глобальном рынке. Неприкосновенный для других целей экологический фонд страны природопользования должен быть постепенно, по этапам поднят до уровня не ниже 3-4% ВВП. С апреля в стране создан в качестве юридического лица фонд охраны природы, но пока еще не функционирует национальная система неотвратимости природоохранных платежей и расходования средств строго по назначению. (Напомним, сейчас платежи опасно низки - меньше 0,5% бюджета, и не всегда расходуются по назначению). Причем нижний порог экологической ренты должен быть определен для всех основных отраслей, объектов и зон природопользования. Например, по эмпирически сложившимся на мировом уровне нормам, в нефтяном и газовом комплексе (углеродная, факельная энергетика) он должен быть не ниже 10% инвестиций и капитальных вложений, в космонавтике - не менее 5%. Уже в бонусах и роялти (лицензионной и иных рентах природопользования) нужно выделять адекватные экологическому состоянию и стратегическим интересам безопасности населения страны и регионов воздействия индустрии природопользования социально-экологические издержки производства, обмена и потребления - для возрождения, оздоровления и устойчивого развития общества переходного периода.

В Программе стратегических действий правительства (ПСД) Республики Казахстан на 1998-2000 годы поставлена цель "усиления внимания к вопросам охраны окружающей Среды и здорового образа жизни" и "достижения снижения темпов ухудшения состояния окружающей Среды". Но этой цели не достичь и этой задачи не решить, если не будет стратегически приоритетного учета экологических норм и требований в отношениях основных социально-политических и политико-экономических субъектов государства как сторон процесса обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития. Потому экологический блок нужно перенести (в соответствии с концепцией экологической безопасности и местом проблемы в стратегии национальной безопасности и устойчивого развития) в первый раздел ПСД - "Национальная безопасность".

Кроме того нужно привести в соответствие с концепцией ЭБ РК стратегическую цель-замысел. Невозможно говорить о "снижении темпов ухудшения", тем более о последующем оздоровлении окружающей Среды, если в стратегии политики и экономики природопользования не учитываются фундаментальные принципы и нормы экологической безопасности отраслей, объектов и регионов страны и ее населения. Эти требования на уровне государства должны последовательно и неуклонно интегрироваться в экономическую, секторальную и региональную политику. Этой острейшей проблеме была посвящена серия специальных конференций ООН (Добржиш, Люцерн, София, Бангкок, Минск, Нью-Йорк) и процесс НПД ООС, запущенные в странах Европы, в России, Беларуси, Кыргызстане и Казахстане. В конце

июня в Орхусе (Дания) будут подводиться первые итоги процесса перехода стран, в том числе и Казахстана, к устойчивому развитию. Эта проблема неотложна и для нашей страны, и ее нужно решать адекватно целям и задачам социального возрождения и экологического оздоровления страны. При сложившейся политике и структуре инвестиций экологическая проблема перегружает и без того переживающий глубокий кризис социальный сектор общества. Экологическая (фундамент национальной) безопасность страны природопользования переходного периода - это проблема не только Министерства экологии и природных ресурсов, а экологический императив, стратегическая основа и цель устойчивого развития всех политических институтов, макро- и микроэкономических субъектов Казахстана:

- институтов власти и управления охраной окружающей Среды и природопользованием;

- субъектов собственности-природопользователей (юридических лиц) ;

- граждан налогоплательщиков (поколений-природопользователей).

Экономические законы рынка и глобализация рыночных интересов страны всегда у политиков на первом плане держат экономический детерминизм выгоды. Но обществу и поколениям граждан нужен экономический рост не как цель, а как средство обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны. На уровне Мирового сообщества понадобилось провести две Всемирные конференции по окружающей среде и развитию (Стокгольм-1972 и Рио-де-Жанейро-1992), начать Европейский процесс и региональные процессы разработки Национальных планов действий в области охраны окружающей Среды для устойчивого развития (НПД ООС\УР), чтобы убедить политиков в том, что экологические ограничения биосферы и требования населения к объектам и субъектам природопользования должны лежать в основе принятия решений и определения стратегии устойчивого развития. В системе ООН подготовлено восемь докладов о развитии человека (1990-1997), в которых доказывается, что экономический рост - не цель, а средство человеческого развития⁸. То есть экологическая безопасность - это естественно-исторический фундамент и стратегическая основа устойчивого экономического и человеческого развития настоящих и будущих поколений стран и регионов природопользования. Тем более эта проблема неотложна для условий и особенностей экологически уязвимого Казахстана с экономикой переходного периода.

Происходящий в Казахстане и поддерживаемый ООН процесс разработки национального плана действий в области охраны окружающей среды (НПД ООС/УР) - это еще пока слабо развитый инструмент интеграции экологических требований объектов и отраслей природопользования страны в общую систему национальной

безопасности⁹. Но в нем пока преобладают узковедомственные, отраслевые и технологические подходы, и очень слабо представлен социальный блок экологических проблем населения даже зон экологического бедствия. И есть угроза, что выделяемые на экологические цели инвестиции могут быть израсходованы социально и экономически неэффективно. По крайней мере большинство проектов не прошло социальной экспертизы, в их выполнении неадекватно остроте проблем вовлекаются социальные работники и нуждающееся в поддержке местное население. А ведь для решения их проблем устойчивого экономического и человеческого развития и запускался национальный и региональный процесс НПД ООС/УР.

Есть угроза, что может повториться печальный опыт кризисных Приаралья и региона Семипалатинского полигона. Дело в том, что экологическую проблему в принципе никогда не смогут решить только экологи, если экологические нормы и требования не станут фундаментом и/или неотложной частью политических действий, экономических, правовых и иных общественных отношений людей и субъектов рынка. То есть проблемы охраны окружающей Среды это не отраслевая, не ведомственная монополия министерства экологии и природных ресурсов на все проекты и их исполнение. Пока еще немногочисленные чиновники этой новой государственной исполнительной структуры (ей всего 10 лет) должны быть (начиная от министра до инспектора) больше других озабочены тем, чтобы (в соответствии с законами) распределить правовую, экономическую и административную ответственность за экологическую безопасность объектов и отраслей природопользования между всеми субъектами хозяйствования и рынка. Без этого невозможно добиться включения проблем охраны окружающей Среды (ООС) в приоритеты экономических и социальных реформ. Тем более не добиться перехода на экологически устойчивое социально-экономическое развитие регионов, не преодолеть экологическое обнищание и не начать оздоровление зон бедствия.

Актуальность проблемы показывает, что процесс разработки НПД ООС для устойчивого развития должен быть поднят до уровня Президента и Национального совета по устойчивому развитию, а экологические приоритеты включены в число неотложных в стратегическом планировании, управлении и контроле. На уровне государства нужно ускорить переход от экологически обезличенной политики и экономики природопользования ради экономического роста (формулы "спрос - выгода") к стратегии устойчивого развития поколений страны природопользования. Экологические платежи субъектов природопользования - устойчивое экономическое и человеческое развитие настоящих и будущих поколений. Такой должна стать формула национальной безопасности и устойчивого развития страны. Экологическая безопасность объектов, отраслей и

регионов природопользования - это основа, условие и фактор обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития поколений общества.

Потому на основе программы стратегических действий (ПСД) правительства и с учетом приоритетов НПД ООС/УР должна быть разработана концепция и стратегия Национальной безопасности и устойчивого развития Республики Казахстан. Она должна стать инструментом стратегически неотложных политических действий по выполнению послания "Казахстан-2030". Главная и неотложная политико-экономическая цель процесса НПД ООС для устойчивого развития и стратегии Национальной безопасности может включать несколько приоритетных аспектов:

- поднять общую экологическую ренту природопользования страны до обязательных 3-4% ВВП;

- определить уровень минимума и оптимума экологических инвестиций для основных отраслей и наиболее важных объектов индустрии природопользования (энергетики, транспорта, промышленности) и системы образования;

- провести функциональное эколого-экономическое зонирование и районирование территории и отраслей природопользования (с выделением национального природно-заповедного фонда, рекреационных и иных зон);

- создать развитую государственную систему экологического информирования, образования, просвещения и воспитания (экологического мониторинга устойчивого развития).

Это фундаментальная, стратегически неотложная цель и задача обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны природопользования с молодой государственностью как субъекта ООН и международного права. Без постепенной и глубокой экологизации политики, экономики и технологии природопользования не остановить экологического обнищания страны и снижение индекса человеческого развития (ИЧР).

4. О концепции и стратегии национальной безопасности и устойчивого развития Казахстана

В аналитической и прогностической работе в Казахстане идет трехсторонний (трехаспектный) процесс: в соответствии со стратегией "Казахстан - 2030" подготовлен первый план действий Правительства до 2000 г.; разработана и представлена мировым донорам стратегия "Экология и природные ресурсы Казахстана", готовится концепция Национальной безопасности. Но сопоставление этих документов со стратегией национальной безопасности и приоритетами устойчивого развития страны показывает, что им не хватает концептуальной согласованности и стратегической взаимосвязки неотложных программ и действий. Эта несогласованность наиболее очевидна по

отношению к проблемам экологической безопасности и устойчивого развития поколений населения. Достаточно сопоставить годовые отчеты ООН о человеческом развитии в Казахстане. За 1995 г. отчет в основном ознакомительный, в следующем сделан акцент на отраслевые структуры и экономику. В отчете за 1997 год предпринята попытка выйти на стратегический анализ проблем, но он ограничен лишь их обзором. Проблемы только обозначены структурно, перечислены по отраслям и регионам. Но не вскрыты глубокие причины кризисных явлений, особенно по социальному блоку. Во всех отчетах экологическая проблема традиционно только констатируется, но не показывается, что ее причины заложены в политике и экономическом механизме ресурсно-сырьевого и монокультурного природопользования Казахстана. И не учитывается генетическая связь качества жизни и уровня человеческого развития с экологическим обнищанием регионов страны.

В общем повторены стратегические ошибки, о которых рассказано выше. Четвертый отчет посвящается роли государства в решении социальных проблем общества переходного периода. Но и в нем на стратегическом уровне, к сожалению, слабо учитывается связь экономического и социального состояния поколений и тем более индекса человеческого развития с экологической обстановкой страны. Мы считаем, что на этапе переходного периода должна быть разработана концепция и стратегия Национальной безопасности и устойчивого развития Республики Казахстан. К сожалению, во многих принимаемых до сих пор и называемых стратегическими документах структур власти и управления преобладает отраслевой, ведомственный, а не общенациональный (не стратегический!) подход к самым неотложным проблемам населения страны. И это противоречит фундаментальным целям и неотложным приоритетам стратегии национальной безопасности "Казахстан-2030".

В структуру предлагаемых фундаментальных политических документов, определяющих и укрепляющих стратегические основы государственности страны природопользования как суверена и субъекта природопользования в системе Мирового сообщества, выделяющих цели и приоритетные направления возрождения и устойчивого развития общества, защищающего интересы безопасности поколений, должны входить следующие разделы (основные проблемные элементы, нуждающиеся в дальнейшей глубокой и всесторонней коллективной разработке):

Введение. Особенности статуса страны природопользования как субъекта ООН и международного права. Место, роль и функция объектов, субъектов и институтов природопользования в развитии страны, а институтов власти и управления в укреплении государственности, обеспечении национальной безопасности и устойчивого развития.

1. Общие положения. В них формулируются стратегические цели, принципы, основные понятия и определения, задачи, структура и приоритеты национальной безопасности и устойчивого развития страны природопользования.

1.1. Естественно-исторические основы национальной безопасности и устойчивого развития (объекты и субъекты, их место, роль и функция в обществе).

1.2. Принципы и механизм стратегического планирования национальной безопасности и устойчивого развития Республики Казахстан.

1.3. Основные понятия и определения концепции национальной безопасности и устойчивого развития.

2. Основы и структура национальной безопасности и устойчивого развития Республики Казахстан.

2.1. Структура и факторы национальной безопасности и угрозы устойчивому развитию.

2.2. Цели и задачи системы национальной безопасности и устойчивого развития.

2.3. Принципы и приоритеты обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития.

3. Институты, задачи и функции системы национальной безопасности и устойчивого развития Республики Казахстан.

3.1. Органы системы национальной безопасности и задачи устойчивого развития.

3.2. Функционирование системы обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития.

3.3. Социальное партнерство и система отбора приоритетов устойчивого развития.

4. Угрозы национальной безопасности и стратегия перехода к устойчивому развитию Республики Казахстан.

4.1. Стратегические цели и приоритеты безопасности и устойчивого развития.

4.2. Основные факторы и угрозы безопасности и устойчивому развитию.

4.3. Состояние и приоритеты обеспечения безопасности и стратегия перехода к устойчивому развитию.

5. Приоритетные направления стратегического планирования устойчивого развития Республики Казахстан.

5.1. Стратегия укрепления государственности и политики устойчивого национального и регионального развития.

5.2. Стратегия экономической безопасности и устойчивого развития.

5.3. Стратегия устойчивого социально-экономического развития.

5.4. Стратегия экологической безопасности и устойчивого развития.

5.5. Стратегия информационной безопасности.

КИТАЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ (взгляд с Запада)

Лаумулин М. Т.

В апреле 1996 г. на Шанхайской встрече глав государств Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Таджикистана была подведена черта под многолетним периодом неопределенности в отношениях между бывшими республиками СССР и Китаем. Этот период включил в себя как годы, предшествующие распаду Советского Союза, так и первые годы существования независимых государств Центральной Азии. Встреча в Шанхае продемонстрировала архаичность унаследованных от эпохи советско-китайской конфронтации взаимных подозрений, территориальных и пограничных споров. Итоговая встреча в Шанхае, по замыслу лидеров пяти государств, должна была снять все взаимные претензии, создать климат доверия и безопасности на всем протяжении бывшей советско-китайской границы и, наконец, закрыть эпоху враждебности и недоверия.

Исторический контекст

Характерно, что предшествующий период наложил своеобразный отпечаток на всю западную литературу, трактующую отношения Китая с Центральной Азией и то влияние, которое он способен оказывать или уже оказывает на геополитическое положение новых государств региона. Современная западная литература, в которой интерпретируется китайский фактор в Центральной Азии, базируется на предшествующей историографии, на которую в свою очередь оказала глубокое влияние обстановка конфронтации между СССР и Западом с одной стороны, и СССР и Китаем - с другой. Большое место в этой историко-политологической литературе занимают сюжеты из истории национально-освободительного движения в Восточном Туркестане (Синьцзяне) и политики Китая по утверждению своей власти в этом регионе. Первые крупные издания по этой проблематике появляются с начала 1950-х гг. Это работы Ф. Прайса и Г. Лиаса, в которых нашли отражение события, связанные с разгромом национально-освободительного движения в Восточной Туркестанской Республике и переселением части казахского населения из Синьцзяна в Индию и Пакистан¹. Западные авторы продолжали отслеживать политику Пекина в западной части КНР после утверждения там коммунистического режима. В работах Дж. Дрейера и С.Э. Уимбуша нашли отражение процессы ассимиляции

адаптации мусульманских меньшинств в Синьцзяне, вопросы культурной автономии и репрессивная политика китайских властей, роль синьцзянского фактора в советско-китайских отношениях². В большинстве исследований 1970-80-х гг. делались прогнозы относительно того, что синьцзянский фактор может приобрести существенное значение для политики Китая и быть опосредованно связан с ситуацией в Советской Средней Азии.

Большое значение имели увидевшие свет в конце 1980-начале 1990-х гг. книги И. Сванберга и Л. Бенсона, носившие обобщающий характер. В них прослежены бурные события 1930-1950-х гг. (создание Восточно-Туркестанской Республики, Илийское восстание 1944-49 гг., борьба казахов под руководством Осман-Батыра против китайского господства и его гибель, эмиграция остатков повстанческой армии в Южную Азию и Турцию), а также эволюция традиционного казахского общества в Китае в 1950-80-е гг.³ Выводы, которые можно сделать после знакомства с данными исследованиями, далеко неоднозначны. Политическое и стратегическое господство Китая в регионе - реальность, с которой нельзя не считаться, прогнозируя дальнейшую эволюцию политической ситуации в СУАР. Однако с другой стороны, модернизация, которую проводили китайские коммунисты в регионе, начиная с эпохи "большого скачка", не была столь эффективной как советская модель в Средней Азии. Традиционное исламское общество в Синьцзяне продолжает сохранять свою идентичность, сопротивляясь ассимиляции ханьским Китаем. В первую очередь, этот тезис применим к сохраняющему свою архаичную структуру традиционному казахскому обществу, которое выглядит все более диссонирующим с проводимыми с начала 1980-х гг. реформами в самом Китае и СУАР. Западные авторы, которые анализировали ситуацию в регионе до распада СССР, не рискнули делать прогнозы относительно уровня и разрешения противоречий между политикой Китая и сопротивлением ей со стороны тюрко-мусульманских народностей СУАР.

Образование независимых государств в Центральной Азии радикально изменило геополитическую ситуацию в регионе и соответствующим образом повлияло на тональность и характер западной политологической литературы, посвященной внешнеполитическим приоритетам этих государств и влиянию китайского фактора. В этих исследованиях достаточно прозрачно выявляется озабоченность Запада перспективами китайско-центральноазиатских отношений. Интерес западных авторов сфокусирован на таких главных, с их точки зрения, проблемах, определяющих будущее этих отношений: потенциальная угроза Центральной Азии со стороны Китая, угроза тюркского сепаратизма Китаю и влияние центральноазиатского фактора; судьба Центральной

Азии между Россией и Китаем; роль экономических и демографических процессов в китайско-центральноазиатских отношениях.

Современная западная политология о китайском факторе в Центральной Азии

Первой работой, где было концептуально сформулировано западное видение изменившейся геополитической ситуации в Центральной Азии, была книга Г. Фуллера "Центральная Азия: новая геополитика" (1992). Следует отметить, что Фуллер (представлявший РЭН Корпорейшн) озвучил в своей книге мысли и идеи, которые непосредственно возникли после крушения Советского Союза в 1991 г., когда на фоне соседнего гигантского Китая на политической карте возникли сравнительно небольшие государства Центральной Азии.

В отношении будущего казахстанско-китайских отношений Фуллер в своей работе однозначен: Китай, безусловно, представляет потенциальную угрозу Казахстану. В пользу этого говорит также главный фактор как размеры КНР и ее колоссальное количество населения. Кроме того, Пекин проводит колониальную политику в отношении тюркских меньшинств, включая казахов, имеющую целью уничтожить их культурную самобытность и ассимилировать в ханьском населении. Общеизвестно, что именно мусульманские народы с трудом поддаются ассимиляции, что еще больше усиливает давление со стороны китайских властей в Синьцзяне.

Но как отражается этот фактор во внешней политике независимого Казахстана? Здесь Фуллер вступает в область предположений. Он утверждает, что правительство Казахстана не может игнорировать казахское население в Китае, поскольку это ощутимый этнический резерв, который может существенно изменить национальный баланс в республике⁴. Китайское правительство, вероятно, было бы счастливым избавиться свои пограничные земли от неханьских народов, заинтересовано в сделке с Алма-Атой по репатриации китайских казахов. В противном случае в Алма-Ате будут заинтересованы судьбе казахского населения Синьцзяна и могут пойти даже в поддержку их политического сопротивления и сделать то же самое в отношении уйгуров.

В любом случае отношения с Китаем станут ключевым элементом во внешней политике Казахстана. Он может играть большую роль в отношениях между Китаем и Россией. Здесь вероятны, как считает Фуллер, два сценария. В первом случае у России и Китая возникнут хорошие отношения; тогда Казахстан будет вынужден проводить сдержанную этническую политику в отношении России и русских. В другом случае, если китайско-российские отношения ухудшатся, то Россия будет поддерживать Казахстан в его этнической игре

Синьцзяне. Но в любом случае в будущем будет иметь место всплеск этнического сепаратизма в СУАР, и Алма-Ате придется быть вовлеченной в эти события и оказывать влияние на этот процесс⁵.

Дж. Гинсбург (Рутгерский университет, США) посвятил пограничной проблеме между Китаем и СССР и его наследниками обширное исследование (1992). Помимо исторической части, где прослежены все территориальные, пограничные, договорные и дипломатические аспекты раздела Центральной Азии между Российской империей и Китаем, Гинсбург пытается выяснить, какие далеко идущие последствия территориальная проблема может иметь для новых независимых государств региона. Гинсбург заключает, что, во-первых, способы урегулирования пограничных вопросов на Дальнем Востоке и в Центральной Азии существенно отличаются как по политическим, так и по географическим причинам; в Центральной Азии это сделать сложнее, и здесь более сильная сторона (Китай) может диктовать свои условия. Во-вторых, с точки зрения международного права КНР выдвигала претензии к СССР, которого уже нет; к своим новым соседям Пекин не может подходить с критериями прошлого. В-третьих, особенности внешнеполитической концепции Пекина таковы, что исходя из своеобразно (культурно, исторически, расово) понимаемой солидарности со своими азиатскими соседями Китай может пожертвовать прежними территориальными амбициями ради новой роли - патрона, или старшего брата "бедствующих кузенов" из Центральной Азии. В-четвертых, и главное: Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан не смогут эффективно, в одиночку или вместе, сопротивляться китайскому ультиматуму в отношении изменения границ в пользу КНР, если таковой будет когда-нибудь иметь место⁶. Таким образом, как можно понять из выводов Гинсбурга, на территориально-пограничную проблему в регионе будет вечно падать тень могущественного соседа.

Однако комплекс китайско-центральноазиатских отношений включает в себя не только политические, но и экономические проблемы. Американские авторы Ч. Анделенд и Н. Платт ставят во главу угла этих отношений именно экономический фактор. Они утверждают, что Китай вступил в центральноазиатскую игру при неблагоприятных для него условиях, унаследованных от прошлого. Они включали в себя, согласно этим авторам, три элемента: 1) десятилетия китайско-советского антагонизма, которые оставили после себя страх перед Китаем; 2) политика испытаний ядерного оружия в Синьцзяне вблизи от границ с Центральной Азией; 3) опасения Китая в отношении пантюркистского и исламского сепаратизма в СУАР⁷. Но дебют КНР в новых государствах был впечатляющим: в 1992 г. только с Казахстаном торговый оборот достиг полмиллиарда долларов. Но, начиная с 1993 г. динамика торговых отношений Китая с Центральной Азией начала однозначно указывать на их падение.

Это заставило пекинских лидеров пересмотреть свою тактику в отношении региона, и в 1994 г. премьер Госсовета Ли Пэн посетил четыре республики Центральной Азии. Ставка делалась на пересмотр экономической политики в пользу качества товаров при неизбежном уменьшении объемов товарооборота; более контролируемым стало передвижение людей и товаров через границы, которое также проявило тенденцию к уменьшению. В целом, геополитическая картина с участием Китая достаточно запутана: в Казахстане действуют уйгурские националисты, Ташкент и Алматы не имеют общей концепции поведения с восточным соседом. Но, заключают эти авторы, именно Китай способен в будущем составить серьезную альтернативу доминированию России в регионе. Стратегия Китая в отношении Центральной Азии будет заключаться в постепенном, но неуклонном наращивании экономических связей, а за углублением экономического влияния неизбежно последует политическое⁸.

Но у некоторых авторов в подходе к анализу отношений Китая с Казахстаном доминирует этнический фактор. Например, Р.Дж. Кайзер (Миссурийский университет, США) считает, что иммиграционный поток казахов из Китая способен существенно изменить этно-демографическую ситуацию в республике. По его данным⁹ первая волна казахской эмиграции после независимости или реэмиграции, из Синьцзяна в Казахстан в 1991-92 гг. насчитывала 60.000 чел. Они добиваются принятия иммиграционного закона предусматривающего свободный въезд всех казахов в Казахстан финансовой поддержки казахам, желающим репатриироваться из Китая и введения системы квот для иммигрантов других национальностей.

Разумеется, что к любым количественным данным, приводимым западными авторами, следует относиться с большой долей скептицизма. Они пользуются зачастую непроверенными данными или же преследуют цели, не совпадающие с научной объективностью. Однако в некоторых случаях определенные авторы демонстрируют хорошую политическую прозорливость. Так, в одном из исследований М.Олкотт (Колгейтский университет, США) предостерегала политиков Казахстана от какого-либо поощрения уйгурского национализма, который может принести вред интересам Казахстана. Во-первых, это может осложнить отношения с Китаем; во-вторых, претензии авторов "Уйгуристана" распространяются и на территорию Казахстана¹⁰.

Английский ученый Р.Данройтер (Эдинбургский университет) не стал исключением среди тех авторов, которые пишут о центральноазиатско-китайских отношениях в духе взаимных опасений обеих сторон: Китай опасается распространения тюркского и мусульманского национализма на своих территориях, а молодые государства региона испытывают страх перед растущей мощью

Поднебесной. Этот автор пишет даже, что "страх от близости китайской границы становится паранойей"¹¹. На его взгляд, это было главной причиной, почему Назарбаев старался удержать ядерное оружие.

Однако реальность состоит в том, что китайская стратегия в отношении Центральной Азии, если таковая концептуально существует, направлена на усиление экономического присутствия КНР на рынках бывших республик Союза ССР. Данройтер приводит следующие данные: в 1992 г. 56% казахстанского импорта было ввезено из Китая, общий торговый оборот между двумя странами составил 1,2 млрд. долларов¹². Данройтер считает также, что КНР сочетает экономическое проникновение в Казахстан с демографическим. К сожалению, этот автор пользуется в данном случае совершенно непроверенными данными, говоря о 300 тысячах китайских поселенцев в Казахстане¹³. Об этой угрозе можно рассуждать пока только гипотетически, но для Восточного Туркестана (СУАР) массированная ханьская колонизация уже стала реальностью. Такая политика Пекина сможет легко подтолкнуть Центральную Азию в объятия России, которая пока способна обеспечить стратегическую защиту своих бывших братьев по Союзу. В конечном счете определение роли Китая в Центральной Азии будет зависеть от ряда непредсказуемых факторов, которые могут включать в себя процессы либерализации внутри КНР, эволюцию российско-китайских отношений, в результате чего регион может стать жертвой в борьбе держав за преобладание в нем. Но в любом случае Китай не может быть игнорирован; с его быстрорастущей и динамичной экономикой он "может стать как величайшей угрозой безопасности молодым государствам Центральной Азии, так и их величайшей надеждой на будущее"¹⁴.

Некоторые ученые прогнозируют создание в Азии еще одной экономической субрегиональной организации. Так, американо-пакистанский исследователь Х.Малик прогнозирует образование нового экономического союза, в который могли бы войти наряду с центральноазиатскими государствами Иран, Афганистан, Кашмир, Пакистан и Синьцзян. Естественно, что движущей силой такого экономического союза, по мнению Малика, должен стать многолетний опыт китайско-пакистанского сотрудничества. Этот автор считает, что фундаментом новой экономической системы может быть железнодорожная сеть, соединившая бы Каспийское море с Синьцзяном, а последний - с Карачи. Синьцзян остается под юрисдикцией Китая, но экономически вовлекается в новое сообщество. В конечном счете, Кашгару уготована роль крупнейшего транспортного и коммуникационного узла, связывающего Пакистан, Афганистан и Центральную Азию¹⁵.

Цитировавшийся выше Г.Фуллер считает, что до интеграционных процессов в этой части Азии еще далеко. В настоящее время он переживает период распада "империй" многонациональных государств. Это уже произошло с Советским Союзом и Афганистаном (последний рассматривается как небольшая "пуштунская империя" на очереди - Индия и Китай. В отношении КНР Фуллер даже точно указывает, когда произойдет распад ее империи в Центральной (то есть внутренней) Азии: это случится непосредственно после и одновременно с падением коммунистического режима. К несчастью отмечает американский аналитик, все эти процессы не могут затронуть новые центральноазиатские государства, которые становятся заложниками своего геополитического положения между Россией, Китаем и Индией¹⁶.

Р.Мунро (Институт исследований внешней политики, США) посвятил специальное исследование отношения между Китаем и Центральной Азией. Он считает, что эти отношения находятся под воздействием двух крупнейших исторических процессов происходящих в Евразии: распадом российской и советской коммунистической империи; быстрым ростом экономической и военной мощи Китая. И если первое событие подвергается сомнению как свершившаяся реальность и дискутируется, то значение второго не может быть подвергнуто сомнению: Китай превращается в основную силу в регионе. Мунро прослеживает эволюцию китайской политики в отношении Центральной Азии; он отмечает, что на первых порах она носила пассивный характер, ее основной задачей было остановить нестабильность, которая могла бы перекинуться из Советской Средней Азии в Китайский Туркестан. В русле этой политики китайские средства массовой информации вели до весны 1992 г. наступление против "раскольников" и "сепаратистов". В это время синьцзянские власти открыто выражали озабоченность возможными последствиями распада СССР и принимали меры к усилению границы с Советской Средней Азией¹⁷.

Эти меры были также продиктованы внутренними событиями: восстанием студентов в 1989 г. и нарастающим недовольством мусульманского населения в Синьцзяне в период с 1989 по 1991 г. Мунро утверждает также, что в это время имели место несколько серьезных волнений среди не китайского населения провинции. Китайские власти сделали самые серьезные выводы относительно разрушительного потенциала этих процессов. С другой стороны китайцы достаточно трезво отнеслись к различным прогнозам спекуляциям, циркулировавшим в 1991-92 гг. и утверждавшим, что волна нестабильности уже готова переклестнуть через границу обрушиться на Синьцзян.

Этот автор внимательно следил за прессой СУАР этих лет и обратил внимание, что акценты переместились в первой половине 1992 г. Если раньше в прессе доминировали сообщения, посвященные волнениям и созданию милиции, а также клеймившие сепаратистов, то в дальнейшем их место заняли новости, освещавшие ход экономических реформ и бурный рост торговли с центральноазиатскими государствами¹⁸. Эти изменения отражали новые (более консервативные) настроения в высших политических кругах КНР. Однако, утверждает Мунро, у китайских властей были более серьезные основания оставаться спокойными перед лицом растущего сепаратизма и его возможной поддержки из бывшей советской Центральной Азии. Во-первых, Пекин ясно дал понять, что не остановится перед применением силы в случае ярко выраженного сепаратизма на этнической почве. Во-вторых, власти взяли под контроль наиболее активных участников сепаратистских движений, одновременно активизировав свою национальную политику: стали более строго соблюдаться квоты, выделяемые представителям неханьских национальностей для получения высшего образования, участия в местных органах власти и т.д. В-третьих, и это самое важное, с декабря 1991 г. Китай начал осуществлять массовое переселение крестьян и сельскохозяйственных рабочих в районы, пограничные с Казахстаном и Киргизией. Мунро считает, что это позволило Китаю стабилизировать ситуацию и удержать контроль над регионом, где преобладало неханьское население¹⁹.

В 1992 г. китайские лидеры с удовлетворением констатировали, что ни пантюркизм, ни ислам не являются движущей силой в политическом развитии Центральной Азии. Особые опасения у китайского руководства вызывала возможность проникновения воинствующего ислама. Эта проблема была тесно связана с китайско-иранскими и китайско-пакистанскими отношениями, которым Пекин придавал особое значение. Китайское руководство убедилось, что ярко выраженные исламские настроения, подогреваемые фундаменталистским режимом в Тегеране и правящей в Пакистане партией Джамна-и Ислами, не нашли понимания у правящих элит в новых центральноазиатских государствах. Более существенное беспокойство у Китая вызывала политика Турции и провоцируемые ею пантюркистские настроения. Длительное время в Китае были убеждены, что Турция стремится создать на территории КНР независимое тюркское государство (эта убежденность базировалась на таких фактах, как пребывание тюркских националистов в Турции и покровительство им со стороны официальной Анкары). Эти опасения еще более усилились после установления тесных отношений между Турцией и новыми тюркскими государствами Центральной Азии и Кавказа с ярко выраженным акцентом на общетюркское

единство²⁰. Отвлекаясь от рассуждений Мунро, можно также добавить, что Пекин видел в Турции проводника западной стратегии в регионе, направленной в целом на отстаивание интересов Запада.

Но оставалась другая область отношений между КНР и Центральной Азией, где они успешно и динамично развивались. Это была пограничная торговля и экономическое сотрудничество. В 1989-91 гг. китайские власти в Синьцзяне медленно, но упорно стимулировали торговые отношения с центральноазиатскими республиками. Мунро отмечает, что после 1991 г. Китай получил возможность строить свои отношения непосредственно с республиками и столкнулся с необходимостью сформулировать свою политику в отношении этих государств. Была найдена формула, устраивавшая обе стороны: Китай и его партнеры в Центральной Азии признали, что долгосрочная стабильность и экономическое развитие в целом отвечают интересам всех сторон и является той основой, на которой будет строиться сотрудничество этих стран. Центральное правительство в Пекине благосклонно отнеслось к активности синьцзянских властей, и чтобы поощрить их, в сентябре 1992 г. Премьер Госсовета Ли Пэн открыл большую торговую ярмарку в Урумчи. Это событие, сообщает Мунро, привлекло десять тысяч предпринимателей из тридцати восьми стран, но его главным содержанием были перспективы развития экономических связей между СУАР и центральноазиатскими государствами²¹. Одной из причин растущей активности гонконгского и тайваньского капитала в Синьцзяне, считает этот исследователь, является его близость потенциально богатейшему региону - Центральной Азии. Насколько перспективен этот регион для Китая и его быстрорастущей экономики продемонстрировали отношения КНР с Казахстаном и Киргизией в 1991-1993 гг. Несмотря на недостаток источников и неполную статистику, совершенно очевидно, что торговые отношения Казахстана резко увеличились уже к началу 1992 г. Согласно агентству Синьхуа, внешняя торговля Синьцзяна в 1992 г. превышала 500 млн. долл. Только торговля по официальным каналам экспорта и импорта дала прирост на 130%, т.е. сумму свыше 300 млн. долл. Основная доля в торговле с Китаем принадлежала Казахстану, который покрыл свои потребности в потребительских товарах в 1992 г. более чем на 50% импортом из КНР. Мунро сравнивает китайско-казахстанские экономические связи с торговлей с Турцией, уровень которых превысил торговый баланс Турции во всех пяти республиках региона. Китайский кредит для казахстанского импорта был весьма незначителен (30 млн. долл.); все остальное покрывалось экспортом из Казахстана промышленных изделий, металлов и сырья.

В эти годы бурного развития казахстанско-китайских экономических отношений агентство Синьхуа, пишет Мунро, постоянно сообщало об открытии сети китайских магазинов в республике; к апрелю 1993

в Казахстане было создано 150 совместных предприятий. Большое значение имело открытие в июне 1992 г. прямого железнодорожного сообщения Алматы - Урумчи, строительство которого началось в 1956 г. Это способствовало, делает вывод Мунро, развитию туристического бизнеса (так называемые шопперы). В 1992 г. в Синьцзяне побывало 230 000 мелких торговцев, из них 90 процентов приехали из центральноазиатских государств (в 1991 г. 100 000). Но этот исследователь обращает внимание еще на один аспект двусторонних отношений: сотни китайских технических специалистов нашли работу на казахстанских предприятиях, заменив покидающих республику русскоязычных специалистов. Учитывая тот факт, что Китай располагает прекрасными технологиями в сельском хозяйстве, некоторых отраслях обрабатывающей промышленности и развитии инфраструктуры, Мунро прогнозирует в перспективе массированное вторжение в Центральную Азию специалистов из Китая. Кроме того, Китай мог бы содействовать процессу приватизации и переходу к рыночной экономике. Однако этот прогноз американского политолога не осуществился²².

Далее Мунро анализирует казахстанско-китайские политические отношения. Их интенсивному развитию способствовало установление контактов на высоком правительственном уровне, начиная с визита премьер-министра Терещенко в Пекин в феврале 1992 г. Другим важным фактором, который однако не освещался в прессе, была ситуация вокруг синьцзянских казахов. Мунро утверждает, опираясь на собственные источники, что как минимум 30 000 китайских казахов переселились в Казахстан. В этом были заинтересованы китайские власти, чтобы увеличить вес ханьского населения в СУАР, а также руководство Казахстана, чтобы увеличить вес этнических казахов в республике²³.

В исследовании Мунро также освещаются отношения между КНР и другими государствами Центральной Азии. Из всех внешнеэкономических партнеров Кыргызстана наибольшим весом обладает Китай. К концу века, считает Мунро, Китай будет, безусловно, доминировать в экономике этой республики. В 1992 г. Пекин выделил Кыргызстану кредит в размере 5,7 млн. долл. с перспективой на увеличение в последующие годы. В Нарыне была создана свободная торговая зона, а Бишкек во все большей степени становится подвержен китайскому экономическому влиянию. Кыргызстан экспортирует и реэкспортирует из других частей СНГ прокатную сталь, цветные металлы (в первую очередь - медь), минеральное сырье и электроэнергию. Со своей стороны, китайские предприятия наводнили республику своей продукцией: одеждой, пищевыми продуктами и электрическими приборами. В августе 1992 г. Китай выступил с инициативой о совместной эксплуатации четырех рек, которые начинаются в Синьцзяне и продолжаются в Кыргызстане. В 1993 г.

было подписано соглашение по реке Хоргос и ее совместном использовании для ирригации, получения гидроэлектроэнергии и навигации. Это соглашение имело не только экономическое значение пишет Мунро, но и политический подтекст. Поскольку вода в регионе имеет жизненное значение для всех республик и угроза острой противоречий между теми, кто контролирует истоки рек, и теми, кто пользуется нижним течением, всегда потенциально высока, то Китай подписав это соглашение, вовлекался в будущие конфликты между Казахстаном и Кыргызстаном с одной стороны и Узбекистаном - другой²⁴.

Отношения между Китаем и Таджикистаном вследствие гражданской войны в последнем развивались не так динамично, как с другими республиками. КНР выделила кредит в юанях эквивалентный 5 млн. долл., для закупки продовольствия, потребительских товаров и оказала гуманитарную помощь в размере полмиллиона долларов. Из десяти подписанных Китаем и Таджикистаном соглашений перспективу имеют те, которые касаются развития текстильной промышленности на базе совместных с КНР предприятий и экспорта таджикского хлопка в Китай.

Отношения Китая с Узбекистаном с самого начала приняла специфический характер, поскольку Каримов с самого начала независимости провозгласил, что намерен следовать "китайской модели", то есть осуществить быстрый экономический рост с сохранением авторитарной политической структуры. Уже в марте 1992 г. Каримов подписал в Пекине четырнадцать соглашений, том числе рамочное соглашение по научному и техническому сотрудничеству. Таким образом, Узбекистан сразу начал ориентироваться не на импорт из Китая потребительских товаров, на создание прочной базы для экономического сотрудничества на основе совместных предприятий и получения китайских технологий. Этому способствовали такие акции как соглашение об области побратимов: Ташкентской и провинции Хунань (Нипан), которое предусматривает создание сети совместных предприятий в столичной области Узбекистана. К концу 1992 г. Китай стал самым крупным торговым партнером Узбекистана вне СНГ.

Небольшой спектр китайско-туркменских отношений выделяет одним аспектом: амбициозным проектом, о котором договорились в конце 1992 г. президент Ниязов, японская корпорация Мицубиси, Национальная нефтяная компания Китая о возможном строительстве газопровода из Туркменистана для поставок газа через Китай в Японию. Подобные проекты касаются другой важной теме возрождения Великого Шелкового пути. Как предполагает Мунро, Китае очень серьезно относятся к идее возрождения торговых путей через Центральную Азию. Пекин видит реализацию этой идеи в создании современных железнодорожных и автомобильных путей

которые свяжут Китай через Центральную Азию, Иран и Средний Восток с мировыми рынками. Новый шелковый путь, если бы он соединил Китай с Европой и Персидским заливом, имел бы колоссальные стратегические последствия, сравнимые с созданием Суэцкого и Панамского каналов.

С этой проблемой тесно связана тема строительства будущих нефтепроводов, принявшая, как считает Мунро, спекулятивный характер. Однако не вызывает сомнений, что Китай, ставший к началу 1994 г. чистым импортером нефти, вынужден искать новые источники энергоресурсов для своей быстрорастущей экономики. Один из них - развитие нефтедобычи в Синьцзяне. С этой точки зрения, проект нефтепровода, который соединил бы Центральную Азию с Китаем и странами АТР, не представляется совсем нереальным. Этот проект мог бы быть осуществлен только "Великим Китаем" (то есть всей совокупной экономической мощью КНР, Тайваня и Гонконга) в сотрудничестве с Южной Кореей и Японией. Прогнозируя развитие стратегической ситуации вокруг Центральной Азии, Мунро приходит к выводу, что Китай и государства региона имеют общие интересы по преодолению изоляции, уменьшению чрезмерного влияния России и зависимости от нее, развитию экономических связей. Но с другой стороны, несмотря на глубокую антипатию к Китаю в некоторых политических кругах России, обе страны будут стремиться избегать конфронтации в какой-либо форме из-за Центральной Азии, а китайско-российское сотрудничество может принять ярко выраженный военный характер при признании лидирующей роли России в регионе. Для Мунро не вызывает сомнений, что в будущем Китай намерен серьезно утвердить свое экономическое влияние в регионе, особенно в Кыргызстане и Казахстане даже в том случае, если не будет реализован проект нового Шелкового пути. Только массивные инвестиции со стороны США, Турции, Ирана и арабских стран по созданию нефтяного комплекса, ориентированного на Запад и Ближний Восток, способны поставить заслон на пути экономических и политических амбиций Китая²⁵. С этим выводом Мунро трудно не согласиться.

Синьцзян в геополитической стратегии Китая

Невозможно прогнозировать и реально оценивать перспективы отношений Китая и Центральной Азии без анализа ситуации в Синьцзяне, места этой провинции КНР в китайской и международной экономике. Этому вопросу посвящена статья американской исследовательницы Г.Кристофферсен "Синьцзян и Великое Исламское кольцо", где она анализирует взаимосвязь международных процессов с региональным экономическим планированием в КНР. Кристофферсен исходит из того, что современная теория модернизации не может дать полного объяснения характера и сути модернизации

Синьцзян и его интеграции с собственно Китаем. Регион пережил три волны модернизации: во время Большого скачка, культурной революции и последнюю, которая связана с реформами 1980-х гг. В ходе последних приоритет при планировании экономического развития всегда отдавался прибрежным провинциям, и только в Восьмом пятилетнем плане (1991-95) Синьцзян получил приоритетный статус. Китайские экономисты-реформаторы считают, что это связано с планами превратить Синьцзян в стартовую площадку для китайского проникновения в Центральную Азию и на Средний Восток. Однако Кристофферсен считает, что Синьцзян переживает более сложные процессы, ведущие к его интеграции в новые международные экономические структуры. Как известно, экономическая стратегия КНР строилась на преимущественном развитии прибрежных провинций и их интеграции в АТР (так называемое Великое международное кольцо). В конце 1980-х гг. китайская стратегия начала переориентироваться на новые объекты: так называемое Северо-восточное азиатское кольцо (Дальний Восток России, Япония, Корея) и Великое Исламское кольцо (Центральная Азия, Средний Восток). Учитывая, что уже создано Южно-китайское экономическое кольцо (Гонконг, Тайвань и провинции Фуцзянь, Гуандун), можно утверждать, что КНР осуществляет вокруг своих границ создание связанных с собой и подчиненных своему экономическому влиянию зон²⁶.

В экономической и внешнеэкономической стратегии Китая Синьцзян занимает все более заметное место. Для этого регион предложена формула "двойной открытости" - внутренней и внешней. Это означает, что СУАР продолжает оставаться поставщиком сырья для прибрежных районов; но с другой стороны, он вовлекается в экономические связи с Центральной Азией и через нее, по замыслу китайских стратегов, с Великим Исламским кольцом. Новая экономическая доктрина, направленная на устранение дисбаланса развития прибрежных и внутренних районов, была отчетливо сформулирована уже весной 1988 г. на сессии Народного Собрания. Специалисты отмечали несоответствие между потенциальными ресурсами Синьцзяна и степенью его индустриализации. Так, СУАР производил 4% всей нефти Китая, в то время как в регионе находится треть всех разведанных запасов нефти и газа. Помимо этого, Синьцзяне разведаны 115 видов минеральных ресурсов (из 14 известных в КНР). Кристофферсен считает, что центральные власти в Пекине, озабоченные проблемой интеграции региона в общекитайскую экономику, все же больше обеспокоены политической стороной, а не финансовой. Однако китайское руководство подтвердило в апреле 1990 г. свое намерение бороться с сепаратизмом. Кристофферсен пишет, что тогда части НОАК силой подавили волнения на этнической почве в Кашгаре, что повлекло многочисленные жертвы. Западные

источники утверждают, что исламские сепаратисты в Синьцзяне получали поддержку от своих единомышленников в Советской Средней Азии²⁷.

Экономическое развитие Синьцзяна тесно связано с перспективами разработки энергоресурсов. Кристофферсен ссылается на доклад Синьцзянского Информационного института науки и технологии, опубликованный в 1983 г. В докладе делается вывод, что нефтедобыча в регионе не была выгодна Синьцзяну. Рафинирующие мощности в регионе развиты явно недостаточно (из 4 млн. тонн нефти регион мог перерабатывать только 1,4-1,5 млн. тонн в 1980 г.); отсутствие трубопровода заставило перевозить нефть в железнодорожных цистернах; остается острая необходимость в развитии химической промышленности. Кроме того, происходит истощение ранее разведанных запасов: например, соотношение разведанной нефти к добываемой на главном месторождении Карамай изменилось с 57:1 в 1950 г. до 15:1. Таким образом, назрела острая необходимость в финансировании крупных геологоразведочных проектов. Энергетическая неразвитость региона подтверждалась потребительской статистикой: если в 1979 г. на одного жителя Шанхая приходилось в год 700 кг. условного топлива, то житель Синьцзяна потреблял 242 кг. К 1989 г. после десятилетия реформ ситуация с потреблением энергии в регионе мало изменилась (337 кг. на душу населения). Однако в 1989 г. регион имел положительный баланс внешней торговли при импорте 125,4 млн. долл. и экспорте 360,9 млн. долл. С этого времени синьцзянские реформаторы сделали ставку на развитие внешней торговли, где этот регион должен занять место в системе нового Шелкового пути, соединив Великое исламское кольцо с остальным Китаем.

Механизм экономической интеграции СУАР с Центральной Азией был заложен еще до исчезновения СССР. В 1989 г. торговля Синьцзяна с Советским Союзом достигла 118,5 млн. долл. Это стало возможным благодаря визиту в 1987 г. делегации Казахстана в Урумчи, в ходе которого китайская сторона предложила расширить сотрудничество; уже позднее с советской стороны были предложены на рассмотрение 29 промышленных и сельскохозяйственных проектов. Большое значение имело открытие в 1990 г. прямого железнодорожного сообщения с Урумчи, которое позволило перевозить до 10 млн. тонн грузов ежегодно. Все связывали с этой железной дорогой надежды, пишет Кристофферсен: Москва видела в ней возможность улучшить свое стратегическое положение; реформисты в Урумчи и Пекине считали дорогу ключевым элементом в развитии инфраструктуры региона и его экономики, а для мусульман Синьцзяна она стала окном в Великое исламское кольцо: возможностью осуществлять визиты к родственникам, совершать хадж и вести приграничную торговлю²⁸.

Однако далеко не все благополучно выглядело в этой ситуации Пекина. С одной стороны, подписание Соглашения о сотрудничестве между китайскими провинциями и советскими республиками областями и районами было важным шагом в развитии внешнеэкономической экспансии пограничных провинций КНР. С другой стороны, именно в 1988-89 гг. центральное руководство КНР впервые серьезно задумалось о преодолении дисбаланса в уровне развития прибрежных и западных районов, поскольку слаборазвитые регионы Китая, в первую очередь СУАР, могли легко попасть в зависимость от более развитой экономики СССР (как это имело место в 1930-40-е гг.). Как считает Кристофферсен, именно эти соображения подтолкнули Пекин к повороту в его политике по преодолению отсталости Синьцзяна.

Решающую роль в пересмотре позиции Пекина в отношении устранения дисбаланса в экономическом положении западных областей сыграл нефтяной фактор. В конце 1980-х гг. крупные нефтяные концерны, такие как Эксон и Мобил, следуя проводимой Китаем политике открытых дверей, начали проявлять активный интерес к разработке нефтяных месторождений в Тариме. Кризис Персидском заливе только усилил интерес западных компаний. Однако им пришлось столкнуться с сильным противодействием Китайской государственной нефтяной компании, которая усилила лоббировала свои интересы через центральное правительство. Главными аргументами были утверждения, что Китай уже нуждается в западных технологиях нефтедобычи, что уже доказано на опыте разработки месторождений нефти в Южно-Китайском море. Дефицит бюджета не позволит оплачивать западную технологическую помощь. Решающим аргументом стали соображения о том, что развитие энергоресурсов в Синьцзяне позволит ускорить модернизацию этого региона, что нашло отражение в 8-м пятилетнем плане (1991-95 гг.). С начала 1990-х гг. интерес западных нефтяных компаний окончательно переместился в сторону разработки месторождений в бывшем Советском Союзе. Таким образом, в любом случае Китай сталкивался с необходимостью самостоятельно разрабатывать синьцзянскую нефть. Исключением было соглашение от 1991 г. по сотрудничеству с Японской Национальной нефтяной компанией. Но главное, что в эти годы было достигнуто решение разделе будущих доходов от нефти между центром и регионом, строительстве нефтепровода к тихоокеанскому побережью КНР и зафиксирован приоритетный статус СУАР в региональной политике страны.

Таким образом, китайская стратегия "Великих международных колец" направлена на усиление роли Китая, или его пограничных регионов, во внешней интеграции с целью их стабилизации и усиления экономической мощи и влияния КНР. Одним из элементов

стратегии является вхождение Синьцзяна в "Великое исламское кольцо" с перспективой экономического прорыва в Центральную Азию и на мусульманский Средний Восток. Однако в Пекине существуют опасения насчет потери контроля над этим регионом. Для удержания китайского контроля служит политика "двойной открытости" и практические шаги по преодолению отсталости региона. Однако, считает Кристофферсен, учитывая ограниченные возможности центра по модернизации периферийных областей, еще рано утверждать, что Пекин сможет довести до конца процесс модернизации Синьцзяна и его интеграции с ханьским Китаем. Это тот самый регион, где влияние международных факторов может поставить предел в реализации стратегических планов центра²⁹. В другой статье, посвященной китайской стратегии в отношении российского Дальнего Востока, Кристофферсен открыто пишет, что "Пекин был вынужден под давлением международных нефтяных компаний усилить свой контроль над Синьцзяном"³⁰.

Как считает Л. Харрис, одним из мощнейших средств контролировать регион является массивная ханьская иммиграция. Число ханьского населения в СУАР выросло с 300.000 в 1949 г. до 6 млн. в начале 1990-х гг.³¹

Некоторые авторы не полностью согласны с Г. Кристофферсен, которая, на их взгляд, слишком оптимистично оценивает возможности экономической интеграции Центральной Азии и СУАР. Так, Г. Уокер утверждает, что ряд объективных причин резко суживает базу для сотрудничества двух регионов: неразвитая транспортная сеть и необходимость слишком больших инвестиций в эту сферу; недостаток валютных средств с обеих сторон; полная неясность в отношении перспектив экономических реформ в Центральной Азии³²; растущие таможенные барьеры на пути экспорта сырья из Центральной Азии; неудовлетворительное качество китайских товаров, идущих на экспорт в Центральную Азию. Этот автор подвергает сомнению также распространенную на Западе версию, что Китай использует незаконную иммиграцию китайцев в государства региона в качестве одного из способов достичь своей главной цели - "ненасильственного поглощения" региона³³.

Итак, совершенно очевидно, что судьба Синьцзяна и отношений между КНР и Центральной Азией зависит от более глубоких процессов, вытекающих из всего экономического развития Китая, его политики в области безопасности, его роли в АТР и отношений с индустриальным миром. В этой ситуации невозможно серьезно изучать влияние Китая на соседние регионы без учета его военно-политической мощи и стратегических планов. В последних западных аналитических исследованиях эта тема исследуется чрезвычайно пристально.

Военно-стратегические аспекты современной политики Китая

Нефтяные интересы Китая не ограничиваются только Синьцзяном. В этом смысле нефтяной потенциал СУАР для китайских стратегов имеет значение в долгосрочной перспективе. Более существенное значение для КНР имеет судьба нефтеносного шельфа в Южно-Китайском море. В этом регионе интересы Китая сталкиваются с намерениями других государств ЮВА разрабатывать эти месторождения. Любопытны методы, к которым прибегает Пекин в споре из-за островов Спратли с Филиппинами, своим главным оппонентом. Изучение этих методов позволит спрогнозировать поведение Китая в схожей ситуации в отношении других соседей. Так, последний кризис вокруг островов разразился в январе-апреле 1995 г. Тогда Пекин прибег к демонстрации силы с помощью своих ВМФ³⁴. В марте того же года тайваньская артиллерия открыла огонь по вьетнамскому судну. Таким образом, оба Китая континентальный и островной - готовы силой отстаивать принадлежность этих нефтеносных районов к "Великому Китаю". Характерно, что если другие страны претендуют на острова архипелага Спратли частично, то КНР и Тайвань считают все острова принадлежащими Китаю. Эти претензии основаны исключительно на исторической традиции подкрепленной сомнительными и двусмысленно интерпретируемыми источниками. Это очень серьезный факт, иллюстрирующий политику Китая, который не должен игнорироваться в Москве и Центральной Азии.

Однако чем подкреплены экономические и военные амбиции КНР. Как и в случае с СССР догорбачевской эпохи, западные аналитики располагают достаточно точной и достоверной официальной информацией со стороны КНР. Поэтому разброс их оценок ежегодных военных расходов Китая составляет от 20 до 140 млрд. долл. Аналитики из Международного Института стратегических исследований в Лондоне считают реальной цифру в 28 млрд. долларов³⁵. При этом сфера военного строительства в Китае испытывает острую нехватку средств. Переход в конце 1970-х - начале 1980-х гг. от маоистской концепции "народной войны" к новой концепции "локальных войн" потребовал структурной перестройки НОАК, создание высокоэффективных соединений, вооруженных новейшими видами оружия. Все это, в свою очередь, потребовало повышенных затрат на закупку новых технологий. Из-за отсутствия средств китайская армия как бы делится на три части. Первая наиболее хорошо экипированная и обученная, составляет около 50 тыс. чел. и состоит из шести быстро развертываемых соединений. Второй эшелон состоит из частей поддержки, вспомогательных хозяйственных соединений. Именно этот эшелон НОАК вовлечен в народно-хозяйственную деятельность. Подсчитано, что китайская армия имеет в собственности около 25.000 предприятий.

производящих оборонную продукцию, на которых занято приблизительно 3-3,5 млн. чел. Вместе с Народной Вооруженной полицией НОАК составляет 4 млн. чел. Таким образом, собственно боеспособная армия Китая насчитывает полмиллиона человек и невелика по недавним меркам холодной войны и советско-американской конфронтации, тем более, когда речь идет о стране с населением 1,2 млрд. чел.

В этих условиях китайское руководство делает ставку на программу модернизации своих стратегических и обычных вооружений. На повестке дня стоит вопрос о принятии на вооружение НОАК таких типов стратегического оружия как мобильные ракеты наземного запуска DF-31 и DF-41 и ракеты подводного запуска JL-2, атомные подводные ракетоносцы нового класса 094; в авиации - штурмовики J-10 (возможно на основе израильского Lavi) и новые штурмовики FC-1, который производится в сотрудничестве с Пакистаном и Россией и штурмовик типа Луху; новый танк Т-90. Западные эксперты очень серьезно относятся к модернизации китайских вооруженных сил и считают, что скачкообразное увеличение военных расходов в 1990-95 гг., которое пытается скрыть официальная статистика КНР, связано, прежде всего, с данной программой модернизации³⁶.

Аналитики из Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI) подсчитали, что в период за 1988-93 гг. военный бюджет КНР вырос номинально на 100%, а в реальных ценах - на 60%. Они видят пять главных причин возросших расходов Китая в этой сфере: 1) китайское руководство озабочено ситуацией с безопасностью в Восточной Азии и хочет быть готово к потенциальному конфликту с Вьетнамом или Индией, из-за островов Спратли, или к вторжению или блокаде Тайваня; 2) изменение военной доктрины КНР после войны в Персидском заливе в сторону развития "умных" технологий в военно-морских и военно-воздушных силах; 3) одна из причин роста военного бюджета - увеличение расходов на содержание личного состава, выплата пенсий демобилизованным, число которых с 1983 г. достигло 650.000, в том числе 60.000 офицеров; а также ускоренная конверсия оборонных предприятий; 4) требования руководства НОАК увеличивать оборонный бюджет синхронно с ростом ВВП; 5) с 1989 г. политическая роль НОАК существенно возросла; увеличение расходов на армию является платой за поддержку режима и сохранение компартии у власти. Каким бы ни было соотношение данных факторов, все вместе они работают на рост военной мощи Китая и отражают стремление политической и военной верхушки страны превратить Китай в военную супердержаву³⁷.

Однако политические намерения и стратегические планы не всегда совпадают с реальными технологическими и экономическими возможностями, как это демонстрируется на примере военной промышленности КНР. Составители указанного сборника отмечают,

что основная масса имеющейся на вооружении у Китая техники базируется на советских образцах 1950-60-х гг.; некоторые более современные типы вертолетов и самолетов производятся по лицензиям или в сотрудничестве с Россией. В целом, как это ни парадоксально выглядит на фоне роста оборонного бюджета, производство вооружений в Китае в последние годы замедлилось; темпы его развития значительно отстают от Запада, Японии и России. По-видимому, военно-стратегическая программа КНР имеет в виду пожертвовать количеством ради качества. В настоящее время осваивается производство самолетов типа МиГ-29, СУ-24 и китайской версии МиГ-31; китайская технологическая мысль предлагает к производству ракеты, радары, артиллерию, танки и самоходные орудия авиацию, фрегаты и субмарины нового поколения. Однако возможности промышленного производства этих типов вооружений еще недостаточно ясны³⁸. Западные аналитики считают, что военная промышленность Китая получила новые перспективы благодаря сотрудничеству с Россией; толчок этому процессу был дан во время визита Б. Ельцина в декабре 1992 г. и министра обороны РФ П. Грачева в ноябре 1993 г. В итоге подписанные двадцать соглашений работают на увеличение политического, экономического и военного веса КНР.

Более ясную картину рисуют данные по стратегическим вооружениям и ядерной программе КНР. Согласно докладу ЦРУ США, Китай - единственная из ядерных держав, которая после окончания холодной войны увеличила свои расходы на стратегическое вооружения. Ряд аналитиков считает, что Китай будет стремиться к конечной цели, которая состоит в том, чтобы достичь такого уровня стратегических вооружений, который даст Пекину равные с США возможности. Американские разведчики говорят о том, что Китай приступил к разработке нового класса ракет наземного базирования с разделяющимися головными частями, которые, как известно, считались в эпоху советско-американского противостояния наиболее дестабилизирующим видом стратегического вооружений. Косвенным подтверждением этого является начало в октябре 1993 г. новой программы ядерных испытаний. В июле 1994 г. директор ЦРУ Дж. Вулси заявил, что Китай вербует советских ядерщиков и пытается овладеть ракетными технологиями бывшего СССР (на Украине). В тоже время Китай столкнулся с серьезными трудностями в разработке атомных подводных ракетоснасти. Наиболее успешно идет развитие стратегической авиации и наземного тактического ядерного оружия. Таким образом, по западным источникам половина ядерных зарядов Китая (150) может доставляться стратегической авиацией; свыше ста боеголовок находятся на ракетах наземного базирования, и несколько десятками оснащены подводные лодки. Военные экспер-

прогнозируют дальнейший рост в Китае тактического ядерного оружия, которое играло когда-то большую роль в советско-китайской пограничной конфронтации как сдерживающий фактор для обеих сторон. Вопрос о том, зачем Китаю этот тип оружия в новых условиях, остается без ответа³⁹.

С другой стороны, Китай в последние годы проявляет активность в поддержке международного контроля над вооружениями. Как отмечается в некоторых исследованиях, это связано с опасениями, что Соединенные Штаты выйдут из Договора по ПРО и осуществят программу ракетно-баллистической обороны. Это закрепит военно-стратегическое превосходство США во всем мире, что неприемлемо для Китая⁴⁰. В тоже время, Китай обязался в ближайшем будущем присоединиться к Договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний. Неясно также сумел ли Китай за 1993-96 гг. полностью реализовать свою программу ядерных испытаний. Характерно, что между США и КНР продолжают столкновения по другим проблемам, имеющим военно-стратегическое значение. Так, Вашингтон обвиняет Китай в том, что он располагает компонентами, или может производить биологическое оружие. Далее, в 1992 г. из-за американских подозрений в том, что Китай поставляет Ирану компоненты химического оружия (для горчичного и нервно-паралитического газа), серьезно обострились двусторонние отношения. Несмотря на то, что обвинения Соединенных Штатов не подтвердились, этот случай говорит о том, что Вашингтон пытается отслеживать химическую программу Пекина⁴¹.

Другая интересная проблема - место Китая в мировой торговле оружием. Известно, что в 1993 г. Китай заключил соглашение с Бирмой о поставках в эту страну нескольких военных судов и до 250 орудийных самоходных установок. Это один из примеров активности Китая, однако, данные по экспорту и импорту говорят о том, что Китай с 1989 по 1993 гг. сократил более чем вдвое продажу на экспорт обычных вооружений и более чем в десять раз увеличил импорт технологий военного предназначения. Несмотря на эту тенденцию, Китай в 1989-93 гг. продал вооружений больше (5,7 млрд. долл.), чем приобрел (3,4 млрд. долл.). Наиболее дестабилизирующими и дорогостоящими сделками, по мнению западных аналитиков, были поставки Китаем ракетных технологий Пакистану и поставки Россией боевой авиации Китаю⁴².

Большой интерес представляют последние аналитические обзоры западных экспертов, написанные уже после событий в Тайваньском проливе в феврале-марте 1996 г. Вывод, к которому приходят эти аналитики, однозначен: по мере того, как Китай становится сильнее в экономическом отношении, его политика приобретает все более воинственный характер. Надежды на то, что экономическая взаимозависимость и интегрированность китайской экономики в

мировую сделают его политику более сдержанной, не оправдались. В основе возобновившихся амбиций Поднебесной лежит, как отмечают западные авторы, "особенно злобный национализм". Он носит атавистический и антизападный характер и питается воспоминаниями о прежних унижениях страны в империалистическую эпоху: "китайцы ничего не забыли и ничего не простили"⁴³. По мнению авторов "Стратегического обзора", растущий национализм Китая проявляется в политике по отношению к Тибету, Гонконгу и Тайваню. Причем китайские лидеры, начиная с Дэн Сяопина, пребывают в полной уверенности, что пока будет продолжаться экономический рост, народ будет и дальше поддерживать правящий режим. Они совсем не принимают во внимание, что растущая экономическая свобода неизбежно потребует свободы в политике.

Апофеозом новой амбициозной политики КНР были вызывающие военные маневры близ Тайваня. Они имели целью, помимо оказания давления на Тайбэй, проверить реакцию Соединенных Штатов. И Пекин убедился, что США намерены и дальше защищать фактическую независимость республиканского Китая. Авторы "Обзора" допускают возможность в будущем объединения двух Китаев, но только в том случае, если их политические системы эволюционируют к общему знаменателю. В настоящее же время эти аналитики призывают США "держат порох сухим"⁴⁴.

Несмотря на поразительные экономические успехи Китая, по одному очень важному показателю западные эксперты относят его к разряду развивающихся стран. Для последних характерно преобладание в их арсеналах вооружений образца 1950-60-х гг. Не является исключением и Китай, на вооружении у которого истребительная авиация, на три четверти состоящая из копий МиГ-19, а три четверти танков - это копии советских Т-54. Китай не может заменить в достаточно короткие сроки устаревшую технику на новейшие виды оружия по принципу один-на-один. Исходя из этого, авторы "Обзора" прогнозируют на ближайшее десятилетие существенное сокращение китайских арсеналов (если последний предпочтет и дальше вооружать свою армию устаревшей техникой). Тем не менее, в "Обзоре" признается, что благодаря осуществляемой уже второе десятилетие военной реформе и инвестициям в оборонную сферу Китай уже превратился в значительную военную державу регионального уровня; фактически, у Китая находится ключ к стабильности в Азии, и в 21 веке он может стать реальным соперником США за мировое влияние⁴⁵. Росту военной мощи Китая способствуют различные совместные военные программы и проекты с такими странами как Россия и Израиль, способными поднять военный технологический уровень КНР.

За кризисом в Тайваньском заливе стояли другие причины, чем просто намерение Пекина сорвать первые демократические выборы в истории Китая после 1912 г. выборы, и эти причины опосредованно связаны с действительными и экономическими амбициями Пекина. В военно-политических и экономических амбициях Пекина. В Соединенные Штаты были готовы к демонстрации Китаем и ждали этого после форума АСЕАН в Брунее в августе 1995 г., где встретились главы внешних служб двух стран. Сердцевиной китайско-американских противоречий является нежелание Китая придерживаться принципов международной взаимозависимости, игнорирование правил ВТО и самовольные действия в Южно-Китайском море, затрагивающие жизненные интересы стран АСЕАН, как считают американские эксперты. К очевидным негативным последствиям бескомпромиссной позиции КНР по проблеме суверенитета над островами Спратли можно отнести провоцирование и подталкивание других стран региона к отстаиванию своих прав недипломатическими и внепереговорными средствами. Вызывающие и порой провокационные действия Пекина заставили Японию (после нарушений ее воздушного пространства военной авиацией Китая) официально пересмотреть в ноябре 1995 г. ее оборонную концепцию, в которой акцент на угрозу со стороны России переместился в сторону большей озабоченности отношениями с Китаем. И наконец, западные аналитики с тревогой пишут о некоторых аспектах российско-китайского сотрудничества. Это, в первую очередь, возможность продажи Россией новейшего истребителя СУ-27, и что более важно - передача Китаю технологий для производства этого типа самолета⁴⁶.

Следует отметить, что оценки китайской политики в западных стратегических исследованиях должны восприниматься с должной долей скептицизма, принимая во внимание тот факт, в чьих интересах они составляются. Однако с двумя тезисами западных аналитиков невозможно не согласиться. Первое, что у Китая находится ключ к стабильности в Азии. Действительно, практически любые действия Пекина в политической и экономической сферах затрагивают интересы его соседей по всему периметру его сухопутных и морских границ, а это добрая половина азиатских государств. До недавнего времени Китай имел пограничные и территориальные проблемы с десятью своими соседями. Наконец, его размеры, демографическая и экономическая мощь неизбежно и объективно затрагивают другие государства Азии. Второе, по мере дальнейшего роста экономики Китая будут усиливаться его внешнеполитические и военно-стратегические амбиции. Этот тезис подтверждается всей Программой Четырех Модернизаций, в которой модернизация вооруженных сил занимают свое важное место. Если модернизация армии будет

осуществляться синхронно и адекватно развитию экономики, то она должна превратить Китай в одну из могущественнейших держав планеты.

Однако последняя мысль не является доказанной *argiori*. Китай сталкивается со многими непростыми проблемами, которые негативно отражаются или повлияют в будущем на его экономическое развитие, военную мощь, социальную стабильность и стратегическое положение и которые уже сейчас вызывают озабоченность у политиков этой страны. Обращение к политике Китая в области национальной безопасности позволит реально оценить его возможности и перспективы политического и военно-стратегического развития.

Концепция национальной безопасности КНР

Современная концепция безопасности Китайской Народной

Республики рассматривает эту область как состоящую из последовательно дополняющих друг друга компонентов. Так, период с начала 1950-х гг. до конца 1970-х гг. характеризуется доминированием военного аспекта безопасности. С конца 1970-х гг. обеспечение экономической безопасности становится главным элементом в структуре безопасности КНР. И наконец, в период с конца 1980-х гг. все большее значение приобретает обеспечение социальной безопасности. К этому призывают официальные документы КПК и ее 14-го съезда (1992 г.). Таким образом, с начала 1990-х гг. концепция безопасности КНР официально ориентирована на обеспечение социальной стабильности в обществе как своей главной цели.

Однако было бы преждевременно рассматривать концепцию безопасности КНР как нечто окончательно сформировавшееся и застывшее. Система безопасности Китая переживает в настоящее время радикальную трансформацию как на организационном, так и на теоретическом уровнях. Идет процесс институализации всей системы безопасности, который преследует цель сделать более скоординированными и взаимосвязанными действия таких ключевых министерств как Министерство Обороны, МИД, Государственной безопасности, Общественной безопасности, Внешней торговли и экономического сотрудничества. Разумеется, что во всех официальных документах подчеркивается руководящая роль Компартии в обеспечении национальной безопасности.

Другим основополагающим принципом китайской концепции безопасности является примат коллективного начала над индивидуальным. Официально провозглашено, что государственные интересы преобладают над частными, то есть персональными и групповыми. Переводя этот принцип в практическую плоскость, китайская концепция рассматривает под этим углом зрения этнические и территориально-экономические проблемы. Это означает,

что любые националистические или сепаратистские претензии, а также попытки осуществлять в регионах самостоятельную экономическую политику представляют собой нарушение этого принципа и угрожают безопасности страны.

Третий принцип, положенный в основу концепции национальной безопасности Китая, отражает взаимосвязь внутренней и внешней политики в этой области. Авторы китайской концепции безопасности усматривают здесь определенное противоречие, так как Китай, не являясь участником ни одного военно-политического альянса или блока, в то же время фигурирует в качестве участника различных международных организаций. В некоторых случаях (например, во время войны в Персидском заливе и по проблеме Камбоджи) интересы национальной безопасности КНР вступали в непосредственную зависимость от системы международной безопасности.

В качестве последнего базового принципа китайская концепция рассматривает уважение государственного суверенитета, признавая растущую роль мирового торгового и финансового порядка, а также международных экономических стандартов в экономической области, а, кроме того, понимая, что экологические проблемы перерастают национальные рамки и границы отдельных государств, Китай в то же время настаивает на том, что международное сотрудничество должно базироваться на уважении суверенных прав каждого государства на его природные ресурсы и проведение самостоятельной экономической политики.

Концепция безопасности Китайской Народной Республики переживает, как и сама страна, период перемен. Пока еще в основе концепции лежит устаревший лозунг Мао Цзэдуна о том, что угроза безопасности Китаю исходит от гегемонизма и политики с позиции силы. Однако этот тезис, сложившийся в период конфронтации Китая с США, а затем с СССР, уже не отражает реальную политику КНР в области безопасности. Современное руководство Китая признает, что мир вошел в эпоху перемен и эра конфронтации закончилась, однако оно подчеркивает, что надежное и необратимое обеспечение мирного сосуществования - это длительный процесс, до завершения которого еще далеко; таким образом, Китаю необходимо тщательно заботиться о своей безопасности. В качестве первой цели обеспечения безопасности КНР называется сохранение территориального единства, под которым подразумевается решение проблемы "единого Китая", а также пограничных и территориальных вопросов с соседями. Особый акцент делается на борьбу с любыми формами сепаратизма и их потенциальными источниками. Известно, что среди всех национальных территорий, присоединенных к Китаю в разное время, наибольшее беспокойство в настоящее время приносят движения в Тибете и Восточном Туркестане (Синьцзяне).

В концепции безопасности КНР особо отмечается, что угроза сепаратизма резко возросла после окончания холодной войны и распада СССР. Как само собой разумеющееся, китайская концепция полностью отрицает право этих народов на национальное самоопределение.

Относительно территориальных и пограничных споров в концепции КНР зафиксировано, что Китай претендует на территории общей площадью 100 00 кв. км. и международные воды площадью около 1 млн. кв. км.⁴⁷ Китай имеет территориальные и пограничные проблемы с Вьетнамом, Малайзией, Филиппинами, Брунеем, Японией и Индией, что находит соответствующее отражение в концепции безопасности в виде претензий Китая к этим государствам. Тайваньская проблема занимает особое место в концепции безопасности КНР, которая оставляет за собой право на применение вооруженной силы по отношению к острову и отмечает, в каких случаях это станет неизбежным: провозглашении независимости Тайбэем, интервенции третьей державы и создании ядерного оружия на Тайване⁴⁸.

Вторая цель политики КНР в области безопасности - сохранение социалистической системы и идеологии. В качестве угрозы называются "широкая эволюция" от социализма к капитализму и подчинение национальных интересов западному влиянию. В качестве негативного примера указывается на крушение социализма в СССР и Восточной Европе и последующие реформы в этих странах. Официально заявляется, что введение "буржуазного либерализма" будет означать политическое разделение китайского народа и, в конечном счете, хаос. Другая угроза, которую несут "буржуазный либерализм" и "стратегия мирной эволюции", как отмечается в китайских документах, это возвращение Китая в сферу влияния Запада.

Однако третий раздел китайской доктрины, посвященный экономической безопасности, раскрывает реальное видение лидерами Китая угроз безопасности страны. Китайская концепция называет шесть источников угрозы экономической безопасности: 1) растущий протекционизм в мировой торговле; под этим тезисом в КНР подразумевают антидемпинговые ограничения индустриальных стран; 2) привязанность китайской экономики к небольшому числу партнеров: Япония, Гонконг, США, Тайвань, Южная Корея и Европейское сообщество; в данном случае имеется в виду уязвимость китайской экономики в случае торговой войны или прекращения инвестирования со стороны этих государств; 3) международный экономический шпионаж; 4) незаконное производство и контрабанда; китайская концепция особо указывает на тот факт, что контрабандное производство, возникшее в Гонконге, на Тайване и Южной Корее и находящее сбыт во Вьетнаме и в России, оказывает дестабилизирующее влияние на экономику КНР; 5) демографический рост; это, безусловно,

одна из сложнейших проблем континентального Китая, согласно официальным данным которого его население к февралю 1995 г. достигло 1,2 млрд. чел.; 6) претензии некоторых стран, ущемляющие морские интересы КНР; в данном случае подчеркивается, что Китай, превратившийся в 1993 г. в чистого импортера нефти, придает стратегическое значение разработке нефтяных участков шельфа в Южно-Китайском море, в том числе и спорных.

В качестве четвертой обеспечивающей безопасность цели в китайской концепции называется сохранение социальной стабильности и подавление организованной преступности. Последняя цель китайской концепции трактуется как сохранение национального престижа и влияния Китая. Однако характерно, что эта цель понимается именно как сохранение роли и влияния социалистического государства, влияния коммунистической идеологии, которые считаются неизменными составляющими безопасности КНР. Относительно тайваньской проблемы заявляется, что Пекин оставляет за собой право применить силу в случае, если Тайбэй попытается объявить независимость. В русле политики сохранения территориальной целостности КНР подписала в 1993 г. соглашения с Индией и Вьетнамом по пограничным проблемам, которые фактически зафиксировали status quo. В качестве стратегической доктрины НОАК используется понятие "активной обороны". Следует отметить, что китайская доктрина не предусматривает вхождение страны в какие-либо блоки или военно-политические союзы. Но с другой стороны, в качестве одной из превалирующих целей провозглашено создание "экономической сферы Великого Китая": КНР, Гонконг, Тайвань, и китайские общины в странах АТР.

Однако официальная пропаганда маскирует истинную стратегию и тактику Китая во внешней политике и внешнеэкономической экспансии, тесно связанных со сферой его безопасности, прежней, заимствованной из маоистской эпохи риторикой. На уровне политического руководства страны провозглашено, что Китай считает борьбу с гегемонизмом и политикой с позиции силы краеугольным камнем своего внешнеполитического курса, который базируется на т.н. Пяти Принципах мирного сосуществования: взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности, взаимном ненападении, невмешательстве во внутренние дела, равенстве и взаимовыгодном сотрудничестве и мирном сосуществовании. После официального провозглашения этих принципов в 1953 г. Пекин в течение последующих десятилетий неоднократно нарушал все из них.

Следует отметить, что Китай использует различные методы для обеспечения государственной безопасности. Если в отношении диссидентов и сепаратистов используются жесткие методы подавления, основанные на специальном законодательстве, то в своей тайваньской политике Пекин помимо военных угроз, как это было весной 1996 г.,

использует неофициальные переговоры через специально созданные в начале 1990-х гг. неправительственные каналы: Ассоциацию по развитию отношений через Тайваньский пролив и Фонд обмена через залив. Эти организации являются инструментами политики КНР по обеспечению ее влияния на Тайвань⁴⁹.

Защищая свои интересы, Пекин атакует международные организации, в частности Комиссию ООН по правам человека, утверждая, что критика китайского законодательства со стороны этой организации является следствием антикитайского курса Запада, и требуя реорганизации Комиссии и пересмотра ее стандартов. Кроме шпионажа; так, в КНР с этими целями приняты Патентный закон (1985) и Закон о национальной безопасности (1993).

После 1992 года предприняты практические шаги по модернизации ВМФ КНР. Война в Персидском заливе подтолкнула китайское командование к разработке новой стратегии, которая должна в будущем обеспечить превосходство Китая в Южно-Китайском море и его контроль над нефтяными ресурсами этого региона. Фактически, Китай взял курс на постоянное военное присутствие в этих водах в сочетании с модернизацией и наращиванием своих военно-морских сил. В будущем не исключено повторение подобной ситуации вокруг нефтяных ресурсов в Синьцзяне.

Китай предпринимает жесткие меры по борьбе с наркотиками в русле своей концепции безопасности. В 1990 г. создана Национальная комиссия по контролю за наркотиками при Госсовете КНР и жесточено законодательство в этой области.

Большое внимание в концепции безопасности КНР уделяется обеспечению региональной безопасности в АТР. Китай способствовал нормализации обстановки в Камбодже, заключению соглашения между США и КНДР по ядерной проблеме и ведет двусторонние и многосторонние переговоры с Японией и странами АСЕАН по проблемам безопасности региона.

В сфере экономики, которая является важнейшим элементом системы национальной безопасности, правительство КНР предпринимает радикальные шаги по снижению инфляции (с 22 до 17%), что нашло отражение в официальных документах по планированию девятого пятилетнего плана. Эта политика создала парадоксальную ситуацию в экономике, где снижение уровня экономического прироста на 1,6% (при поставленной цели - на 3%) рассматривается в качестве успеха. Таким образом, экономическая стратегия, как составная часть китайской политики в области безопасности ориентирована в 1996-2000 гг. на общее снижение темпов прироста валового продукта с целью стабилизации ситуации не только в экономике, но и в социальной сфере⁵⁰.

КНР признала Казахстан в декабре 1991 г. непосредственно после распада СССР. Пекин объявил, что в основу его отношений с новыми независимыми государствами будут положены пять принципов мирного сосуществования. Пограничные вопросы, оставшиеся со времен Советского Союза, решались в ходе переговоров по формуле 4+1 (то есть Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан с одной стороны, КНР - с другой). В апреле 1996 г. было подписано Шанхайское соглашение пяти государств по границам. В 1995 г. КНР предоставила Республике Казахстан негативные гарантии безопасности в связи с бессрочным продлением Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В 1993-94 гг. были зафиксированы многочисленные нарушения воздушного пространства РК военной авиацией Китая. Особое беспокойство Алматы в течение многих лет вызывала ядерная активность Китая в Лобноре, однако, в перспективе Пекин обязался присоединиться к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Относительно группировки НОАК в Синьцзяне часть экспертов считает, что она способна вести активные наступательные операции; но существует и другая точка зрения, что китайская армия в целом недостаточно эффективна, располагает невысокой технической базой и архаичной системой оперативного контроля.

Таким образом, концепция национальной безопасности КНР является отражением его внешней и внутренней политики, направленной на усиление международной роли Китая, сохранение стабильности внутри страны и укрепление существующего режима. С другой стороны, концепция представляет собой сильный политический и идеологический инструмент, с помощью которого китайское руководство обеспечивает проведение своего политического курса, конечная цель которого развитие и сохранение Китая как мощной военно-политической и экономической державы мирового уровня.

Заключение

Два крупнейших события привлекли всеобщее внимание к внешней политике Китая в 1996 г. Первое связано с беспрецедентными за последние десятилетия военными маневрами НОАК в феврале-марте 1996 г., имевшими целью устрашить Тайвань и бросить вызов Соединенным Штатам. Политические и военно-стратегические последствия этой акции хотя и не имеют прямой связи с политикой Китая в Центральной Азии, тем не менее выходят далеко за рамки Азиатско-Тихоокеанского региона. Второе событие - подписание в Шанхае в апреле 1996 г. Соглашения о мерах доверия на границе между КНР и четырьмя постсоветскими государствами: Российской Федерацией, Казахстаном, Кыргызской Республикой и Таджикистаном. Это соглашение подвело черту под целой эпохой, отравлявшей

международную безопасность в Азии в период советско-китайской конфронтации. Если для центральноазиатских республик юридическое оформление исчезновения потенциальной китайской угрозы означало только подтверждение факта развала советской мощи в регионе, то для Китая нормализация отношений позволяет не беспокоиться в военно-стратегическом отношении за огромные участки на севере и западе границы страны. Это позволит Китаю сосредоточить больше усилий на модернизации вооруженных сил, изменении структуры НОАК и ее перегруппировки, и, в конечном счете, дает существенный стратегический выигрыш.

В связи с визитом в июне 1996 г. Председателя КНР Цзян Цзэминя в Казахстане высказывалась точка зрения, что Шанхайское соглашение бросило на произвол судьбы Восточный Туркестан (Синьцзян) и подставило под удар национально-освободительное движение в СУАР. После подписания соглашения, если верить оппозиционным источникам, китайские власти резко усилили репрессии против тех, кого официальная пропаганда называет "раскольниками"⁵¹. Однако официальная позиция Казахстана и его соседей по региону осуждает сепаратизм и строится на принципе невмешательства во внутренние дела соседей. Фактически, уйгурские националисты правы в том, что такая позиция Казахстана - это плата за стабильность и безопасность в Центральной Азии. Следует отметить, что западные аналитики внимательно отслеживали позицию Казахстана по проблеме СУАР. Они считают, что наибольшая озабоченность репрессивной политикой Китая в отношении национальных меньшинств в Синьцзяне и военной угрозой со стороны КНР существовала осенью 1993 г.⁵² Таким образом, можно сделать вывод, что безопасность в регионе и развитие китайско-центральноазиатских отношений неразрывно связано с обстановкой в СУАР. Данный регион занимает важное место в стратегии Китая по экономическому проникновению в западном направлении, то есть в Центральную Азию, на Средний и Ближний Восток. Такое сотрудничество укладывается в рамки как китайской концепции интеграции в "Великое Исламское кольцо", так и в планы стратегии ОЭС по реконструкции Шелкового пути. В контексте усиления межрегиональных связей СУАР - Центральная Азия высказываются два рода озабоченности. К первому принадлежат опасения, что Китай использует это сотрудничество как трамплин для своего экономического, а затем политического и демографического проникновения в регион с конечной целью подчинения Центральной Азии своим интересам.

Вторая точка зрения прямо противоположна по содержанию. Высказывается предположение, что Синьцзян, благодаря своей интеграции с Центральной Азией, попадет в орбиту нового экономического союза, его связи с ханьским Китаем ослабнут

приобретут чисто номинальное значение. Это понимают и в Пекине, вот почему с 1992 г. там уделяется большое внимание интеграции СУАР с другими частями КНР на основе концепции "двойной открытости".

Можно сделать наблюдение, что переживаемый Китаем экономический бум очень напоминает экономический подъем в СССР в 1950-60-е гг. В Советском Союзе также пытались модернизацию социалистической плановой системы осуществить модернизацию экономики. Как и сейчас Китай в СУАР, Советский Союз осуществлял модернизацию Средней Азии и Казахстана в экономике и социальной стратификации общества, меняя одновременно этническую композицию региона. Предполагалось, что регион со временем сравняется по основным параметрам с развитыми частями Союза, и тем самым окончательно интегрируется в советскую систему. Однако после 1991 г. результат стал известен. Удастся ли подобное осуществить Китаю в Синьцзяне?

В заключении нам предстоит ответить на сакраментальный вопрос: существует ли китайская угроза Центральной Азии? В настоящее время прямой военной угрозы безопасности Казахстана и других государств региона со стороны Китая не существует, как это следует из изученного материала. Последний также заинтересован в укреплении режима доверия и безопасности во Внутренней Азии. Группировка НОАК в Северо-западном военном округе не способна осуществлять эффективных наступательных операций. Китай не заинтересован в использовании, по крайней мере в ближайшем будущем, силы за исключением крайне радикального развития ситуации в СУАР.

Таким образом, Казахстан ожидает, как надеются политики, мирное и добрососедское развитие отношений с восточным соседом, в ходе которого он может оказать благотворное экономическое влияние на наше государство. Однако, развивая и дальше отношения с КНР, следует учитывать ряд соображений и помнить о некоторых уроках давней и недавней истории и политики. Как предупреждают западные аналитики, по мере роста экономической мощи Китая будут расти его военные амбиции. Никто не может дать гарантии, что великие державы не выберут для своего противоборства с Китаем Центральную Азию в качестве сферы влияния. История подтверждает, что Китай довольно легко прибегает к силе для поддержания своих территориальных притязаний и политических амбиций, которые подпитываются атактистическим, имперским национализмом и единственным обоснованием для которых служат сомнительные исторические карты. Не является исключением и Казахстан, треть территории которого отнесена на таких картах к Поднебесной.

ТАЙВАНЬ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Шорохова С. А.

Скоро уже год (1 июля 1997), как после полуторавекового британского владычества в лоно этнической родины вернулся Гонконг. Теперь на финишную прямую возвращения под суверенитет Китая по аналогичной схеме "одна страна - две системы" выходит Тайвань, великое воссоединение с которым пекинское руководство считает своей священной задачей.

Тайвань, остров в Тихом океане у восточных берегов материковой части Китая, от которой отделен Тайваньским проливом. С островами Пэнху образует провинцию КНР Тайвань.

Свыше 1/2 территории Тайваня покрывают леса (главным образом на красноземах и бурых лесных почвах), отличающихся большим видовым разнообразием (более 3000 видов). В нижних частях склонов - влажные вечнозеленые леса из пандусов, пальм, бамбуковых лиан; выше - широколиственные листопадные и смешанные леса из камфарного лавра, кипариса, ели, пихты, древовидных папоротников. На высоте 3300 м. леса замещаются поясами кустарника рододендрона, а еще выше - горными лугами. Прибрежные равнины заняты полями риса, батата, плантациями сахарного тростника, ананасов и др. Вдоль всего острова тянутся Тайваньские горы (высота до 3997 м.); на севере - группа потухших вулканов, на западе - прибрежная равнина.

Климат на севере Тайваня субтропический, на юге - тропический муссонный. Температура в январе 15-20°C, в июле - 25-30°C; осадков на равнинах 1500-2500 мм., в горах - местами свыше 5000 мм. в год. В августе и сентябре часты тайфуны.

Площадь территории - 36 тыс. км². Население - свыше 21 млн. чел. Плотность населения - 550 чел. на 1 км².

Официальный язык - китайский.

Административный центр - город Тайбэй.

Административное деление - 2 города (Тайбэй, Гаосюн) центрального подчинения. 5 городов: Цзилун, Тайчжун, Тайнань, Синьчжу и Цзя провинциального подчинения и 16 уездов.

Денежная единица - новый тайваньский доллар (НТД).

Морские порты - Цзилун, Гаосюн. Международные аэропорты - Суншань и Таюань.

На Тайване действует конституция, принятая 25 декабря 1946 г. Парламента нет, его функции выполняет Законодательный Юань (Законодательный Совет), Национальное Собрание и Контрольный Юань (Контрольный Совет) и др. Реальной политикой занимается

Законодательный Совет, играющий роль однопалатного парламента, однако он не властен над президентом и не способен изменить конституцию.

В полномочия Национального Собрания входят выборы и отзыв президента, который выбирается на 6 лет с возможным переизбранием на 2-ой срок; внесение поправок в конституцию, проведение референдумов в отношении поправок и конституции.

Исполнительную власть осуществляет Исполнительный Юань (Совет) - высший административный орган, который ответственен перед Законодательным Юанем, однако Законодательный Юань не может смещать министров, это входит в компетенцию президента совместно с Контрольным Юанем.

Президент страны - Ли Дэнхуэй.

Премьер-министр - Винсент Сю (в сентябре 1997 года сменил на этом посту Лян Чжэнь). Ранее возглавлял Совет по планированию экономической политики, хорошо разбирается во внешнеэкономических связях (дважды представлял Тайвань на сессии Организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества). Его считают восходящей звездой партии Гоминьдан. По совместительству он возглавляет Совет, курирующий отношения с Пекином.

Страницы истории

В древности территория Тайваня была заселена племенами гаошань - так называемые "горцы". Первая военная экспедиция китайцев на Тайвань отмечена в 230 г. В 13 веке Тайвань официально включается в карту китайской империи. В 1360 г. на Тайване создается Управление по надзору - первый китайский орган местной власти. Коренные жители Тайваня выселяются китайскими переселенцами в горные районы.

Колонизация Тайваня привела к тому, что значительная часть земель, годных для земледелия, оказалась в руках китайцев, вскоре превзошедших по численности местное население - "гаошаней". Причем, переселение на Тайвань шло главным образом из провинций Фуцзянь и Гуандун - традиционных источников миграции китайского населения, что сказалось на современной культуре и языке на Тайване, которые в большей степени схожи с распространенными в южных регионах материкового Китая.

С конца 16-начала 17 вв. начинается вторжение на Тайвань европейских колонизаторов. В 1590 г. на остров проникают португальцы. Очарованные красотой острова, они дают ему название Формоза (Прекрасный). В 1624 г. Тайвань захватывают голландцы. В 1661-62 гг. голландцы изгоняются с Тайваня отрядами китайского патриота Чжэн Чэнгуна, и остров на 22 года превращается в базу борьбы с маньчжурами, завоевавшими материковый Китай.

Власть маньчжурской династии Цин утверждается на Тайване с 1683 г., а в 1886 г. он выделяется в отдельную провинцию Цинской империи.

После англо-китайской войны 1839-1842 гг. Тайвань оказался в сфере международного соперничества. Он становится "лакомым куском" и для США, и для Англии, которые лелеют надежду захватить или купить его у Китая.

В результате японо-китайской войны 1894-95 гг. Тайвань и острова Пэнху по Симонсекскому договору 1895 г. отходят Японии. Однако, население Тайваня, возглавляемое Тан Цзинсуном, оказывает героическое сопротивление японским захватчикам, и в мае 1895 г. создается "Тайваньская республика", правда, продержавшаяся всего один месяц.

После разгрома японского милитаризма во 2-ой мировой войне Тайвань 25 октября 1945 г. в соответствии с решениями Каирской (1943 г.) и Потсдамской (1945 г.) конференцией и Актами о капитуляции Японии, возвращается под юрисдикцию Китая.

После образования в октябре 1949 г. КНР Тайвань становится прибежищем для остатков гоминьдановской группировки Чан Кайши и его армий, разгромленных НОАК в ходе гражданской войны. 1 октября 1949 г. глава Гоминьдана Чан Кайши объявляет себя президентом и главнокомандующим вооруженными силами Тайваня (Национальное собрание на Тайване было избрано еще в 1947 г., а Законодательный Совет - в 1948 г.). Город Тайбэй получает статус "временной" столицы "Китайской Республики". И таким образом возникает ситуация "двух Китаев".

Тайвань начинает восстановление разрушенной войной инфраструктуры, бросая силы на развитие агропромышленного комплекса и отраслей легкой промышленности, а не тяжелой индустрии, что имело место в бывшем СССР и других странах социалистического содружества, включая материковый Китай.

Аграрная реформа, проведенная на Тайване в 1949-1953 гг., стала актом буржуазно-демократической революции "сверху". Крестьяне получили в рассрочку земельные участки, площадь которых не превышала 3 га. 60% всех семей становятся владельцами земли, а доля арендаторов сокращается до 17%.

Аграрная реформа на Тайване привела к более интенсивному использованию земель и к увеличению урожая¹.

После успешно проведенной аграрной реформы, перед Тайванем остро встает проблема экономических реформ, решение о проведении которых принимает VIII съезд гоминьдана (10-23 октября 1957 г.). На съезде ставятся следующие задачи: создать на острове самостоятельную экономическую систему; всеми силами накапливать необходимый капитал; увеличивать производство, улучшать инвестиционный климат; поощрять свободу предприятий; улучшать

валютную политику и развивать внешнюю торговлю². В соответствии с этими установками в конце 50-х годов начинается валютная реформа, направленная на достижение конвертируемости нового тайваньского юаня на основе поэтапного приближения официального курса обмена валют к рыночному. В связи с необходимостью привлечения иностранных инвестиций в экономку страны в декабре 1959 г. вносятся изменения в Закон об иностранных инвестициях, а в марте 1960 г. пересматривается Закон об инвестициях хуацяо.

Окончательно курс на реформы оформился к 1960 г. В январе 1960 г. утверждаются цели третьего четырехлетнего плана (1961-1964 гг.). План определяет основную задачу развития следующим образом: "превратить тайваньскую экономику из в основном аграрной в преимущественно индустриальную". В качестве главных направлений ее развития выделяются: экспортные отрасли, обработка сельхозпродукции, энергоресурсы и тяжелая индустрия, инфраструктура. Ставится задача увеличения ВВП на 36%.

Составной частью новой экономической стратегии явилась "Программа 19 пунктов", направленная на привлечение накоплений населения, дальнейшие шаги по приватизации, упрощение бюрократических процедур при создании частных предприятий местным и иностранным бизнесом, поощрение капиталовложений. Как и для большинства стран, развивающихся по модели "догоняющего развития", Тайваню была обещана поддержка со стороны США, но при условии более энергичной перемены в экономической политике гоминьдана в сторону либерализации.

Закон о поощрении капиталовложений, принятый в августе 1960 г., стал важным реальным шагом Тайваньской экономической реформы. Принятие закона означало значительное упрощение бюрократических процедур утверждения инвестирования и создания новых предприятий. После 1960 г. началась постепенная ликвидация контрольных функций министерства экономики, которое все больше становилось совещательным и направляющим органом.

Важнейшей составной частью тайваньской реформы стало создание особых экономических зон (идея создать особый район вокруг порта Гаосюн возникла еще в 1956 г.), в которых в одно целое объединялись усилия местных предпринимателей из приоритетных отраслей и их коллег из-за рубежа, привлеченных налоговыми льготами на производство в этих районах. В марте 1965 г. началось строительство экспортного района в Гаосюне. Главными принципами создания особой экономической зоны стали: четкий юридический статус и правила, защищающие права собственности иностранных владельцев; различные налоговые льготы; создание в районах специального административного управления, которому представлялись широкие права в деле регулирования хозяйственной деятельности в пределах зоны, что сразу же смягчило одно из важных препятствий на пути привлечения

Гоминьдана, политику которого они считают слишком консервативной и не отвечающей интересам широких слоев населения. Главная задача КНР - выступать в роли балансира между Гоминьданом и ДПП.

Программа КНР включает следующие фундаментальные положения: всемерное усиление обороны и безопасности; расширение контактов с КНР, формирование экономической зоны "Большого Китая" с одновременным приданием Тайваню статуса равноправного члена международного сообщества; проведение конституционной реформы и прямых выборов президента страны; гарантии прав человека, осуществление социального равенства; борьба с коррупцией, с влиянием денег на политику. Удастся ли КНР занять собственное и достаточно влиятельное место на политической арене Тайваня покажет будущее. По мнению экспертов, КНР может увеличить свою популярность за счет налаживания самостоятельных контактов с правительством КНР и ведения переговоров по различным вопросам двусторонних отношений⁸.

Внешнеэкономические связи

Тайвань имеет официальные дипломатические отношения с 30 государствами. Учитывая степень политического и экономического развития Тайваня, ведущие державы мира, даже несмотря на отсутствие с ним официальных правительственных отношений, учреждают на острове имеющие официальный статус представительства с целью интенсификации двусторонних экономических, торговых, культурных и иных отношений. Через культурные центры, координационные советы, разнообразные ассоциации, институты и представительства Тайвань строит свои отношения более чем со 140 странами.

Руководство КНР в принципе не возражает против установления между Тайванем и другими странами экономических, торговых и культурных связей на неправительственной основе. Оно не против попыток острова "расширить жизненное пространство в международном бизнесе". Однако внешнеполитические акции Тайбэя, способные по мнению Пекина, привести к появлению ситуации "двух Китаев", скрупулезно отслеживаются и не остаются без адекватной реакции. В соответствии с этой позицией после решения Латвии и ряда государств Африки об установлении дипломатических и консульских отношений с Тайванем Пекин разорвал с ними дипломатические отношения и временно закрыл свое посольство в Риге.

6-дневный неофициальный визит президента Тайваня Ли Дэньхуэя в июне 1995 г. в США вызвал резкое негодование у китайских властей и способствовал заметному осложнению отношений между Тайванем и КНР. Особое неудовольствие вызвала у пекинского руководства встреча Ли Дэньхуэя со студентами и преподавателями Конрадского

университета, в ходе которой он обратился с просьбой помочь Тайваню в преодолении дипломатической изоляции. Китай, в знак протеста, отозвал своего посла, аккредитованного в США.

Китай подверг резкой критике визит заместителя секретаря министерства финансов США Лоренса Семерса в сентябре 1996 г. и его переговоры с премьер-министром Тайваня Пянь Чжанем. США было предъявлено обвинение в том, что они нарушают свое обещание признавать только Пекин⁹. Цель визита Л.Семерса состояла в том, чтобы помочь Тайваню вступить во Всемирную Торговую Организацию (ВТО). Правительство континентального Китая в принципе не возражает против того, чтобы Тайвань стал членом ВТО, однако настаивает на том, чтобы в эту организацию первоначально вошла КНР.

В декабре 1966 г. министр иностранных дел Тайваня Джон Чжан посетил с неофициальным визитом Бельгию, вызвав резкое неудовольствие Пекина. Бельгия получила предупреждение не допускать впредь подобных визитов¹⁰.

В августе 1996 г. посол Украины в Пекине был вызван в МИД КНР, где ему был заявлен официальный протест относительно визита на Украину вице-президента Тайваня Лянь Чжана. В знак протеста КНР отложили визит на Украину одного из членов Политбюро Компартии Китая. Украинские официальные лица выступили с опровержением сообщения о том, что Лянь Чжань встречался с президентом Украины Л. Кучмой, однако тайваньские средства массовой информации настаивали на том, что встреча состоялась.

В январе 1997 г. премьер-министр Тайваня Лянь Чжань встретился с Папой Римским Иоанном-Павлом-II в Ватикане (Ватикан - один из 30 государств, поддерживающих дипломатические отношения с Тайванем), спустя несколько часов Пекин предупредил Ватикан о вмешательстве во внутренние дела Китая.

Поездка президента Тайваня Ли Дэньхуэя в Латинскую Америку в сентябре 1997 г. с целью укрепления отношения с союзниками в регионе, наиболее значительным из которых является Панама, вызвала резкий протест Пекина. Китаю удалось убедить глав государств, включая президента США Б.Клинтон, не принимать участие в предполагаемом саммите по обсуждению вопросов, связанных с будущим зоны Панамского канала только на том основании, что там будет присутствовать президент Тайваня. Во время поездки по странам Центральной Америки тайваньский президент резко критиковал "гегемонистскую политику" Пекина и по словам зарубежных обозревателей, некоторые формулировки казались неуместно провокационными¹¹.

В марте 1998 г. мэр Тайбэя посетил с 8-дневным визитом США. В ходе поездки он побывал в Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго и встретился с вице-президентом США А.Гором. Поездка состоялась вскоре после

Проблема воссоединения с Китаем

Воссоединение материкового Китая с Тайванем таит в себе много вопросов и нерешенных проблем. Необходимо заметить, что сделан значительный прорыв в преодолении почти полувекового соперничества и глубокой конфронтации. Власти Тайваня произвели пересмотр всей своей политики тотального антикоммунизма и самоизоляции от материка, символом чего стала отмена ими в 1991 г. периода "мобилизации для подавления коммунистического мятежа", введенного еще в 1949 г.

Связи между материковым Китаем и Тайванем достигли внушительного объема и продолжают интенсивно развиваться несмотря на то, что осуществляются они круглым путем, главным образом через Гонконг. Идет размывание системы барьеров "трех нет" ("нет контактам, нет переговорам, нет компромиссам с коммунистами"), введенной гоминьдановскими властями Тайваня еще в годы острой вражды между ними и лидерами КНР. Сенсацией стала встреча в апреле 1993 г. в Сингапуре руководителей двух лишь формально неправительственных организаций: Ассоциации связей через пролив (КНР) и Фонда обменов через Тайваньский пролив (Тайвань).

Достигнутые на встрече договоренности о последующих контактах и о круге подлежащих обсуждению вопросов оказались настолько значительными, что обе стороны расценили ее как шаг исторической важности. В числе намеченных направлений сотрудничества значились: содействие молодежным и научным обменам, передача компьютерной технологии, обсуждение вопросов стандартизации продукции и унификации научных терминов¹⁴.

28 апреля 1993 г. китайские власти ввели разрешение на двустороннюю торговлю, которая позволяет фирмам на Тайване импортировать более 482 видов товаров и продуктов из материкового Китая. Тайваньским банкам было разрешено устанавливать корреспондентские отношения с китайскими банковскими учреждениями, осуществлять международные расчеты.

Как уже отмечалось, визит президента Тайваня Ли Дэнхуэя в США и непрекращающиеся с 1995 г. поездки высокопоставленных тайваньских чиновников в зарубежные страны способствовали тому, что отношения между двумя странами обострились до такой степени, что Пекин в течение 8 месяцев проводил военные учения у берегов Тайваня, а во время президентских выборов в марте 1996 г. произвел испытание ракет в непосредственной близости от острова, чтобы деморализовать население и сломить волю тех кандидатов тайваньские президенты, кто выступает за "независимость" и пытается навечно отколоться от материка.

В конце апреля 1998 г. после почти 3-х летнего перерыва в Пекине возобновились переговоры между Ассоциацией связей через пролив и Фондом обменов через Тайваньский пролив. По мнению обозревателей,

эти переговоры должны "растопить лед" в отношениях между КНР и Тайванем, причиной которого послужила злополучная поездка Ли Дэнхуэя в США, а также проложить путь к дальнейшему расширению контактов и взаимовыгодному сотрудничеству.

Ранее Тайвань настаивал на том, чтобы переговоры ограничивались экономическими и административными вопросами. Сейчас же в повестку дня включены и политические вопросы. Тайваньские лидеры требуют от властей КНР прекратить деятельность, направленную на политическую изоляцию Тайваня на международной арене, и провозгласить отказ от угрозы использования силы в отношении острова. Тайбэй включает выполнение этих требований в понятие равноправных взаимоотношений с материком и лишь при условии их удовлетворения считает возможным дать зеленый свет "трем видам связей" (торговые, транспортные и почтово-телеграфные). Однако и то, и другое составляет принципиальную линию Пекина, которую он мотивирует необходимостью в зародыше пресечь процесс трансформации Тайваня в отдельное независимое государство.

В отличие от Гонконга и Макао (португальская колония, перейдет под суверенитет Китая 19 декабря 1999г.) не существует договора, согласно которого Тайвань был бы воссоединен с Китаем. Более того, Пекин угрожает применить силу, если Тайвань будет стремиться к независимости. И даже, если концепция "одна страна - две системы" будет успешна реализована в Гонконге, Пекину придется поработать более усердно, чтобы убедить тайваньцев в том, что объединение - только в их интересах.

В то же время на Тайване полагают, что в Китае следует довести до конца целый ряд радикальных перемен, прежде чем Тайбэй сможет приступить к возможности начать переговоры о воссоединении. Эти условия изложены в пространном документе под названием "Руководство по национальному объединению" Тайвань требует, чтобы в любом случае для него сохранялась возможность "дышать воздухом всей планеты", то есть действовать на мировой арене самостоятельно. Другими словами, перспектива воссоединения Тайваня с КНР пока остается туманной.

¹⁴ "Проблемы Дальнего Востока". 1993. №5.

¹⁵ "Beijng Review". 1992. №25 August 10-16.

¹⁶ Free China Journal. 1994. Januar 24.

¹⁷ "All over the globe". 22.3.1996.

¹⁸ Laura Tyson. Taiwan: Searching for national identity. 7.10.1997.

¹⁹ "Проблемы Дальнего Востока". 1993. №5.

²⁰ "Beijng Review". 1993. №5. 1-7 February.

²¹ "Beijng Review". 1993. №23. August, 23-29.

²² "All over the globe". 20.9.1996.

²³ "All over the globe". 13.12.1996.

²⁴ "All over the globe". 14.1.1997.

²⁵ Laura Tyson. Taiwan: Searching for national identity. 7.10.1997.

²⁶ "Деловая неделя". 8.5.1998.

²⁷ "Beijng Review". 7-13 June. 1993.

влияния. После смерти Абулхаира коронация хана или "поднятие на белой кошме" утверждалась указом российского монарха. Ханам и султанам назначалось государственное жалование. Но Аблай-хан после обряда коронации "не хотел ехать на русскую границу для принятия присяги"⁹ на верность России. Аблай-хан старался проводить независимую политику, лавируя между Россией и Китаем. Известно о посольствах Аблай-хана ко двору богдыханов, правителей Китая, о заложниках при их дворе как выражения лояльности со стороны казахов. В то же время Аблай понимал, что без признания российской императрицей Екатериной II его ханского звания он этим титулом не может "имяноваться". Надеясь получить военную помощь, в 1778 г. Аблай-хан обратился к российской государыне с просьбой признать его ханское достоинство и не получил отказа. Через год русские строители построили Аблай-хану деревянный дом "близ реки Ишима в горах Енгистау"¹⁰. Это, однако, не дает основание думать, что Аблай-хан легко шел на упрочение русского влияния. Уже одно то, что хан принял этот титул в 1771 г., а обратился к императрице лишь в 1778 г., говорит об обратном.

Будучи уже утвержденным в Санкт-Петербурге в ханском достоинстве, он категорически отказывался от принесения присяги на верность российскому престолу в Петропавловске и принятия положенных подарков от российской стороны¹¹. Многозначителен и такой факт: Аблай еще в 1759 г., когда был султаном, отказался от заманчивого предложения принять титул хана от российских властей. А в 1774 году Аблай-хан вступил в сговор со злейшим врагом Екатерины II, мятежником - "самозванцем" Е.И. Пугачевым, выдававшим себя за русского царя Петра III. Переписка и обмен посланцами между ними начинаются с марта - апреля 1774 г. После долгих колебаний Аблай-хан принимает решение о военном выступлении в поддержку мятежников против российского правительства в апреле - мае того же года, за что Пугачев обещал "отдать им всех сибирских дворян в подданство". По просьбе Пугачева Аблай-хан во главе большого отряда атакует и разоряет ряд российских крепостей на Ново-Ишимской линии, о чем известно из рапорта российского генерала Деколонга и письма Аблай-хана к Пугачеву, где он просит разрешения взять в собственность захваченных им русских пленных, на что незамедлительно получает согласие¹². Казахский отряд из Серединного жуза принимал участие в 1774 г. в пугачевской осаде Оренбурга, в сражении с царскими войсками под Татищевой крепостью 2 марта 1774 г.¹³ Поэтому становится ясно почему российский наместник Сибири и Башкирии И. Якоби, раздраженный противодействием Аблая, писал, что последний "горд, взмерчив, упрям и непостоянен"¹⁴.

Однако, ни запоздалый союз казахов с джунгарами против Китая, ни дипломатическое искусство и власть в степи Аблай-хана не могли изменить ход истории. Попутные ветры истории дули тогда в паруса колониализма. И вопрос утраты Казахстаном независимости в XVIII веке был исторически предрешен. Исходя из, разумеется, сомнительной теории "наименьшего зла", представляется, что подчинение России в тех исторических условиях было предпочтительным, поскольку Россия была более передовой страной по сравнению с Китаем в XVIII веке. Аблай-хану удалось отсрочить неизбежное на несколько десятилетий, но после его смерти в 1781 году его сын Вали, ставший ханом, отказался от политики отца, усердствуя в выполнении своих обещаний о "верности" перед российскими властями.

Но хан Аблай остался в памяти народной как символ независимой казахской государственности, который как правитель казахов был назначен не иноземным монархом, а "утвержден в своем достоинстве народным собранием (курултаем)", представленном всеми условиями казахского общества.

Так, де-факто произошел, вероятно по негласной договоренности раздел Центральной Азии между Россией и Китаем, хотя окончательно он оформился в XIX веке после захвата российскими войсками Кокандского, Хивинского ханств и подчинения Бухарского эмирата в Средней Азии и Южном Казахстане, а также после разгрома в Восточном Туркестане государства Якуб-бека - Йетишаар (Семиградье), выходца из Коканда, временно восстановившего восточнотуркестанскую независимость и пользовавшегося поддержкой Британской и Османской империй, что однако не помогло ему устоять под военным натиском Китая, обеспечившего себе дипломатическую поддержку России.

Таким образом с этого времени судьбы Центральной Азии решались в изменившихся геополитических условиях: Казахстана и Средней Азии в составе Российской империи, а Восточного Туркестана, Монголии в составе Китая, судьбы которых им и предстояло разделить. В течение конца XVIII и первой половины XIX века вплоть до начала 60-х годов завершился период поглощения казахских земель Российской империей. Это был драматический и вместе с тем противоречивый процесс в истории Казахстана. Он вместили в себя ликвидацию основных атрибутов казахской государственности, как-то: упразднение института ханской власти согласно реформе Игельстрома 1785-1786 гг., а также "Уставу о сибирских киргизах" и "Уставу об оренбургских киргизах" от 1822 г.; замену суда биев общеимперским российским судом, усиление роли российских военных судов; переход сбора налогов в степи в ведение российских властей, военную колонизацию казахских земель и усиление роли русского казачества как колониальной опоры царизма путем создания новых казачьих войск - Сибирского, Оренбургского, Семиреченского; строительство новых городов, крепостей и укрепленных

линий кольцом охватившие к середине XIX века Казахскую степь от Каспийского моря до Иртыша и от Ишима и Тобола до Аральского моря, Сырдарьи и Семиречья; резкое ограничение прав всех сословий казахского общества, превращая согласных ханов, султанов и биев в служилых чиновников низового звена российской администрации, а несогласных подвергая репрессиям. Примером этого может служить судьба Арынгазы Абулгазиева избранного в 1816 г. на курултае родовой знати ханом Младшего жуза в противовес хану Ширгазы¹⁵, назначенного русской властью. Энергичный и волевой Арынгазы добился официального признания его ханом со стороны бухарского эмира. Но сильная личность на ханском троне не устраивала российские власти. В 1821 г. Арынгазы был вызван в Петербург, а по дороге задержан и сослан в Калугу, где и умер в 1833 г. Это решение было принято в целях избавления от влиятельного хана, а затем отмены самого института ханской власти. Долгий, трудный, а временами кровавый процесс поглощения Казахских степей Российской империей не получил еще точного, признанного всеми историками названия. Для обозначения его существует несколько терминов. Каждый из них вполне точно отражает какую-то сторону этого процесса, какую-то одну точку зрения ученых. Чаще говорят о завоевании Казахстана Российским государством или о присоединении Казахстана к России. К кровавым и трагическим страницам этого периода в истории Казахстана относятся антиколониальные восстания казахского народа, такие как движение под предводительством популярного в народе, участника пугачевского бунта в России, батыра Срыма Датова в 1783-1797 гг. в Приуралье, чью роль в этих событиях наглядно иллюстрируют слова известного русского полководца А.В.Суворова, усмирителя восстаний народов России: "...киргизскую (казахскую) толпу с Сырым-батыром, где бы оной в злоумышленном виде не появился, само его весьма искоренить, схватить или на месте умертвить, какую бы ни дальнюю погоню за ним чинить ни досталось, под строжайшим воинским взысканием; равномерно тоже чинить с его главными сообщниками..."¹⁶. Но если восстание Срыма Датова в определенной степени достигло своих целей, заставив русские власти пойти на компромисс с повстанцами, что выразилось во временном предоставлении казахам права кочевать в междуречье Урала и Волги, в запрете Уральскому войску нападать на казахские аулы, в отстранении от власти хана Нуралы, ставленника российских властей, то восстание казахов Прикаспия во главе с родовым вождем Исатаем Таймановым и поэтом-импровизатором Махамбетом Утемисовым в 1833-1838 годах было жестоко подавлено царскими войсками¹⁷. Исатай Тайманов пал в бою, а Махамбет Утемисов скрылся в степи. Но все же эти движения носили локальный характер и были предтечей более мощного взрыва, известного в истории Казахстана как движение Кенесары Касымова, потомка Аблай-хана. Еще в 1827 г. отец Кенесары Касым и его старший брат Саржан, добиваясь восстановления ханской власти и передачи

ханского титула Касымовым, начали набеги на русские селения и караваны. Восстание под руководством Кенесары в 1837-1845 гг. охватило огромные просторы не только Казахстана, но и Средней Азии. Регулярные карательные экспедиции российских войск против Кенесары заставили его откочевывать то на территорию Кокандского ханства, то в Кыргызстан. Кенесары Касымов был, несомненно, крупной и яркой личностью. Однако, вряд ли стоит ему давать однозначную оценку. Он никогда не останавливался перед кровопролитием, безжалостно казнил "отступников", дотла сжигал целые аулы и станицы. Он восстановил традиционные институты казахского общества - ханскую власть, суд биев, закрепил нормы мусульманского права в налоговой политике. В целом всесторонняя оценка деятельности Кенесары - дело будущего. Вплоть по настоящего времени на нее влияют различные факторы политической конъюнктуры, например только с 1917 по 1953 годы эта оценка менялась несколько раз от "героя" национально-освободительного движения до "реакционера". Все это следствие предвзятых подходов, они необъективны и антиисторичны. Деятельность Кенесары Касымова была достаточно многогранна, противоречива и неоднозначна. Трагичен был финал его жизни, слишком могущественны оказались его враги, помимо России он восстановил против себя Коканд и Хиву, а также кыргызских владетелей - манапов, от рук которых он и погиб¹⁸. Антиколониальные восстания сотрясали Казахские степи и во второй половине XIX и в начале XX веков. К наиболее значительным из них относятся выступления батыра Джанхожи Нурмухамедова сначала против Хивинского ханства в 1843-1845 гг., а затем в 1856-1857 гг. и против русской власти в регионе Сырдарьи¹⁹, восстание под предводительством Есата Котибарова в Приуралье в 1855-1858 гг.²⁰, волнения 1868-1870 гг. в Уральской и Тургайской областях, на Мангышлаке, жестоко подавленные Уральским и Оренбургским казачьими войсками, а в последнем случае регулярными российскими войсками, переброшенными с Кавказа и имеющими опыт Кавказской войны, совместно с военными судами Каспийской флотилии²¹. И наконец, апогеем национально-освободительной борьбы казахского народа было восстание 1916 г., вызванное тяготами первой мировой войны, переселенческой политикой царизма, поводом к которому послужила принудительная мобилизация коренного населения на тыловые работы в прифронтную зону. Восстание охватило весь Казахстан и Среднюю Азию и привело к многочисленным жертвам. Наиболее крупными очагами восстания были Семиречье и Тургай. В результате действий карательной экспедиции русского генерала Лаврентьева восстание было подавлено и 300 тысяч казахов и кыргызов бежали в Китай²². Политика России в отношении кочевых народов, в частности, казахов, во многом несла на себе печать страха (во всяком случае до начала XIX века), еще со времен ордынского владычества, перед угрозой возможного объединения кочевых народов, что и обусловило,

Эта региональная закономерность, как отмечают специалисты, совпадает с низкими социально-экономическими показателями в этих областях, а именно, перенаселенностью и трудоизбыточностью людских ресурсов, большинство которых составляют молодые люди, высокой степенью безработицы, аграрной направленностью экономики.

Сказанное не означает, что эти регионы во всех государствах Центральной Азии автоматически становятся очагами возникновения исламского экстремизма. Многие зависят от этно-культурной композиции на той или иной территории. Например, население Южно-Казахстанской области традиционно смешанное. Наряду с казахским большинством, проживают компактные группы узбекского меньшинства. Несмотря на большую религиозность местного казахского населения в сравнении с другими регионами Казахстана, более исламизировано традиционное узбекское меньшинство. В последние годы отмечается все больше случаев появления на территории области исламских проповедников из Узбекистана, ведущих не только сугубо религиозную, но и политическую пропаганду. В Ошской области Кыргызстана со смешанным кыргызско-узбекским населением, большую роль в исламизации также играет многочисленная узбекская община.

В новых независимых странах Центральной Азии, начиная с 1990 года, на базе казиатов (региональных отделений Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана (ДУМСК) в Ташкенте, стали создаваться самостоятельные мусульманские духовные управления (муфтиаты, казиаты). Процесс размывания некогда централизованной власти и обретения "независимости" в религиозной сфере предшествовал во времени событиям 1991 года - развалу Советского Союза и суверенизации его бывших республик. Причем первым мусульманским управлением, объявившем об отделении от ДУМСК, стал его филиал в Казахстане, ставший Духовным Управлением мусульман Казахстана (муфтиат). В то же время в Туркменистане еще в 1991 году ряд преподавателей казиата получали зарплату от ДУМСКа⁵.

Представляется, что большая религиозность населения наряду с неблагоприятными социально-экономическими факторами, снижающимся образовательным уровнем (появилась тенденция заменять светское образование на мусульманские воскресные кружки и школы при мечетях и исламских культурных центрах) создает определенные условия для возникновения социального недовольства в религиозной форме. Это уже было продемонстрировано опытом зарубежных мусульманских стран, в частности, Ирана.

Практически все новые государства Центральной Азии относятся к разряду "мусульманских стран" так как большинство населения составляют мусульмане. Исключение составляет Казахстан, где в силу этно-демографической конфигурации, совпадающей с

религиозной, ни одна религиозная община не составляет подавляющего большинства. Хотя, при сохраняющихся темпах и масштабах продолжающейся миграции европейского (христианского) населения за пределы страны и роста численности казахского и других тюрко-язычных народов (прежде всего, узбеков), мусульманская община в Казахстане, по-видимому, станет преобладающей.

Вместе с тем, в центрально-азиатском регионе отсутствуют другие параметры, характерные для зарубежных мусульманских стран, в частности: провозглашение ислама государственной религией, введение исламских норм (шариата) в правовую, социо-культурную и политико-правовую систему, законодательное закрепление привилегий мусульман в этнически и культурно разнородных обществах (яркий пример - Малайзия) и т.п.

Одним из решающих отличий между нашими обществами является образование, вернее его качество. Следует отметить все еще высокий уровень грамотности в Центральной Азии, унаследованный от советских времен, в то время как в зарубежных мусульманских странах для подавляющего большинства населения начальное религиозное образование в силу его доступности и дешевизны остается единственным источником грамотности. К сожалению, продолжающееся ухудшение системы образования в нашем регионе может привести к снижению количества грамотных людей. Это, в свою очередь, ведет к образованию вакуума, который может заполняться дешевым религиозным просвещением, более доступным, чем светское образование.

Следует сказать, что в целом, официальная политика в государствах региона в отношении ислама определяется законами, принятыми в отношении религиозных объединений в целом. Это нашло отражение в Конституциях этих стран и принятии специальных законов о свободе совести и религиозных организациях, провозгласивших отделение религии от государства, равенство всех религиозных конфессий на территории этих государств, запрет на деятельность религиозных политических организаций. Вместе с тем, в последнее время в некоторых странах появилась тенденция пересмотра прежних законов в сторону большего контроля государства за религиозными организациями.

Исламистские организации, то есть религиозные политические партии, ставящие своей целью построение исламского государства, возникли в Центральной Азии как отделения Всесоюзной Партии Исламского Возрождения, в том числе, в Узбекистане, Таджикистане, в конце 90-годов на волне всеобщей либерализации. Недолго оставаясь легальными политическими движениями, они вскоре были запрещены: в Узбекистане - поскольку стали приобретать широкую популярность как привлекательная альтернатива пост-коммунистическому авторитарному режиму; в Таджикистане - как составной элемент борьбы региональных кланов за власть.